

Ольга Тусейнова

Второй шанс
для Арел

Разрешите представиться, меня зовут Алев! Я сирота, которую воспитал один из детских домов России. Пятнадцать лет я ищу своих родителей и смысл в своей пустой холодной жизни. Иногда мне кажется, что этот мир чужой для меня и вокруг, сплошная серость и безысходность. И вот, когда разгадка тайны моего рождения уже так близка, судьба делает ход конем и я погибаю. Но боги ведут свои собственные игры и мне подарили второй шанс на жизнь. Новую жизнь со своими проблемами, со своими сложностями и испытаниями, а главное, возможность заглянуть в прошлое. Теперь я рожденная огнем вынуждена бороться, бороться изо всех сил, ведь от меня зависят судьбы многих НЕЛЮДЕЙ и моя собственная! На этот раз я не упущу свой шанс! И в новой жизни научусь любить и стану любима! Главное не сдаваться и идти только вперед, обрести друзей, встретить врагов, а так же, наконец, обрести свой смысл в жизни, ведь у каждого он свой!

— Здесь прекрасная лоджия с видом на парк, и вообще, два балкона — это очень приятный бонус, как вы считаете, Алев? И не забывайте, этот район весьма и весьма хорош по всем характеристикам. Вы молодая, заведете семью и близко расположенные садики, школы и магазины будут очень важным преимуществом именно этой квартиры.

Настойчивый голос риэлтора Марии доносился до меня будто издалека. Я остановилась возле одного из окон осматриваемой двухкомнатной квартиры и вглядывалась вдаль, озаренную солнцем. С десятого этажа — это довольно легко сделать. Быть ближе к солнцу и теплу, которого сейчас так не хватало внизу. А если быть совсем честной с собой, то именно мне. Медленно повернувшись к Марии, мысленно ухмыльнулась, заметив как она, поймав мой взгляд, уже привычно для меня вздрогнула и смущенно отвела глаза. Моя внешность — одновременно дар и головная боль, как я успела убедиться, причем еще в детстве.

— Хорошо, Мария я вас внимательно выслушала и согласна подписать предварительный договор...

Услышав трель телефона, прервалась на полуслове и, вытащив его из сумки, замерла, увидев входящий номер. Потом, глубоко вздохнув, ответила:

— Слушаю!

— Алевтина Штерн?

— Да, говорите!

— Вас беспокоит Ирина из 'Ищу тебя', мы нашли одну пару, потенциально подходящую под ваш запрос. Вы могли бы подъехать к нам в офис и посмотреть данные?

От долгожданной новости сперло дыхание, потеряв висок, продолжила говорить:

— Могу ли я узнать хотя бы предварительную информацию сейчас?

— О, конечно, Алевтина Викторовна, я понимаю ваше нетерпение. Это пара из Восточной Германии. Сейчас они живут в Берлине, но именно в то время были со своим ребенком в России, путешествуя. Попали в автомобильную аварию, и их дочь погибла. Они до сих пор не верят в это, потому что машина сгорела, и труп так и не был найден. Все очень похоже на ваш случай, как вы считаете? И еще хочу вам сразу сказать, что их фамилия Штерн.

Внутренности словно в узел скрутило. Судорожно сглотнув, я выпалила:

— Я приеду в течение пары часов в зависимости от пробок. Они знают, обо мне, и где я живу?

— Да, Алевтина Викторовна! Но боюсь вас расстроить, предполагаемый отец немног болен, и поэтому сами они прилететь не в силах. Но готовы оплатить вашу поездку. Вы согласны?

— Ничего не надо! Я сама в состоянии оплатить перелет. Для меня главное узнать, они это или нет. Я слишком долго ждала.

— Я понимаю вас, и постараюсь все устроить как можно быстрее, и тщательно перепроверить.

— Спасибо, Ирина, я буду очень вам благодарна! Я с сегодняшнего дня как раз в отпуске и хотела бы успеть, все сделать в течение двух недель.

— Хорошо, мы постараемся. До встречи!

Трясущимися руками убрала телефон в сумку, все еще не в силах поверить, что моя

мечта, возможно, осуществилась. Я нашла родителей. Сейчас мне двадцать семь лет, двенадцать из них, по приблизительным подсчетам медиков, я не помню. Меня нашли возле сгоревшей машины, в одной рубашке до колен, и кроме своего имени и фамилии, я ничего не помнила. Алев Штерн, а на безымянных пальцах обеих рук красуются яркие черные татушки колец с языческими знаками. Медики в спецприемнике, куда меня доставили, определили приблизительный возраст — двенадцать лет. Социальные службы меня, после коротких бесплодных поисков моих родителей, определили в один из московских детских домов. Это время я до сих пор вспоминаю как самое страшное испытание в жизни.

Очутиться в неизвестном месте, не разговаривая на языке окружающих, не помня о себе ничего, и затем попасть в мир детской жестокости — это стало моей первой школой на выживание. Я стала маленьким диким зверьком без поводка и ошейника, пришлось зубами и кулаками отстаивать свое спокойствие, безопасность и уважение остальных обитателей этого маленького персонального ада для каждого из нас. Но именно эта школа не дала мне сначала замкнуться и сойти с ума в борьбе за выживание, а потом заставила начать думать о будущем, не пытаясь все время вгрызаться в свою память и вернуть утраченные навыки и знания.

Я настойчиво училась всему, что знали другие, а я по какой-то причине забыла. Потом начала изучать то, что не знали, а точнее просто не хотели знать другие. Именно знания и невероятное упорство позволили мне поступить в университет сразу по окончании школы, получить от государства свою комнату в коммуналке и затем найти приемлемую работу. Вот уже два года я занимаю должность главного бухгалтера в крупной торговой компании, занимающейся продуктами питания, и получаю очень приличные деньги. Все девять лет после того как я покинула детский дом, всеми фибрами своей души пыталась вытравить из себя детдомовские замашки. Научилась готовить, вести домашнее хозяйство, прилично разговаривать, но главное, всегда и везде держать голову прямо, словно свысока взирая на всех.

Накопив определенные средства, начала поиски своих родных, а сейчас собираюсь купить свою первую долгожданную квартиру. От коммуналки я устала сверх меры, стыдилась приглашать в это жилье гостей. Да и времени у меня ни на что кроме работы не хватало. Весь день расписан по минутам, сначала учебой и работой, потом только работой. Я работала как каторжная, чтобы утвердиться в жизни, рассчитывая, что как только узнаю кто я, моя жизнь полностью изменится. Из-за этой слишком навязчивой идеи я так и не завела ни одну подругу или друга, даже любовника нет. Зачем? Ведь я так ждала, что скоро все изменится и пустота в сердце, и холод в душе исчезнут, стоит обрести утерянную семью.

Именно к этой заветной мечте я шла всеми доступными средствами и лелеяла ее короткими ночами, и загруженными днями. Иногда скопившееся напряжение грозило сорвать внутреннюю плотину, которую я годами тщательно выстраивала, защищая себя от окружающих, опасаясь их мнения обо мне. А еще больше, чтобы полностью не поверить, что я отпетый трудоголик, живущий бредовой идеей, который не в силах объяснить самому себе, почему все вокруг кажется таким чужим и нереальным. Как будто смотришь старый фильм, вроде и мир тот же, а все не так и незнакомо, и не твое. С того самого момента, когда я очнулась возле сгоревшей машины и по сей день, не могу вырваться из этого старого, черно-белого кино, потому что чувствую — я здесь чужая. Именно поэтому с таким фанатичным упрямством искала ответы. Кто я? Откуда?

— Извините, Алевтина Викторовна, вы готовы подписать договор на покупку этой

квартиры? — голос риэлтора вырвал из хаотичных мыслей.

— Прошу прощения, но мне требуется тайм-аут на неделю, — студеным взглядом главного бухгалтера посмотрела на нее, предотвращая даже малейшие пререкания, — непредвиденные обстоятельства вынуждают меня срочно вылететь в Германию. Сразу по возвращению свяжусь с вами, Мария, и мы закончим дела.

Кивнув ей на прощание, быстро покинула квартиру, мысленно уже находясь в полете к своим возможным родственникам.

Глава 1

Аэропорт заставил почувствовать себя усталой и оглушенной, как только я в него вошла. Закончив все процедуры по оформлению, уселась в ожидании посадки. Напротив меня в кресло села довольно высокая крупная брюнетка с короткой стрижкой и яркими голубыми глазами, излучающими оптимизм и тепло. Сбоку расположилась группа немцев, которые гоготали словно гуси, рассматривая шапки-ушанки военного образца со звездочками. Брюнетка, поглядывая на немцев, тоже улыбалась их забаве. Впервые в жизни я почувствовала какое-то внутреннее родство с посторонним человеком и неожиданно для себя, спросила:

— Вы тоже в Берлин?

— Да, к тетке еду!

Едва успевший начаться разговор прервался сообщением о начале посадки на наш рейс. Подхватив свою небольшую дорожную сумку, в которую вошел весь мой нехитрый багаж и, повесив на плечо сумку с документами, да необходимыми мелочами, отправилась на посадку. Мы вместе прошли на борт к своим местам в бизнес-классе, разложили вещи и уселись рядом в ожидании.

— Вы впервые в Германию? — спросила девушка.

Посмотрев на девушку, я лишь согласно кивнула головой. Та же, смущенно улыбнувшись, представилась:

— Я тоже! Меня зовут Юлия Крымова.

— Алевтина Штерн, но вообще предпочитаю имя Алев!

Пока мы знакомились, бортпроводники начали готовиться к взлету. В самый последний момент, перед закрытием дверей, в салон закатили небольшую коляску для перевозки инвалидов, и высокий солидный мужчина помог хрупкой, болезненного вида девушке пересест из коляски в кресло. В тонких синюшных руках она держала небольшой кислородный баллон, к которому с помощью трубки крепилась маска, закрывающая нижнюю часть лица. Как только она оказалась в кресле, быстро окинула карими любопытными глазами всех пассажиров бизнес-класса, и с горящим в них энтузиазмом уставилась на нас. Заметив наше ответное любопытство, начала разговор первой:

— Привет, меня зовут Елена Севастьянова. Еду на операцию, надеюсь ее благополучно пережить.

Она сказала это с легкой усмешкой, но мы с Юлей в первую секунду не смогли сдержаться и нахмурились, сочувствуя и сожалея, хотя быстро взяли себя в руки и, улыбнувшись в ответ, по очереди представились. Моя соседка начала первая:

— Привет, меня зовут Юля Крымова, я в гости к тетке лечу, она недавно замуж за иностранца вышла.

Она постаралась веселой задорной усмешкой, сгладить нашу неловкость впервые секунды знакомства. После нее представилась я, стараясь глазами передать тепло и поддержку своим новым знакомым. Я даже не знаю почему, но решила сказать честно о цели своей поездки. Наверное, из-за храбрости Елены и сердечности Юлии. Я почувствовала себя не одинокой рядом с ними. Впервые в жизни. И это чувство толкнуло на откровенность и подарило надежду на возможную дружбу в будущем:

— Привет, меня зовут Алев Штерн, я лечу в Германию, потому что там, возможно,

живут мои биологические родители. Я сирота и уже много лет ищу своих родителей, возможно немцы, к которым лечу, они и есть. Кроме имени и фамилии ничего не помню о себе!

Юля и Лена с сочувствием посмотрели на меня, но опять же впервые в жизни это не задело мою гордость, а лишь прибавило им моего расположения. Лена, судя по всему не задумываясь над действием, пожала мою ладонь в попытке поделиться пониманием и теплом. После того как она смогла коротко пообщаться со своим врачом, интересующимся ее самочувствием, они с Юлей плавно переключили разговор на мелочи. Выяснив, кто, где остановится в Берлине, мы на секунду замолчали, и тут совершенно неожиданно начался кошмар любого пассажира самолета, который он воображает себе перед полетом.

Все началось с оглушительной тишины, потом раздался странный хлопок и выпали оранжевые кислородные маски, от чего на голове волосы встали дыбом. Резкий душераздирающий вопль в конце салона заставил меня схватить Лену за руку, с другой стороны в мою вторую руку вцепилась Юля. Тишина огласилась вестником приближающейся смерти, как мне в тот момент показалось. А затем нас накрыл шквал огня, моего старого знакомого, о котором я пятнадцать лет никак не могу забыть, и боль приняла меня в свои объятия, но ненадолго. Вслед за ней пришла темнота.

Я очнулась! Не открыла глаза, это точно, но знала и словно видела своим внутренним я окружающую действительность. И эта самая действительность напугала меня до чертиков. Я не ощущала своего тела и все никак не могла понять, каким образом все чувствую и вижу. А главное — мыслю! Вокруг все стало серым, чувства, наполнявшие меня — муторными и хаотичными. Ощущение одиночества усилилось, так же как и ужас от того, что меня тянуло куда-то. Впереди засветилось странное светлое пятно, а рядом неожиданно проявились серебристые точки. Они так интересно светились каким-то волшебным, серебристым, пульсирующим светом, создавая иллюзию живого организма. Но вот они обе подлетели ко мне, и я почувствовала родство. Елена и Юлия. Это их души. В панике, что они исчезнут, рванула к ним, потянувшись всеми фибрами души, и мы неожиданно слились в единое целое и какое-то время медленно парили в серой мути, наблюдая как то тут, то там рядом с нами возникают другие неприкаянные души в поисках последнего пристанища.

Было тяжело вот так парить, притягиваясь тем странным светлым пятном и все еще думать о своей жизни, и ощущать целую пропасть в душе. В этой пропасти уже давно поселилась пустота, и было горько сознавать, что двадцать семь лет своей жизни, если конечно медики, верно, определили мой исходный возраст, я потратила впустую. Особенно последние пятнадцать — постоянная гонка на выживание. Ничего хорошего, даже на море ни разу не была, в лес только на корпоратив пару раз съездила и то сидела там на стульчике, стараясь не ударить в грязь лицом. Как же, я могу испачкать костюм и обувь, или маникюр дровами испортить, или еще что-нибудь. Ведь я не голодранка, не колхозница, должна держать марку. А в итоге, лечу тут тоскливой серой массой незнамо куда и зачем. Как все! Боже, как обидно потратить жизнь на всякие условности и бредовые идеи, сходить с ума от мелочей, а главное, пропустить и не заметить. Захотелось побиться головой о стенку от ярости и тоски о несбыточном. Хотелось семьи, друзей, увидеть мир, наслаждаться мелочами, а главное, хотелось любить. И детей тоже хотелось. Именно сейчас до боли в отсутствующем сердце поняла, что хочу иметь своего ребенка. Пройти весь путь от зачатия до его рождения, видеть и участвовать в его взрослении. Боже, как же много я не успела и в тоже время потеряла, даже не заметив.

Мои самобичевания прекратила Елена, она неожиданно для нас с Юлькой, начала отчаянно вырываться из несущей нас в этой реке душ толпы. Ее судорожные рывки не оставили нас равнодушными, и мы начали активно помогать ей рвать невидимые путы, окружающие нас и удерживающие в этом сером мареве. И вот, когда мы дернулись в отчаянном рывке из последних сил, нам удалось вывалиться из общей толпы. Буквально мгновение, и серое марево пропало, оставив нас одинокими странниками в черной прозрачной пустоте.

Сбившись в кучку, серебристыми призраками парили в нигде, без малейшего понятия что делать дальше и, вообще, где находимся. Но тем не менее, наше единство придавало мужества и тепла. Сколько мы так парили, невозможно ни посчитать, ни прочувствовать, но неожиданно перед нами появилось странное скопление огромным ярких точек, которые довольно быстро увеличивались, превращаясь в нереально сказочное и даже родное ожерелье из звезд. Оно манило и звало, и я потянула девушек к нему.

Вдруг темнота вокруг нас сгустилась, превратившись в чернильное пятно, причем явно ощущалось, что оно живое. Рядом с ним расплылось яркое светлое облако. И это облако почему-то не выглядело инородным в этой темноте. А затем я услышала разговор. Станный разговор облака и чернильного пятна в пустоте, в ничто и нигде. Интересно, может я окончательно сошла с ума?

— Трое? Это странно, но зато как удобно, ты не находишь?

— Сестра, ты уверена, что приняла правильное решение?

— Да, родной, столько моих детей страдает, я должна им помочь исправить свои ошибки.

— Сестра, значит одна моя, мои дети уже слишком много заплатили за чужую вину, она станет искуплением и милосердием для них. Если ты правильно выберешь хрустальную слезу!

— Братец, не сильно ли ты много на себя берешь, требуя что-то у меня.

— Я прошу у тебя. Ведь в них и твоя сущность тоже! И ведь это твои детишки как всегда неудачно поиграли в проклятье, ты не находишь.

В пустоте всплыло третье пятно, серого тусклого цвета, и нагло вступило в напряженный разговор странной парочки. Как только оно проявилось, меня как будто одеялом укутали, стало так тепло и уютно.

— Брат, сестра, боюсь, вам обоим придется поделиться. Мои потомки вымирают, и скоро некому будет петь мне священные песни, и сила уйдет в пустоту, как и мы с вами. Мы слишком много дали воли своим потомкам, осталось мало времени и возможностей все исправить. Мы должны объединиться и решить эту проблему, иначе созданное погибнет, будет нарушен еще один закон мироздания, а главное — ожерелье миров распадется. Мне будет жаль, а вам?

Молчание остальных двух пятен тяготило мою душу, заключенную в маленькой серебристой точке, зависшую вместе с двумя другими перед тремя высшими и надеющуюся неизвестно на что. Я с трепетом ожидала окончания разговора. И странно, но мне кажется, что обе мои подруги ощущали те же эмоции.

— Решено, дорогие братья, я согласна с вами. Каждому миру необходимо дать по одной возможности. Одному из трех видов потомков — шанс на выживание.

— Скажи дитя, чего ты хочешь больше всего? — раздался в моей голове ее мягкий любопытный голос.

— Жить! Хочу любить и быть в ответ любимой.

Почувствовала или услышала такие же ответы своих спутниц. И то как дернулись мы трое, поняв, что ответили синхронно в один голос. Выходит, облако спрашивало одновременно всех? Серое пятно подобралось поближе, и я почувствовала согревающее тепло, исходящее от него. Снова удивилась способности чувствовать, при полном отсутствии тела.

— Занятные сущности, сестра? Не ошибись с выбором!

— Нам всем придется поделиться, брат, а тебе особенно, ведь твоим мирам нужна двойная помощь.

Серый потемнел и облетел нас троих, теперь уже испуганно сбившихся в кучу.

— Кем ты хочешь быть, дитя мое? — опять спросил женский голос:

И снова наш синхронный ответ, с легким удивлением в конце на столь странно поставленный вопрос:

— Женщиной!

— Любой?

Мы молчали, не зная что ответить. Но тут я почувствовала, как ответила Юля, не дав нам с Леной даже осмыслить сказанное:

— Какая разница какой, лишь бы молодой и красивой, но главное — счастливой!

Чернильное пятно заволновалось и тоже приблизилось к нам практически вплотную. Юля и я в ужасе шарахнулись от него в сторону, а вот Елена, наоборот, потянулась к нему за поддержкой и утешением, разъединяя наше трио.

— За счастье надо платить, ты готова, дитя мое?

Не раздумывая, с отчаянной надеждой, и не веря в осуществление невозможного, выкрикнула, снова удивленно услышав нас троих:

— Да, я готова!

Светлое облако, изменив форму, задумчиво зависло перед нами, потом выдало:

— Да будет так! Дитя мое, мы даруем тебе новую жизнь, и вы сами приняли ее такой, какая будет у каждой из вас. И один дар на всех вы поделите между собой. И единое проклятье на троих, хотя и выраженное в разных формах, но вам придется с ним справиться самим и поодиночке. Это ваша плата за новую жизнь.

Мы шокировано молчали. Серый задал вопрос, все больше темнея, а я от него все сильнее чувствовала ласковое тепло.

— Ты решила, кто, кому и как?

— Я решила положиться на судьбу, наши миры сами притянут достойную. А как? Я чувствую прошедших сквозь пламя, боюсь, у них нет другого выбора, как принять его. Им придется обвенчаться с ним снова, чтобы полностью возродиться в мире живых.

Как только в моей голове замолчал ее голос, они вплотную приблизились, и вокруг нас закружился хоровод, в скором времени превратившийся в одно сверкающее кольцо с нами посередине. Серое марево нигде вспыхнуло миллионом искр, а затем мое сознание поглотила дикая обжигающая боль. Но перед ней я услышала последнюю реплику белого облака и безотчетно поняла, что речь идет обо мне, но обращена к серому пятну.

— Смотри брат, твоя наследница все же вернулась! Твой мир заждался свое дитя. Для этой девочки нам придется потребовать у огня вернуть ей ее тело, которое он забрал совсем недавно. В твой мир вернулась истинная венчанная огня, мне жаль, что ее родителей нам так и не удалось спасти.

Я горела, причем в буквальном смысле в белом пламени. В первый момент на меня обрушилась нестерпимая боль, а потом словно старый знакомый пес, вцепившийся в ногу, но вдруг признавший хозяйку, зализал ранки от клыков — боль ушла, и меня мягко качало на горячих волнах, омывая душу, очищая ее и словно возрождая из небытия. Слова Высших обрели свой истинный смысл в моем сознании. Я вернулась! Я чувствовала, что вернулась домой. Правда, где мой дом, я так и не вспомнила.

Глава 2

Медленно, очень медленно сознание выплывало из рыжеватого-серой мути, оставляя в ней остатки старой боли и хаос мыслей. Наконец, я смогла полностью прийти в себя, но не торопилась сразу открывать глаза. Для начала попыталась другими органами чувств определить, где я и что со мной. Вихрь мыслей постепенно улегся, и я смогла, разложив всю информацию по полочкам, провести краткий анализ и систематизацию воспоминаний. Стало жутко, но вместе с тем необычная легкость родилась в моем теле, и надежда в душе. Открыла глаза и уперлась взглядом в розовые низкие облака, которые медленно, словно нехотя плыли по небу, изредка открывая непривычное красновато-розовое солнце. Как будто наперекор тяготению и реальности с правой стороны от солнца виднелся дивный серо-голубой полукруг огромного естественного спутника этой планеты. Точнее, он закрывал собой весь небосвод и нависал огромной массой над этим миром.

Другой мир, без сомнений. Я привыкла доверять как своим органам чувств, так и слишком логичному рассудку. Именно благодаря своей рассудительности и логичности смогла выжить, и за пятнадцать лет не свихнуться, но последовавшие после авиакатастрофы события напрочь смели всю логику, заставив вновь чувствовать. Глубоко вздохнула, с неудовольствием отмечая, что абсолютно голая, а здесь совсем не лето.

Кряхтя и постанывая от мелких судорог, сводящих мышцы, уселась. Тело неприятно покалывало, голова кружилась, все болело, но душа пела дуэтом с сознанием. Я жива! Мне подарили новую жизнь! Сложно поверить, а уж принять и подавно, но я, удивляя саму себя, мало того, что поверила и приняла, так еще и чувствовала себя при этом как никогда свободной. Я жива, получила шанс все исправить. Еще не знаю, что из себя представляет этот мир, но я раздвину рамки того старого черно-белого фильма, в котором жила все эти годы на планете Земля.

На колени упала ярко-красная, похожая на кровавый ручеек прядь волос. От неожиданности замерла, осознавая, что мои длинные, густые шоколадного цвета волосы стали красными. И хотя их структура и длина вроде прежние, но вот столь кардинальное изменение окраски поразило. Тут же задалась вопросом, что еще во мне изменилось. Посмотрела на руки-ноги, вроде те же, только кожа стала смуглее. А ногти скорее на коготки похожи, длиннее и острее стали. Ерунда, буду считать — новый маникюр. Однако пятая точка заметно подмерзала на холодной земле, а живот скрутило от голода. Не похожая на земное Солнце звезда в зените, и пока довольно тепло, но с приходом сумерек непременно станет холодно, я уже не сомневалась.

Тяжело вздохнув, встала на ноги, перед глазами тут же замелькали черные голодные мушки, немного постояла, чтобы прошли. Обняв себя руками, в природной стыдливости прикрывая округлые, довольно приличных размеров прелести и осмотрелась, решая в какую сторону брести, где найти ночлег и вообще... раздумывая над планом дальнейших действий.

Маленькая, покрытая густой зеленой травой полянка, на которой я очнулась, осталась далеко позади, а впереди лишь густой, незнакомый и пугающий лес. Но я не унывала, с каждым пройденным шагом тело наливалось силой и уверенностью. Я дома! Я живу! И хотя

страх и сомнения все еще терзали, но в голове постоянно всплывали последние слова пятен: 'Смотри брат, твоя наследница все же вернулась! Твой мир заждался свое дитя. Для этой девочки нам придется потребовать у огня вернуть ей тело, которое он забрал совсем недавно. В твой мир, брат, вернулась истинная венчанная огня, мне жаль, что ее родителей нам так и не удалось спасти.'

У меня снова родилась идея-фикс — узнать кто я и откуда. А главное, что стало с моими родителями, если их не удалось спасти этим Высшим. Ступая босыми ногами по земле, иногда шипя от боли, если что-то острое впивалось в ступни, я все еще боялась поверить в эту новую реальность. Голова активно работала, выдавая все новые и новые идеи и предположения, сердце металось от предчувствий, а душа сжималась в неуверенности и страха за дальнейшую судьбу. Все это перемешалось в калейдоскоп, который все время менял картинки моего будущего, прошлого и настоящего. Столько вопросов и ни одного ответа, как и всегда, впрочем!

Солнце плавно сместилось, скользя по небосклону и обещая земле скорое свидание. В густых зарослях леса уже начали скапливаться тревожные тени. Очень хотелось пить и есть, но еще больше — найти хоть какую-нибудь одежду. Вообще, страшно вновь очутиться неизвестно где и без малейших знаний об этом мире, как и пятнадцать лет назад. Но тогда я была хотя бы в рубашке, а сейчас еще и голая. Судьба, похоже, вновь проверяет меня на прочность, не давая расслабиться. И в моей жизни еще ни разу не появился хоть один человек или любое другое живое существо, которое бы меня искренне любило и заботилось. За все время, что я помнила, городская живность от крыс до последнего дворового пса меня боялась и ненавидела. А люди старались либо использовать, либо заискивающе заглядывать мне в глаза. Пару раз пытающиеся за мной ухаживать мужчины признавались, что мои яркие желто-карие глаза вызывают благоговение в первый момент, но холод в них заставляет отойти подальше.

Неожиданно внимание привлекли два звука. Первый — несказанно приятное журчание бегущей по камешкам воды, от чего я непроизвольно сглотнула, пытаясь смочить сухое горло. А второй — жалостливый скулеж щенка, испытывающего страх и боль, а может и вовсе умирающего. Вой маленького животного, напрочь отключил чувство самосохранения и осторожности. Я рванула на зов погибающего существа и, выскочив на небольшую поляну, которую неравномерно рассекал на две части ручеек, увидела жуткое зрелище.

Невиданных размеров змей коричневого цвета с зачатками лап в количестве шести пар в этот момент пытался проглотить странное животное. Черная, лохматая, с блестящими серебристыми кончиками шерстка. Плоская зубастая мордочка с носом розовой кнопочкой. Яркие голубые глаза с мольбой и ужасом смотрели прямо на меня, в то время как уже половина его тельца была внутри пасти ужасного коричневого змееподобного гада. Бросив судорожный взгляд по сторонам в поисках оружия, хотя, что я могла сделать против такого огромного монстра — не знаю. Но тут взгляд наткнулся на вторую жертву, которую змей, скорее всего, застал врасплох и задушил длинным многометровым хвостом. Судя по размерам второго, но уже мертвого животного, в пасти змея находился действительно щенок. И этот пушистый звереныш, упираясь в края развернутой пасти чудовища, издал последний писк умирающего, пока мощные челюсти, обволакивая тельце, проталкивали его внутрь. В тот момент мой рассудок полностью отключился, оставив лишь желание убить кошмарную тварь.

Схватив валяющуюся палку, подскочила к змею и ударила его по голове, крича во все

горло. Тот, только сейчас заметив меня, замер, уставившись жуткими, выпуклыми, фасетчатыми глазами, явно оценивая новую добычу. С размаху ткнув палкой, угодила монстру в глаз, еще и провернув ее для верности. Змей отшатнулся от меня и с влажным противным звуком выплюнул щенка, который упал мокрой кучкой и больше не шевелился. После того как рот чудища освободился, не обращая внимания на палку, торчащую у него из глаза, бросился на меня. Я успела отскочить с траектории нападения всего за долю секунды до того, как огромные кольца скрутились на том месте, где я стояла мгновение назад. Только успела развернуться, как огромное смертоносное тело вновь стрелой полетело на меня. Я же, лишь выставив руки в бессмысленном защищающем жесте, закричала, выплескивая ужас, и уже приготовившись к скорой смерти.

Сначала почувствовала, как мой ужас плеснул кипятком по рукам, а потом по морде змея ударила волна огня. Только через долгий, замедленный моим сознанием момент, я поняла, что этот огонь исходит от меня, от моих рук. Змей воспламенился и огромной, подергивающейся в агонии тушей свалился на обожженную пламенем землю. Ненависть тут же улетучилась как дым, оставив после себя бушующий в крови адреналин, а затем — опустошение. Я впервые убила живое существо, и от этого стало мерзко и погано на душе. Бросив мутный сумасшедший взгляд на страшную картину, заметила небольшое тельце щенка, лежащего в траве без движения. Кинулась к нему, присела, а потом, и вовсе опустившись на колени, наклонилась к тщедушному, но как оказалось, не такому уж и маленькому телу — размером с овчарку, но судя по габаритам его мамочки, теперь больше напоминавшей искореженную грудку мяса, он подрастет и станет размером с упитанного пони.

Запах паленой шкуры змея вызвал спазмы в желудке. Я осторожно дотронулась до помятой, испачканной в слизи шерстки щенка и ощутила, как неровно бьется его пульс и мелко подрагивает тело. На глаза навернулись слезы отчаянья. Я убила одного, чтобы спасти другого, но в итоге не спасла никого. Не убирая руки с умирающего щенка, завалилась на бок рядом с ним и, уткнувшись лбом в его судорожно подергивающееся тельце, заплакала. Страх, боль и одиночество, которые я испытывала пятнадцать лет, вновь напомнили о себе. Я сейчас сравнивала себя с этим маленьким, осиротевшим и умирающим животным. Он, так же как и я, одинок и беспомощен в этом, как оказалось, жестоком мире и кроме меня у него никого нет.

В груди, где скапливалась боль, затеплился странный клубок, который все разрастался и скоро тонким, горячим ручейком потянулся к руке, а потом, дотянувшись до ладони, скользнул к щенку. Тот дернулся, а я испуганно отдернула руку, и все резко прекратилось. Посмотрела на ладонь, но ничего странного не обнаружила, именно по этой причине я неуверенно положила ладонь на бок малыша и сосредоточилась в поиске и формировании нового горячего клубочка внутри себя. Очень удивилась, почувствовав его, а потом, все еще неуверенная в необходимости этого, направила поток энергии внутрь раненого зверька. На подсознательном уровне уловила отзыв его тела, приблизительно представив размер его повреждений, начала усиленно залатывать эти темные дыры. Снова мушки перед глазами, а желудок скручивается, протестуя, я чуть не отключилась от энергетического истощения, но у меня получилось. Лохматый зверь, как выяснилось, мужского пола вздохнул, легко и свободно открыв, наконец, голубые глазки и уставился на свою спасительницу, сидящую рядом с ним скрестив ноги и зябко обняв плечи.

Я вновь заплакала, когда он на подрагивающих лапах доковылял до матери и, обняв,

уткнулся ей в бок, поскуливая и завывая. Поднялась на ноги, щенок не реагировал, забывшись в своем горе, а я медленно подошла к туше убитого змея. Потыкав его ногой в жесткую скользкую шкуру, направилась к ручью. Невыносимо хотелось умыться и пить.

Вода подарила временное облегчение: горло перестало саднить, голодный желудок на время успокоился. Тщательно умывшись, попыталась освежить и тело, поэтому в очередной раз, опустив руки в воду, замерла, изумленно уставившись на них. На пальцах, где раньше были лишь цветные тату колец, сейчас обнаружилось два массивных перстня, как считалось на Земле — старинной работы. На правой руке из блестящего желтого металла, похожего на золото, с красным квадратным камнем и ажурной вязью, а на левой — из серебристого металла с черным камнем с огранкой ромб, в обрамлении вязи из рун.

Я медленно вытащила руки из воды и уставилась на них, не в силах осознать, что произошло, и как тату стали перстнями. Губы снова пересохли от волнения, и я наклонилась над водой.

— Полный абзац! — давно не употребляемое восклицание самовольно вырвалось изо рта, а я удивленно пялилась на свое отражение.

Вроде ничего не изменилось, но это с какой стороны посмотреть. Янтарные глаза стали еще больше и ярче, соперничая с солнечным светом. Ярко-красные волосы словно пламенем покрывали плечи, спускаясь ниже талии, впрочем, их-то я сразу рассмотрела как очнулась, а вот такого же цвета брови и ресницы поразили, никогда таких не видела, хотя ничего так, своеобразно, но красиво. Смуглая персиковая кожа идеально сочеталась с цветом волос, если бы не несколько тонких полосок блестящей на солнце красной чешуи, начинающихся от подбородка и сбегających вниз до плеч. Еще несколько подобных дорожек обнаружилось на ягодицах, спине и бедрах, интересно, а почему я их сразу не заметила.

Ух, ты! У меня еще и плоские острые уши появились, я медленно подняла руки и коснулась их, не веря глазам. Потрогала и согласилась — глаза все же не врут, мои ушки. Действительно похожи на сказочные эльфийские, правда не такие большие, а так ну очень напоминают... А вот губы остались прежними — полная верхняя и чуть меньше нижняя, довольно милый ротик. Клыков не появилось, и на том спасибо. Внутри все мелко вибрировало от напряжения.

Очень насущно встал вопрос: если эти Высшие вернули мне прежнее тело, то что я такое и откуда произошедшие изменения? Пробежала логичная мысль: 'Может я настоящая каким-то образом пряталась в эти самые перстни?' Но пока ответов нет, и получу ли их вообще — не известно. Но в той серой пустоте пообещала себе, что больше не буду заикливаться только на одной идее-фикс и начну жить по-новому и полной жизнью. А своим обещаниям я еще ни разу в жизни не изменяла. Плеснув в лицо воды, успокаивая нервы, повернулась к своему неожиданному подопечному. Он, все так же уткнувшись в бок мертвой матери, лежал рядом с ней, только уже тоскливо наблюдая за мной, от чего во мне все перевернулось. Стряхнув воду с рук и лица, пошла осмотреть поляну для решения только что появившегося вопроса. Прямо за деревом нашла глубокую яму или нору, видимо это дом пострадавших пушистиков. Подошла к щенку и, осторожно протянув руку, погладила по голове, почесала за ушами, успокаивая и делясь своим теплом. Потом тяжело поднялась, осознавая какую невыполнимую задачу повесила на себя, но бросить все как есть уже не могла. Взялась за лапы убитой самки и, кряхтя от натуги, потащила ее к норе. Щенок не сопротивлялся, но полз рядом, вслед за нами. В итоге, с горем пополам я затолкала ее тушу в нору и начала методично закапывать. Утрамбовав землю, нашла неподалеку несколько

камней и положила сверху, чтобы другие животные не раскопали своеобразную могилу.

Из последних сил добралась до ручья и смыла с себя всю грязь. Снова осмотрелась и удивилась скоротечности вечера. Сумерки уже опускались на землю, причем самым странным образом. Вытянув ладони, я в буквальном смысле собирала их в ладони, а сумеречный свет тягучей темной патокой сползал на землю, и времени оставалось в обрез. Пройдясь по округе, набрала кучу веток и небольших поленьев, сложила в стороне от могилы. Пришло время проверить мои догадки насчет добычи огня. Потому что если не получится, то замерзну на смерть, скорее всего. Сначала потыкала в дрова пальцами, потом поворошила. Разозлившись, ну надоел этот танец шамана по призыву бога огня, махнула рукой, выплескивая отчаянье и — вуаля. Гори-гори ясно, чтобы не погасло! Вот теперь, я точно согласна сплясать вокруг этого костра с бубном.

Удовлетворенно осмотрелась вокруг в поиске своего подопечного. Он лежал на противоположном крае поляны и в ужасе смотрел на огонь. Мой желудок громко требовал пищи, грозя привлечь внимание тех, кто еще не в курсе, что здесь остановилась одна голая ненормальная, но вполне съедобная, скажем так, женщина. Взгляд зацепился за огромную тушу убитого змея. От внезапно пришедшей в голову мысли снова затошнило, но организм, весьма нуждавшийся в калориях, и тоскливый боязливый взгляд звереныша заставили принять окончательное решение.

Решительно поднявшись, направилась добывать пропитание. Через довольно продолжительное время у меня был шашлык из змеятины, причем с учетом завтрашнего, а может и послезавтрашнего дня, нанизанный на палочки. Я снова мылась в ручье, дрожа от холода, а приемьш уплетал мясо, сидя возле костра. Этот первый в новом мире ужин я никогда в жизни не забуду. Особенно способ его добычи и разделывание. Но детский дом и не такому научит. Спали мы, прижавшись друг к другу, и только благодаря теплу моего мохнатого товарища и костру, который я неустанно поддерживала, не замерзла ночью.

Глава 3

С того страшного места, где погибла мать щенка, мы ушли на следующее утро. Как только рассвело, я подскочила и, трясаясь от холода, быстро позавтракала большим куском мяса, зажаренным накануне. Все остальное пришлось заворачивать в лист, очень похожий на лопух помытый в ручье. Новость, что я, оказывается, еще и лечить могу, в добавок к способности вызывать огонь, естественно, порадовала, но от кишечных расстройств вряд ли спасет. Да и неизвестно еще, а вдруг все мои новые таланты — временный дар, который проявился лишь в стрессовой ситуации.

Наконец, полностью осознав всю вчерашнюю ситуацию, я прониклась. Надеюсь не безумием! Но надо идти дальше. Куда бы я, не бросила взгляд, всюду простирались непривычные, разноцветные, радующие глаз леса, поэтому методом тыка выбрала направление и двинулась, надеюсь, не на поиски недавних приключений. А еще было бы неплохо разжиться хоть какой-нибудь одеждой, потому что сейчас на мне лишь смешной пояс из травы а ля набедренная повязка для сокрытия стратегически важных мест. Пока завтракала, в голову пришла идея дать кличку своему приемышу. Филипп ему очень подходит, что я тут же и озвучила ему лично, правда, сократив до Фильки.

Вчера вечером, столкнувшись с его голубыми глазами, неожиданно почувствовала отголоски его эмоций. Стало страшно и еще горше на душе, потому что я в полной мере прочувствовала дикую боль и ужас от потери Филькой матери. Сначала я опешила от накала эмоций и только через мгновение, вырвавшись из плена его глаз, смогла разделить его боль и свою, а так же понять, что этот маленький щенок может передать мне глазами свои чувства.

Когда уходила с этой поляны, оставляя за собой недоеденного змея, Филька постоял над своим бывшим домом, где сейчас покоилась его мать, а потом, тряхнув головой, потрусил за мной следом. Я лишь облегченно перевела дыхание. Это мой первый друг за всю жизнь, и я боялась, что он не захочет самостоятельно уходить от своего дома, но как стало понятно дальше, он принял меня в свою семью.

Мы всегда шли только днем, еще пытались охотиться. Иногда получалось, а иногда, к сожалению это случалось довольно часто, оставались голодными, но все равно, упорно продвигались дальше. Магия огня уже не раз спасала нам жизнь, особенно по ночам. Выяснилось, у Фильки превосходный слух, поэтому по ночам приходилось практически полностью полагаться на него. Как только он чуял опасность, тревожно заглядывал мне в глаза и делился своим страхом. Тогда я не сомневаясь, занимала оборону, хватая горящие ветки и вставая в защитную стойку. Филька за неделю привык к огню и чувствовал себя очень уверенно, находясь подле него. Или прячась от других хищников за мной. С каждым днем становилось все теплее, и даже по ночам я уже не боялась замерзнуть насмерть. Мой друг исправно обогревал по ночам, ну и костер помогал, который я все время поддерживала.

За две недели нашего путешествия, мы не встретили ни одного человека. Или кто здесь еще разумный живет?! Зато хорошо ознакомилась с флорой и фауной чрезвычайно опасного леса для женщины, которая за свои двадцать семь лет всего два раза была в лесу и все эти разы, просидела на складной табуретке в ожидании окончания похода. Посему экстремальный образ жизни, который я вела сейчас, стал настоящей школой выживания.

Пару раз отведав очередную неизвестную зверюшку, меня выворачивало наизнанку так, что сутки отлеживалась потом, не в силах двигаться дальше.

В итоге, я и в этом вопросе доверилась Фильке: раз ест он, значит и я буду. А вот если он фыркнул и укоризненно посмотрел на меня, можно считать 'фу, кака'. Кроме того, я начала с удовольствием с ним беседовать, рассказывала о своей юности, проблемах и вообще о жизни. А иногда мы вечером сидели возле костра, и он тоскливо смотрел на меня голубыми глазами. Я понимала, что сейчас он во власти тяжелых воспоминаний, и ему плохо. Обнимала его за шею и неистово гладила, делясь своим теплом и сочувствием. Чего мне самой так не хватало в детстве, я отдавала ему, и неважно, что он животное. Главное он мой!

Вот так мы стали с Филькой близкими, родными существами. Действительно странной, но крепкой семьей.

Умывшись в ручье после впервые за последние пару дней очень сытного и вкусного обеда, мы с Филькой пошли дальше, прихватив остатки пищи с собой. За две прошедшие недели совместного путешествия Филя окреп и подрос, я скинула лишние килограммы (если были), зато нарастила мышцы. Особенно на ногах, которым без обуви доставалось вдвойне.

Впереди показался просвет, и мы вышли к каменному обрыву. Внизу бежала узкая лента реки, исчезая за поворотом. Не придумав ничего более умного, пошли вдоль реки, петлявшей между камнями, иногда пропадая. И тогда нам приходилось скакать по сплошному курумнику, рискуя переломать ноги. Потом снова щебенка и резкий обрыв, странное место и река, но не мне об этом говорить с таким-то появлением в этом мире. Снова задумалась, автоматически перебирая ногами. Я довольно быстро свыклась с этим миром; даже чувство одиночества отступило, потому что мы постоянно делили эмоции с Филькой на двоих, и к этому я тоже привыкла. Вообще, начало новой жизни в этом незнакомом мире было тяжелым, но уже не таким пугающим как в первые дни. Человек ко всему привыкает довольно быстро, а уж его способности адаптироваться в любых условиях могут позавидовать даже тараканы. И хотя неожиданные нюансы моей внешности свидетельствовали о том, что, скорее всего, я уже не совсем человек, но многолетние привычки не изжить, особенно приобретенные в детстве.

Нога попала в незамеченную из-за раздумий ямку, и я с громким 'а-ах' полетела вниз, скользя по обрыву. И снова удача на моей стороне, потому что упала на небольшой уступ, который черным обвалившимся зевом образовывал неглубокую пещеру. Скорее всего, очередной обвал привел к тому, что вскрылась естественная пустота в земле. Так бывает. Что-то острое впивалось мне в щеку и под ребра. Приподнявшись на руках, встряхнула головой, а потом посмотрела, на что это меня угораздило плюхнуться. Как только сфокусировала взгляд, воздух тут же содрогнулся от моего вопля.

Я наглым образом развалилась на трупе. Точнее, на уже давно истлевших, а теперь еще и мною раздавленных человеческих костях. Бр-р-р! Моментально подхватила и бросилась в сторону, тяжело прислонилась спиной к стене. В этот момент мимо меня пролетел Филька и рухнул на многострадальные кости. Взвыв от боли, подскочил, оглянулся и, оценив обстановку, укоризненно на меня посмотрел, правда, вначале обнюхал находку.

Похоже это не пещера, а могила, причем, судя по яме, обрыву и состоянию костей, это очень старое захоронение — несколько сотен лет. Вон даже деревья-гиганты на обрыве успели пустить корни и прорасти еще глубже. Только они держали этот пласт земли и не давали окончательно сползти в реку. Слотнув от пережитого страха, я снова внимательно

взглянула на останки. Слишком длинные фаланги пальцев, слегка вытянутый кверху и кзади череп вызвал сомнения, что все это принадлежало человеку. А потом, пододвинув к себе свою ногу, случайно выгребла на свет еще одну кость фаланги с интересным кольцом. Несмотря на возраст и грязь, оно блестело и притягивало взгляд. Ну сорока я — люблю все блестящее, ничего не поделать. Находка не обман, ну и что она зря лежит. Подняла и почувствовала тепло. Очень странное кольцо. Честно говоря, я отдавала себе отчет, что нельзя вот так трогать, а тем более надевать чужие украшения. Но что до этого моей жадной до блестящих штучек женской натуре, особенно с учетом голого зада — из 'одежды' на мне два перстня. А тут им в комплект кольцо с большим камнем, правда блеклым, но может это алмаз необработанный.

Надела, ничего криминального не произошло, только тепло стало от него еще больше, а потом краем глаза зацепила еще одну вспышку. Перевела взгляд и обомлела: на валяющемся в трех шагах от меня черепа засверкала диадема. Или обруч с таким же блеклым камушком в центральной, чуть выпуклой части. И кольцо, и головной обруч, похоже, составляли пару. Красивая сияющая вязь на серебристом металле притягивала внимание и восхищала изысканным исполнением и блеском. А вот блеклый камень, будто поглощал свет. Странное сочетание.

Поднявшись, я вслух извинилась перед обладателем сокровища и, чувствуя неловкость, сняла обруч с черепа. В следующее мгновение кости рассыпались прахом. Ветерок, подхватив серую пыль, забрал свою добычу и понес к небесам, кружа замысловатые рисунки. В этот момент показалось, что солнце играет со мной, потому что пыль светилась и переливалась, растворяясь в воздухе. Я почувствовала облегчение, словно только что произошло чудо, мне бы испугаться или почувствовать стыд за свои мародерские действия, а я лишь почувствовала, что кто-то сейчас, наконец, обрел долгожданную свободу. Надеюсь, и эту загадку когда-нибудь разгадаю.

Вечером как обычно похолодало, и мы с Филькой, как заведено, прижавшись друг к другу, грелись у костра. Мы несколько часов выбирались из каменной ловушки, ободрав локти, колени и чуть не вырвав когти, смогли выбраться наружу. В лесу уже смеркалось, когда мы выбрались на полянку, а Фильке случайно удалось поймать большую глупую птицу, опрометчиво затеявшую брачные танцы перед сородичем, не обращая внимания на окружающие опасности.

Ощипав перья и разделав тушку, по-братски разделив пополам, я запекала свою половинку в углях, а Филипп догрызал свою. Пока дичь готовилась, я вертела в руках обруч, решив более внимательно рассмотреть его в свете костра. Новое кольцо свободно снималось и одевалось в отличие от своих соседей с черным и красным камнем в похожей оправе. Именно поэтому я, не ожидая подвоха, не удержалась и, подойдя к ручью и уставившись на свое отражение, пристроила обруч на голове. Снова ощущение тепла и странной родственности. Именно это ощущение немного встряхнуло и напугало. Захотела снять, но не смогла, обруч как будто врос в голову и теперь белый камень сверкал, располагаясь четко посередине лба в самом начале роста волос.

— О-о-о, и как я теперь с этой звездой во лбу ходить-то буду? Голая, но зато вся в драгоценностях. Новогодняя елка! В лесу! Хорошенькое дело! 'Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит.' — вспомнилась мне сказка Пушкина.

Треснув по воде с досады от очередной глупости, выплеснула негативные эмоции и повернулась к Фильке. Показалось, что этот черный, уже наловатый зверь лежит и, глядя на

меня, ухмыляется. Поросенок!

— Ты почему меня не остановил? Родственник называется!

Филипп тут же поднялся и, подбежав ко мне, начал вылизывать лицо шершавым языком.

— Да ладно, я сама знаю, что дура, но так люблю все блестящее и красивое.

Еще раз повертела кольцо, диадему, но снять их не удалось, хотя опять же странное дело — диадема села таким образом, что практически не сковывала волосы, и они все тем же пламенным водопадом струились по плечам и спине. Именно благодаря им я чувствовала себя хоть как-то прикрытой сверху. А вот чтобы прикрыться снизу, так и плела длинные лохматые венки. Прямо лесная нимфа, если бы не красная чешуя, проявляющаяся во время нервного напряжения или испуга.

Мы заметили светлую прогалину впереди и с любопытством вышли к ней. Небольшой пригорок, а над ним высится... змей. Причем тот, которого я убила, просто ребенок из школьного хора по сравнению с этим. Невероятных размеров жуткое чудовище. Филька трубно зарычал, припадая к земле, а этот змей увидел нас и ринулся в атаку. В самом начале я пыталась отбиваться палкой, целясь в глаз, потом в ход пошла огненный стустки. За две с половиной недели я научилась пользоваться огнем, но пока определять свои резервы не могла. И остаться совсем без защиты не хотела. Стараясь, чтобы Филипп все время был позади меня, мы двигались вокруг пригорка, играя в кошки-мышки с монстром. Странный какой-то этот змей, у меня создалось стойкое ощущение, что он на что-то меня толкает, вынуждает действовать так, как нужно ему. Неужели он разумный?!

Через мгновение причина его действий прояснилась. В очередной раз отпрыгнув, я споткнулась о крупное тело Фильки, и мы оба кубарем покатались по земле и провалились в дыру. Посчитав боками все выбоины и колдобины, рухнула на земляной пол, а сверху, заставив меня зашипеть от боли, упал Филипп. Зверь за время пути так вымахал, что я на нем скоро ездить смогу. Ожидая нападения, мы резво вскочили и начали осматриваться. Мое животное глухо рычало, а шерсть на нем стояла дыбом. Но стоило оглянуться... Если бы у меня была шерсть, тоже встала бы дыбом, а вот язык очень даже по-настоящему прилип к небу.

Мы попали в пещеру Аладдина — не меньше. Всюду деревянные сундуки, покрытые паутиной и пылью, но сломанные открытые крышки позволяли увидеть несметное сказочное богатство. Слишком много ящиков, сундуков, оружия, но главное — здесь есть книги. Пещера освещалась двумя светящимися шариками, подвешенными к потолку. А посреди пещеры... мужчина. То что мужчина — сомнений не вызывало, вот только что он такое или кто такой, вопрос стоял ребром.

Длинный черный кафтан до середины бедра, если бы они у него были. До талии почти человек, от талии — змея. Толстый короткий хвост, свитый кольцом, кончиком постукивает по полу, при этом не поднимая пыли. Кожа этого 'товарища' отливала синим цветом от кончиков ушей до кончика хвоста. С меня ростом, с черной короткой шевелюрой на голове и глубоко посаженными темными глазами. Нос плоский, а губы толстые и не могут скрыть парных клыков с обеих сторон. Выглядел он солидно, опасно и слишком взросло. Не старый, но судя по мудрости и усталости в глазах, прожил он немало лет.

Я быстро перекинула свою гриву вперед, закрывая обнаженную грудь и выдавила сквозь зубы, отчаянно смущаясь:

— Здрасьте!

Он молчал и внимательно оглядывал меня с ног до головы, вызывая волну раздражения. Я тоже впилась в него взглядом и, так же демонстративно оглядев его, строго спросила:

— Это ваше там творение ползает?

Он медленно направился в мою сторону, Филька заглох и прижался к моим ногам, а я почувствовала холод при его приближении. Он скорее летел, чем двигался, и это навело меня на смутные нехорошие подозрения.

— Кто ты, дитя?

— Пришелец из другого мира!

Мое ядовитое замечание не лишило его абсолютного спокойствия, лишь брови скользнули вверх. Снова окинув меня взглядом, с любопытством пробормотал:

— Это вряд ли! Полукровка! Да еще какая?! Дракон и эльфийка, как же это их угораздило, да еще и потомство дали... Сколько тебе лет, красавица?

Все его странные высказывания заставили меня напрячься и очень сильно заинтересоваться, только поэтому ответила честно:

— Двадцать семь! По крайней мере, когда меня нашли, врачи установили мой примерный возраст — двенадцать лет. С тех пор прошло пятнадцать лет.

— Это невозможно! Проклятие действует, а значит... Ты, правда, из другого мира! — Он смотрел на меня удивленно, но слишком заинтересованно. Я прямо чувствовала, как в его голове роятся мысли, и он готовится принять какое-то решение. — Расскажи мне о себе, пожалуйста!

В этот момент Филипп устал жаться к моим ногам, снова почувствовав себя главным и грозным, и рванул на обитателя пещеры. Испугавшись за мужчину, уже подняла руку в останавливающем жесте и рот открыла, чтобы крикнуть 'фу', но следующие события меня потрясли. Филька пролетел сквозь хвостатого, слегка его развеяв, а потом, пробежав еще пару метров, резво развернулся и, оскалившись, зарычал. Снова бросок и все повторяется вновь, а я так и стою с разинутым ртом. Призрак — вот те на!

— Здравствуйте!

— Мы с вами уже сегодня здоровались, красавица. Как вас зовут? Полностью!

Еще не отойдя от культурного шока, одно дело чешую на себе обнаружить, а другое — настоящего призрака встретить, пробормотала:

— Алев Штерн! Это единственное, что я помнила, когда меня нашли.

Призрак задумался, рассматривая меня, а я, все так же затаив дыхание, рассматривала его. Он подплыл ближе, рычание Фильки усилилось, а у меня изо рта повалил пар.

— Покажи родовые кольца, девочка!

Протянула ему руки, но только так, чтобы не касаться его.

— Это невероятно, но похоже, правда. Пятьсот лет назад, перед самым проклятьем, прошел слух, что наследник Красных Драконов нашел свою истинную в лице темной эльфийки из рода Черных Штерназия, они полюбили друг друга. Но сначала случилось проклятье Марханов, а потом свою дочь проклял и глава рода Черных Штерназия за любовь к чешуйчатому. Один раз ему чуть не удалось убить обоих, но крылатый спас любимую. Через пару лет они пропали, их искали все крылатые, но бестолку. Говорят некоторые, самые сильные драконы, умеют открывать порталы в другие миры... Еще поговаривали, что их похитил глава рода эльфийки и держал в заточении, но без доказательств все заглохло. Драконы тогда рвали и метали, но их и так мало, а уж для полномасштабных военных действий... Зато сейчас все в равных условиях, я думаю...

— А можно узнать к чему весь этот разговор о событиях пятисотлетней давности?

Он устало и неожиданно сочувствующе посмотрел на меня. Затем заговорил, перепрыгивая с одного момента на другой, явно переживая, не в силах подобрать нужные слова:

— Пятьсот лет назад, девочка, была украдена главная реликвия марханов, дарующая нам долголетие и хранящая нашу святыню Дом Предков. Она так и называется 'Сердце Марханов'. Аура эльфов буквально забивала нос, и вопросов кто это совершил не возникало. Ее украли светлые в отместку за отобранный у них приличный кусок территорий светлого

леса, но он по военному соглашению принадлежал нам... Впрочем, это длинная и совсем другая история, и виноваты все, но светлые решили сделать нас главными виновниками. Как самый молодой и перспективный боевой маг, я был назначен главой отряда, отправленного в погоню за реликвией. Мы долго рыскали, наконец, напали на след. Несмотря на все мои уговоры, совет марханов собрал всех наших магов и наложил проклятье на эльфов. С этого момента пока 'Сердце Марханов' вновь не засияет на своем ложе в Доме Предков, ни у одного эльфа не будет потомства. Это страшное проклятие забрало много сил у наших магов, которые должны были восстановиться с годами, но именно этого они и не смогли сделать... Прожить настолько долго, чтобы восстановиться. Мой возраст, как и у многих моих коллег, перевалил за пару сотен лет. Сердце было украдено, и отныне мой народ живет не больше пятидесяти лет. Ты можешь представить себе это, девочка? Пятьдесят жалких лет! Утрачивая с каждым годом бывшее могущество, силу предков и магическую силу. Мне страшно представить, что стало с соплеменниками за прошедшие пятьсот лет. Живущие так мало, очень быстро теряют память предков.

— Мне жаль вас и ваш народ, но все же не понимаю, какое отношение это имеет ко мне?

— Кольцо на пальце левой руки с черным камнем указывает на принадлежность к роду твоей матери. Оно приняло тебя, а значит твоя родословная истинная. Ты из рода Черных Штерназия. Кольцо на правой руке с красным камнем — родовая печать Красных драконов, причем чистый красный цвет говорит о верхней ветви их клана. О других украшениях на тебе мы поговорим чуть позже. Так вот, оба кольца признали в тебе хозяйку, а это значит, в тебе есть кровь обоих родов и обеих рас. Такую пару я знаю только одну. И не смотря на то, что нахожусь здесь почти пятьсот лет, проклятье не позволит никому другому произвести на свет потомство. Наверное, твоя мать забеременела только потому, что кровь твоего отца была слишком сильна и горяча и любовь их истинна. Драконы славятся своим огненным темпераментом, особенно красные. Только вот вопрос — где твои родители столько времени провели и куда неожиданно исчезли? Я могу предположить, что твой отец унес их из этого мира, возможно именно так они смогли произвести на свет потомство. Но вот каким образом, ты здесь оказалась и без защиты отца, мне не понятно?!

Я вспомнила слова божественных существ, и слезы неожиданно потекли по моим щекам. Неужели это все? И я никогда не увижу их? Своих родителей!

— Что такое, девочка?

Я устало опустила на земляной пол и рассказала ему свою историю. Все с самого начала, с подробностями и особенно тщательно пересказала разговор с высшими. Единственное, я не ожидала, что призрак печально и вместе с тем облегченно улыбнется:

— Ну что ж, кто я такой, чтобы не подчиниться воле высших. — Наклонив голову, он внимательно посмотрел на меня и, мягко улыбаясь, демонстрируя внушительные клыки, произнес: — Я помогу тебе, а ты мне! Я исполню два твоих желания, самых заветных, в ответ ты должна исполнить одно мое. Но ты дашь мне клятву, что сделаешь все возможное, чтобы выполнить мое поручение.

Утерла слезы, а потом, тщательно продумав сложившуюся ситуацию, решила:

— Я согласна! Но сначала хочу кое-что узнать, а уж потом приму окончательное решение. И еще, было бы удобнее разговаривать, если бы вы, наконец, мне представились.

Призрак смущенно хмыкнул, впервые проявляя столько эмоций, и сказал:

— Я маг Камос Который Идет до Конца!

Скептически поджала губы, а потом все же уточнила:

— Это что, имя и фамилия или прозвище?

— Нет, Алев! Маги марханов получают истинные имена, которые отражают их сущность. Препрежние уже не важны, в памяти нашего народа мы остаемся с последним именем. Лично я все свои дела выполнял до конца, поэтому получил такое имя. Еще пятьсот лет назад оно было известно каждому мархану, а уж другим народам и подавно.

— Как у вас все интересно! Ну да ладно, сейчас мне важно другое. И первый мой вопрос — сможешь ли ты узнать и рассказать мне, что случилось с моими родителями. Мне будет легче жить, зная об этом.

— Я не думаю, что в этом вопросе ты права, девочка. Некоторые знания приносят лишь дополнительную боль, а не облегчение. А иные вообще могут принести лишь смерть. Ты уверена, что это первое твое самое заветное желание?

— Да! Камос, я должна знать, что с ними стало. Мне это очень необходимо, чтобы разобраться с прошлым и войти в будущее.

— Хорошо, девочка, это возможно. Но это желание я смогу выполнить самым последним. — Внимательно на него посмотрела, но Камос все так же бесстрастной статуей взирал на меня.

— Второе — это... Мне потребуются знания об этом мире. О моей магии, причем о ней хочу узнать все, ну или как можно больше. Конечно, языки! Кстати, а как ты меня понимаешь, здесь что, говорят на русском?

— Девочка, — он улыбнулся краешком губ, — прежде всего тебе надо учиться быть внимательной. Я говорю с тобой мысленно, с помощью твоих знаний, преобразовывая под себя. Это забирает много энергии, но оно того стоит. Если ты присмотришься — заметишь, что я еще ни разу не открыл рот. Но если мы с тобой договоримся, язык я тебе помогу выучить как можно быстрее.

— Итак, мои желания — это правда о моих родителях и знания, — кивнула, все еще обдумывая его предложение, а потом торопливо закончила: — Ну, и если можно, одежды немного, а то неудобно как-то! Но прежде всего, я должна знать, что вы потребуете взамен. Каково ваше желание?

Он медленно отплыл от меня, приблизился к одному из светящихся шариков (видимо магических), переместившемуся к одной из стен, и замер возле шкапулки, покрытой латунной обшивкой. Он не касался ее, стоял и смотрел, а потом поднял на меня жгучий черный взгляд, в котором светилась неизмеримая боль и лишь небольшой лучик надежды.

— Наш отряд нагнал воров, это была шайка молодых эльфов-отщепенцев, но пока мы с ними... хм-м-м... разбирались, к ним на помощь подоспели старшие. Тогда все были на пределе, они еще не знали о проклятии. Мой отряд уничтожили неподалеку отсюда, а я смог укрыть пологом невидимости себя и обоз с драгоценностями, и всем тем, что они украли у нас... Когда эльфы ушли, я устроил на этом месте схрон. Но меня ранили, смертельно ранили, уйти я не мог и бросил все свои силы на последнее... Привязал свою душу к этому месту. Стал хранителем. Мы забрали 'Сердце Марханов' обратно, но вернуть реликвию в Дом Предков я так и не смог. Но я Камос Идущий до Конца и никогда не бросал начатого дела. Я ждал... долго ждал... Мое желание или поручение, считай как угодно, это чтобы ты выполнила мое задание до конца. Я выполню твои два желания, а ты доставишь 'Сердце Марханов' в Дом Предков и лично уложишь его на священное ложе. Мой народ обретет долголетие, восстановит былое могущество и не утратит память о предках. Надеюсь, еще не

поздно.

Я шокировано слушала, в душе все всколыхнулось от сочувствия к нему, а еще — от надежды. Я впервые оказалась настолько близко к заветному желанию, получив возможность узнать, кто я и откуда, о своих родителях! Любил ли меня хоть кто-нибудь в этом мире? Ради этого я пойду на все.

— Я согласна, Камос! Согласна в обмен на исполнение моих желаний выполнить твоё поручение. Доставить вашу реликвию по назначению и возложить на её законное место. Клянусь тебе, что сделаю для этого всё возможное.

Мне показалось, что он облегченно вздохнул, хотя призракам вроде дышать не требуется, но кто их разберет.

— Я принимаю твою клятву, Алев Штерназия! Странное сочетание. Штерназия — это чрезвычайно ядовитое дерево, произрастающее на территориях темных эльфов, и твой род назван в его честь. За коварство, хитрость и их ядовитые стрелы, несущие долгую мучительную смерть. Алев — это пламя, истинная невеста огня, похоже, имя тебе дал отец, а мать лишь обозначила возможные способности. Она полукровка, её мать из светлых эльфов, была отдана за главу Черных Штерназия для укрепления мира. Но твоя бабушка, родив лишь твою мать, предпочла уйти к богам, чем жить с твоим дедом. Фаотей Черный долго отыгрывался на своей дочери за поступок жены, так что я хорошо понимаю, почему она так стремительно и безудержно отдалась твоему отцу — Суорену Красному. Сбежала с ним. Твой второй дед, если не ошибаюсь, и меня не подводит память — Санренер Красный, к тому же, глава Красных драконов. А ты его единственная внучка на данный момент. Хотя ему уже несколько тысяч лет. Неплохой, в принципе, крылатый, но дракон — это сущность и образ жизни, так что... Все остальное я смогу рассказать тебе в конце. Чтобы узнать их судьбу, мне придется уйти за грань, и обратно я могу уже не вернуться. Точнее, ненадолго, лишь отдать тебе долг. Так что давай сначала займемся твоей подготовкой к длинному опасному путешествию и обучению. Я рад, что ты завела в спутники мархуза. Это невероятная удача, особенно с учетом того, что он еще малыш. Теперь он твой с потрохами и станет самым лучшим защитником.

На последнее замечание я раздраженно ответила, не смотря на количество ценной и потрясающей информации, которая на меня тут изливалась:

— Не с потрохами! Мы теперь семья, и он мой маленький брат. По крови! По боли! По теплу!

Камос окинул нас с Филькой суровым взглядом, а потом неожиданно смягчился и выдал, заставив расслабленно вздохнуть и меня:

— Тогда я тем более спокоен, что клятву ты свою сдержишь. Верность и преданность слишком дорого ценятся в мире, где о ней уже начали часто забывать. Слава Высшим, за такой подарок моему народу. Не будем же терять времени и займемся важными делами. В первую очередь — одеждой. Я хоть и неживой уже, но все же мужчина!

Я смущенно опустила голову, чувствуя себя неловко, но стыдно мне не было. То ли дело в том, что он призрак, то ли в том, что в своем нынешнем положении абсолютно невиновата.

В итоге мне устроили короткую экскурсию по пещере Камоса-Аладдина. В одном из сундуков обнаружилась одежда. Старинная, пыльная, но благодаря заклинанию Камоса, абсолютно не поврежденная временем. Вообще, по той же причине в пещере все пребывало в идеальной сохранности, в том числе главное её достояние — книги. Покопавшись в вещах, отобрала себе кое-что. К сожалению, в связи со строением тела марханов, штанов не

обнаружила. Поэтому, найдя в одежде погибшего небольшой мешочек с ниткой, иглой и еще несколькими бытовыми мелочами, решила сшить кое-что сама.

Таким образом, мы с Филькой поселились в пещере, и я впервые за все время спала спокойно под защитой уже двух охранников. На следующий день сшила самые простые штаны, правда под руководством всезнающего Камоса. И уже полностью облачившись в привычную одежду, почувствовала себя почти счастливо.

В залежах богатств по просьбе Камоса, отыскала золотой наруч, который увеличивает возможности, особенно память и скорость восприятия информации. Благодаря чему, Камос начал меня обучать в ускоренном темпе. Теперь я либо занималась с ним в пещере, либо, греясь на солнышке, черпала знания из книг: о расах, мироустройстве, фауне и флоре, а главное, учила языки народов, населяющих мир Лайванос.

Кроме того, Камос много рассказывал мне обо всем что знал, с подробностями, которые не прочтешь ни в одной из книг, раскрывая особенности рас: их слабые и сильные стороны, культурные отличия, менталитет. Вся информация давалась сжато, но зато самая важная. Попутно Камос помог мне освоиться с магией и чрезвычайно обрадовал сообщением, что она теперь никуда не денется. Пользоваться магией оказалось так же просто как дышать, главное, не исчерпать резерв. Как опять же он пояснил, огонь мне достался от отца, а вот целителем была мама — беспрецедентный случай для темных эльфов. Такие у них практически не рождались, а тут полукровка с редким даром. Тем ценнее она была, и острее — ненависть Фаотея Штерназия. После давней войны, в которой почти полностью погибли члены его семьи, из ближайших родственников у меня теперь дед Фаотей, да дядя Деной — младший брат моей матери. Дед после смерти жены — светлой эльфийки — женился во второй раз уже на своей. Еще один сын Фаотея от темной эльфийки (брат Деноя) был убит светлыми в одной из стычек. Пока слушала рассказ о моих родственниках, все сильнее расстраивалась, приходя то в замешательство, то в расстройство от того, насколько этот мир жесток. Ничуть не лучше прежнего.

С родственниками со стороны драконов тоже разобрались, там остался лишь дед, хотя, как заметил огорченный Камос, за прошедшие пятьсот лет все могло измениться кардинальным образом. Ведь он знает только те сведения, которые дошли до него, когда он был живым.

Камос, словно обнюхав меня со всех сторон, сказал:

— Я почувствовал твою ауру, определенно ты больше драконица, нежели эльфийка.

— А человек? — возразила я.

— Уж точно не человек, — фыркнул маг, чем поверг меня в ступор, я даже сосредоточиться на учебе потом толком не могла.

— А почему тогда драконья кровь проявилась только пятном на заднице и шее, — не сдавалась я.

— Не волнуйся, придет время, и ты раскроешь свои крылья, — со смехом пояснил, маг.

После этих слов у меня появилась новая мечта и легкий трепет в душе, заодно с просьбой рассказать о драконах.

Историю с драконами я слушала, открыв рот. Как оказалось, драконы делятся по цветам и кланам. Существуют пять видов драконов. Нижняя ступень и к тому же прожорливая и неразумная — это черные драконы, животные. Как на Земле обезьяны, что с них взять и обижаться на них бессмысленно. Самые многочисленные и довольно мелкие по размерам.

Второй вид — зеленые. Разумные, но глуповатые, их интересы в основном

сосредоточены на поиске пропитания, ну и размножение, да незамысловатые игры. Зеленые как и черные не имеют второй ипостаси и крупнее низших. Образовывают временные союзы на период спаривания и в основном живут стаями.

Третий — это мой вид, красные драконы, разумные. Чрезвычайно умные, сильные, коварные, имеют и активно используют вторую сущность. Образовывают в силу малочисленности небольшие кланы и роды. Пятьсот лет назад, как с грустью заметил Камос, их было не больше тысячи особей. В связи с тем, что в семьях красных самки рождались крайне редко, для продления рода зачастую пользовались услугами самок зеленых. Но образовать полноценную семью с ними были не в силах. Слишком ветреные, глупые и не обладают второй ипостасью. Красным драконам со временем было просто необходимо обретение второй истинной половины для полного совершенства и завершенности души. Они вечно находились в поисках истинной.

Четвертый — серебристые драконы, еще более высокий уровень развития и магии, но еще большее одиночество и небольшое количество, не более сотни особей.

Пятый и вершина развития драконьего вида — золотые драконы. Но Камос сомневался, что на Лайваносе остался хоть один золотой:

— Мне кажется, они ушли из этого мира. Старики поговаривали, что золотые умеют путешествовать сквозь пространства миров. В то время как остальные разумные драконы способны перемещаться лишь на небольшие расстояния. И из золотых, поговаривают, рождаются Высшие, которые потом хранят наши миры.

Я загрустила, уж очень жаль одиноких драконов, но Камос и здесь вставил свои пять копеек:

— О-о-о, не волнуйся Алев, — ехидно ухмыльнулся, демонстрируя внушительные клыки и обнадежил, — как только сородичи услышат о тебе, замучаешься отбиваться от их заботы и предложений о замужестве. И не забудь, огонь в вашей крови заставляет идти на многие поступки, вопреки здравому смыслу. Вы единственная раса, которая любовь ставит выше всего. Причем без вариантов и раздумий. Ни один дракон не рискнет своей парой, даже если на кону будет стоять судьба всего мира. Особенно если любимая попросит. Видел я пару раз красных во время брачных игр, все самцы в округе жались по стеночкам, стараясь не поднимать взгляд на избранную.

Я действительно ощущала себя словно в сказке. Уже неделю прожила здесь и привыкла к Камосу как доброму заботливому дядюшке. Столько всего неожиданного, интересного и волшебного мне открывал, учил, тренировал, что все мое время было занято, на глупые и тревожные мысли времени не было. Он не мог покидать пределы своей пещеры, но зато видел вокруг нее на многие метры. Помимо знаний о мире, меня знакомили с боевыми искусствами и умению выживать в лесу. Как без огня зажечь костер и вообще правильно его сложить. Как охотиться и добывать пропитание. Как распознать и использовать различные травы и корни, чтобы разнообразить свое меню.

Время не тянулось, как я раньше считала, оно пролетало, и я, с удивлением посчитав зарубки на невысоком широком пне неподалеку от входа, выяснила, что уже два месяца на одном месте. Более того, уходить отсюда не хочу. Совсем. Камос стал моим другом, учителем, наставником и мне не важно, что он всего лишь призрак. Вон, даже вымахавший и начавший матереть мархуз Филька, чувствует себя в этом, по сути, склепе как в родной норе. А когда устает ждать меня или хочет подурачиться, начинает носиться сквозь Камоса, пытаясь его развеять. Мы же с наставником, видя эти игры, от души смеялись.

Лето, наконец, вступило в свои права, повсюду раздавались птичьи трели; шепот теплого, насыщенного ароматом цветов и деревьев ветра, часто ласкал мое лицо. Я сидела перед входом в пещеру, на самом краю между ее темнотой и светом начинающегося заката. Местная звезда Дрив спряталась за Суаром, спутником Лайваноса, подсвечивая его голубую поверхность и пририсовывая пламенеющую ауру. Розоватые до этого облака тут же окрасились в разные цвета, будто нерадивый маляр разлил свои краски: серую, голубую и красную. Замерев, я уже привычно наблюдала за небесными телами, не в силах налюбоваться подобной красотой. Тем временем я дошивала себе новые труселя на деревянной пуговице. Совмещала приятное с полезным.

В первое время именно нижнего белья не хватало, странное дело, но чувствовала себя без него беззащитной, даже страдала. Поэтому, обнаружив пару длинных рубашек Камоса из похожей ткани, тут же принялась за пошив столь необходимых вещичек.

— Красиво! — раздался из темноты уже родной голос.

— Да, невероятно красиво!

— Алев, я больше не вижу повода для отсрочки. Тебе надо выбираться отсюда в город. Пора начинать нашу миссию.

— Тебе не жаль со мной расставаться? — тихо спросила, испытывая грусть.

— Даже слишком, Алев! У меня никогда не было никого ближе вас с Филиппом. Отныне ты навсегда останешься моей единственной ученицей. Но на кону стоит так много, что промедление смерти подобно. Моего народа. Да и тебе пора познакомиться поближе с этим миром. Здесь от него не спрячешься.

— Ты думаешь, я уже готова? — тяжело вздохнула, все же признавая его правоту.

— Более чем! Но тебе придется взять с собой несколько книг, чтобы по дороге восполнить пробелы. Пока тепло, ты должна освоиться в этом мире. Найти свой путь и, надеюсь, новых друзей и семью.

Снова не сдержала тяжелого вздоха. Семью хотелось найти до боли в груди, но что она мне принесет, было неизвестно. И если насчет Красных драконов все было более-менее понятно, то вот что светит, когда обо мне узнают темные эльфы — навевало тревожные мысли. А еще я боялась. Боялась исполнения своего последнего желания, с которым должен мне помочь Камос. Как он правильно заметил, иногда лучше не знать, чтобы жить дальше. Но я жила по другому принципу.

— Хорошо, Камос, я готова! Какие у нас дальнейшие планы и действия.

— Сейчас мы соберем тебя в дорогу. Возьмешь одежду, деньги, драгоценности на первое время, оружие подберем. На всякий случай попрошаем. И главное, не забудь, я хочу, чтобы ты помогла найти это место марханам. Здесь слишком многое из нашего наследия. Пусть все вернется на родину, в Дом Предков. Но главное — это 'Сердце Марханов'.

Он проследил, как я спустилась в пещеру, обводя взглядом ее содержимое, и подплыл к кучке своих костей, прикрытых в углу полотном. Это я закрыла их, хоть и знала чьи они, но все равно жутко их видеть.

— Сними с правой руки мое кольцо, теперь оно твое, я передаю его тебе, потому что ты мой вестник и моя ученица.

Испытывая трепет и легкий страх, я откинула полотно и нашла кольцо. Протерла о свои брюки и нацепила на палец. Теперь у меня на пальцах красовалось целых четыре кольца, по два на каждой. Надеюсь, чтобы их снять, мне не отрубят руки! Но я уже продумала этот

пункт, и перчатки в закромах Камоса нашла.

— Запомни, покажешь любому магу-мархану и потребуешь встречи с советом. Они сами доставят тебя в Дом Предков и помогут выполнить твою задачу. После проклятья, наложенного на эльфов, наша цитадель, которая существует с начала времен и рождения первых марханов, закрыта защитным полем. Сплошное кольцо неприятностей, но они проведут тебя сквозь него. Теперь о 'Сердце', - он подплыл к небольшой шкатулке, лежащей на одном из сундуков и указал на нее пальцем, — в ней хранится наша реликвия. Как только ты оденешь его себе на шею, снять сможешь только на территории проклятого города. Поэтому ни передать, ни отказаться от своей миссии не сможешь. Ты готова?

Я кивнула головой и с трепетом, открыла шкатулку. На темном бархате лежало оно — довольно большой круг- кольцо в центре которого располагался ярко-синий камень, который странно пульсировал и это ощущалось моим сердцем, а не виделось глазами. Живой, светящийся изнутри и пульсирующий камень — невероятно! Слегка, со всех сторон камень оплетали серебристые металлические струны, которые словно выстреливали в разные стороны свои лучи, но стенок кольца так и не достигали. Самое удивительное, что камень и струны никак не крепились к кольцу, но подцепив пальцем цепочку на которой висел артефакт, я в недоумении и шоке заметила, что все держится вместе не распадаясь на отдельные части. Потрясла, все еще ожидая, что оно развалится, но..... Камос снова тихо засмеялся.

— Какой же ты еще ребенок, Алев. Это магия богов и всех предков марханов, тысячелетиями накопленная и заключенная сюда. Одевай и ничего не бойся, его будешь видеть только ты, я наложу иллюзию. Если завтра не увидишь меня подле себя, просто знай, что ушло слишком много силы, и на ее восстановление, потребуется время. Не переживай за меня, теперь все зависит только от тебя, девочка. Ложись спать.

— Но я думала... — удивилась его приказу, потому что ждала сейчас рассказа о родителях.

— Не бойся, Алев! — Камос печально улыбнулся, останавливая мою речь рукой, и мягко сказал: — Ложись и засыпай. Правда придет к тебе во сне. И помни, это память предков, твоих предков, вырванная у забвения. Она не лжет и не приукрашивает. И тебе с ней жить дальше!

Я думала, наш разговор закончен, но он продолжил, спустя мгновение, стоило мне одеть на шею артефакт:

— И еще, Алев, я не сказал тебе слишком важной вещи, не хотел, чтобы ты отвлекалась еще и на это. Диадема у тебя на голове — это корона светлых эльфов. А кольцо — символ власти. Отныне, ты повелительница светлых эльфов, и любой из них не смеет тебе перечить. Ты можешь приказать любому из них, а они не смогут ослушаться. Самое смешное — даже убить тебя они не смеют, это святотатство. Тот, кого признала корона, — истинный повелитель, а наказание за его убийство накладывают боги. Поверь, благодушием и милосердием они не страдают... Вот что странно лично для меня — именно ты нашла эти реликвии светлых спустя две тысячи лет после исчезновения их великого повелителя. Он так внезапно пропал, что светлые, как указано в хрониках, перевернули каждый уголок Лайваноса. Но так и не отыскали его. А ты всего лишь упала с обрыва и нашла. Все эти высшие играют в свои игры, а мы, простые смертные, потом разгребаем последствия. — Вот так сюрприз! И сколь еще ждет меня в и так нелегкой, и неоднозначной жизни.

— Это не они заигрались, а мы, смертные. Они лишь помогают расхлебывать, то что вы

тут наворотили, — на автомате отпарировала ему.

Приподняв брови, учитель усмехнулся, качнул головой и жестом показал на лежанку.

— Никому не показывай эти свои украшения! — Настойчиво порекомендовал, пояснив, — только если твоей жизни напрямую будут угрожать! Запомни, за эту корону не только убить готовы, за нее пойдут на все. Эти проклятые богами светлые слишком властолюбивы, чтобы так просто отдать власть какой-то девчонке. Ты для них младенец, они тебя опытом задавят. Будь всегда осторожна с ними. Если случится встретиться на темной дорожке, бери клятву верности на крови. Любое твое кольцо послужит гарантом их клятв. Только в этом случае ты сможешь их не опасаться. Да и то не факт!

— Не волнуйтесь, учитель, я буду чрезвычайно осторожной. И до поры никому демонстрировать свои козыри не буду.

Он снова неуверенно, тяжело вздохнул, потом скользнул в сторону, все еще покачивая головой и раздумывая. Потом добавил, заставив напрячься:

— Хроники говорят, что владельцы подобных украшений могут чувствовать присутствие своих подопечных. Будь внимательна, возможно это правда, и корона поможет почувствовать приближение проклятых и даст возможность уйти подобра-поздорову.

Я улеглась на импровизированное ложе, которое мы соорудили с Филькой в углу пещеры, и он тут же примостился у меня под боком. Очень скоро, несмотря на напряжение, страх и неизвестность, сон сморил меня. А потом пришли они. Невероятные сны-видения!

Смуглый мужчина с яркими желто-карими глазами и пламенной шевелюрой спадающих до талии волос, полулежал на тахте, склоняясь над прекрасной женщиной с ярко-зелеными глазами, персиковой кожей и губами как у меня — верхняя больше чем нижняя. Сквозь сон удивилась, потому что женщина вылитая я, только волосы шоколадного цвета с золотистыми прядками. В ее глазах столько любви, сколько я никогда ни у кого не видела, а лицо мужчины наполнено такой нежностью и благоговением, которые не описать словами. Эта пара не просто любила друг друга, они дышали друг другом, словно сливаясь в единое целое. У меня защемило сердце от узнавания и боли.

Следующий кадр — снова эта пара. Стоят возле странно светящейся полосы, которая все ширится и раздается, поражая нереальным серебристо-голубым светом. На лице мужчины застыла маска ярости и жажды убийства. Его глаза сверкают уже не янтарным светом любви, а смертельной чернотой. Он бережно укрывает своим телом хрупкую подругу, которая так похожа на меня, что становится страшно. Я вижу черные стрелы, летящие в их сторону, и стену огня, рожденную рукой этого мужественного красавца, которая преграждает летучей смерти путь. Они шагнули в полосу света и пропали.

Невероятный небосвод, фиолетовые деревья и сиреневое солнце. На раскинутом на фиолетовой траве полотне, спит девочка лет двенадцати, с красными волосами и персиковой кожей. Безмятежно спит, подложив кулачок под щеку в одной исподней рубашке. А рядом с ней сидят в обнимку уже знакомые мужчина и женщина, которая с невероятной любовью и нежностью перебирает детские локоны, а лицо мужчины, обнимающего женщину, поражает вселенским умиротворением и покоем. У него есть все, что хотел, и о чем мечтал — они сейчас рядом с ним. Больше в этой жизни ему ничего не надо.

Жуткая черная воронка, образовавшаяся над столь пасторальной картиной. Девочка просыпается и кричит. Мужчина пытается всеми силами удержать женщину, которую засасывает в воронку. Подобной мощи невозможно сопротивляться. Женщину вырывает из рук мужчины, но он бросается за ней, не раздумывая и не замечая, что девочка вцепившаяся

за его штанину следует за ним.

Огненное кольцо, в котором находятся женщина, мужчина и девочка, а пламя костра скрывает их от темных мужчин, так похожих на эльфов в моем понимании. Они пытаются рассмотреть, что там внутри, но магия огня красноволосого мужчины не позволяет им этого. Впереди всех темных стоит прекрасный эльф с искаженным жуткой ненавистью и яростью лицом. Он отдает приказы, но все застыли, не зная как бороться с огнем. Из кольца вырывается огромный красный дракон, а на его спине сидит женщина с развивающимися каштановыми волосами, она испуганно прижимает к себе девочку и молится всем богам о защите, хотя бы их дитя. Туча черных отравленных стрел взмывает ввысь, пронзая женщину и дракона. Их обоюдный смертельный вопль сотрясает небеса, они могли бы спастись, но яд уже начал действовать. Последний стремительный рывок к небесам, и раздается прощальный рев дракона, их желание с любимой едино. Последние секунды жизни посвящены спасению их любви, их частички, их единственного дитя.

Пламя обнимает эту троицу, ревет и взмывает ввысь, забирает жизни дракона и черной эльфийки, обвенчав их собой и унося в безопасность их дочь. В другой мир. Лишь в последнее мгновение, испуганное дитя слышит крик матери: 'Запомни, твое имя Алев Штерназия, и наша любовь всегда с тобой. Навечно!'

Я проснулась в слезах и еще около часа, не меньше, рыдала и не могла успокоиться. Слова матери эхом раздавались в голове, а огонь горел в крови. Я не могла успокоиться и решила выйти наружу. Во мне яростно ревел огонь — боль горела негасимым пламенем. Я спрашивала себя: 'Как я могла забыть это? Как? Почему я помнила имя, но забыла про их любовь? Как можно было забыть такую любовь, я не понимала. Неужели огонь выжжет из меня все, просто чтобы я выжила? Спаслась!'

Спину немилосердно обожгло, а потом огонь пробежался и по всей коже. Я испуганно начала раздеваться, и там, где кожа оголялась, будто вспыхивали маленькие язычки пламени — блестела красная чешуя. Все, я полностью обнаженная, а боль и страх сильнее разума. Еще мгновение, и моя боль вырвалась диким нечеловеческим ревом драконицы. Крылья наполненными парусами хлопали за спиной, а мощные когти впивались в землю, вырывая ее комками. Миллион запахов ворвался в нос, а свет преобразился. Теперь нет ночи, есть мягкий серый полумрак. И так даже лучше. Рычание за спиной, и я медленно, неуклюже разворачиваюсь, волоча по земле длинный хвост. Я стала гораздо крупнее, чем была в человеческом варианте или эльфийском, но о них думать не хотелось, отныне, темных я ненавижу. Убийцы моих родителей!

Филька яростно рычал на меня, при этом взгляд его судорожно метался по сторонам. Уф-ф-ф, наконец, поняла, что со мной произошло, и почему он так рычит, ведь он мой названный братец, хоть и лохматый. А я теперь не я, а оказывается, чешуйчатая и довольно приличных размеров драконица. Не Змей Горыныч, конечно, но его приличная половинка. Склонила голову и, посмотрев на Фильку, поймала его взгляд. Мгновение, а потом его растерянность, страх, одиночество и боль утраты накрыли меня с головой. Стало стыдно, и я обогрела его своими эмоциями. Передала ему свою любовь и повинилась за то, что случилось. Более того, неосознанно попыталась передать ему картинку произошедшего со мной сейчас. И обомлела, когда он успокоился и, удовлетворенно усевшись передо мной, все еще лоя взгляд, передал мне картинку полета птицы. Вот теперь и я села, оттопырив довольно длинный острый хвост. Это что получается, мы мыслеобразы можем передавать друг другу. В голове все смешалось, а усталость навалилась в усиленном варианте. Слишком

много переживаний и событий, особенно превращение в дракона. Если бы не все произошедшее со мной до этого момента и не этот, выворачивающий душу наизнанку сон, я наверняка бы сошла с ума, а так лишь слегка нервничаю. И еще одна загвоздка, как мне снова вернуть себе эльфийский образ. Я билась над этой задачей довольно долго, запаниковала даже, наконец, когда я устало положила большую чешуйчатую морду на лапы и улеглась, почти задремав, внезапно почувствовала прохладу. Встрепенулась и замерла. Снова абсолютно обнаженная на голой земле. Так дело не пойдет! Только заболеть не хватало.

Оделась и снова спустилась в пещеру. Камоса нигде не было, но я ощущала, что он еще здесь, но невидим. Потратил все силы на исполнение моего желания.

— Спасибо, учитель! За все спасибо! Вы подарили мне знание, надежду и стимул жить дальше. Я не буду жить мстью, я буду любить. Потому что ради меня они отдали все. И любили тоже, а я забыла. Отныне я никогда не забуду, что любовь — это главное в жизни. Клянусь, что выполню ваше поручение. А еще уважаю вас еще больше за вашу любовь к своему народу.

Улеглась и практически сразу уснула. Больше не было тревожных мыслей или страхов. Секреты раскрыты, надо жить и с надеждой смотреть в будущее. Я должна теперь жить за нас троих.

Глава 5

Розовый рассвет радовал взгляд. В последний раз оглянувшись на уже полюбившуюся пещеру, прощально махнула рукой, зная, что учитель увидит, подпрыгнула, поправляя ремни старого рюкзака Камоса и отправилась в неведомый путь. Эх, только коня не хватает, да камня на развилке, зато Филипп носился рядом, его детство еще не закончилось, хоть он и радовал взгляд внушительными размерами. Лететь в новообретенном облике не решилась, потому что не умею — это раз, некогда учиться — это два, а в третьих, я не знаю, что делать с Филькой, когда встану на крыло. Кто его ко мне привязывать будет?

Душа непривычно пела, и было легко, несмотря на прошедшую ночь с откровениями о смерти моих родителей. Но я была нужна, и меня любили, здесь мой дом, хоть я и родилась не здесь. Похоже, мои родители специально покинули этот мир, чтобы уйти от преследования и чужой нелепой ненависти, получить единственный шанс родить ребенка. Но их корни остались в этом мире, а значит и мои. Я радовалась новой жизни, новому другу, новой живущей внутри меня сущности, с которой я решила знакомиться постепенно, не торопясь, ведь я ничего о ней не знала и немного опасалась вновь обернуться. Да и вдруг у меня не получится. Множество сомнений грызло меня, но все равно, душа пела, чувствуя, наконец, свободу и предвкушая радость.

Мы шли уже целую неделю, и вскоре изредка начали попадаться следы жизнедеятельности людей. Например, старая брошенная подкова. Я еще сильно удивлялась, как похожи миры и их обитатели. А Камос все время ухмылялся на эти замечания, когда я в очередной раз сталкивалась с чем-то знакомым в старом замусоленном учебнике. Потом я нашла моток пеньковой полусгнившей веревки. Рассмотрев ее поближе и заметив, что та рассыпается у меня в руках, выкинула.

В первый же вечер перед ужином я вновь попыталась обернуться, предварительно раздевшись, и мне, как ни удивительно, легко удалось сменить облик эльфийки на красную драконицу. Теперь я каждый вечер тренировалась делать это полностью или частично. Вдруг срочно пригодится драконья лапа, чтобы в случае чего в лоб припечатать...

По вечерам или в обед, ожидая пока закипит моя похлебка из дичи и кореньев, продолжала учиться. Камос одолжил мне из своих запасов для изучения два томика по магии и травам. И разрешил оставить браслет памяти для лучшего и ускоренного усвоения информации, но взял с меня обещание, что браслет я верну, как только окажусь на территории марханов. Старый скупердяй! Но он и так слишком много для меня сделал и дал. Одежду, немного золота и драгоценностей. С одной стороны, ровно столько, чтобы не голодать и достойно закончить свою миссию, но и не так много, чтобы у кого-то появился соблазн ограбить или убить. Хотя он в очередной раз заметил, что это навряд ли, потому что мархуз отпугнет любого. Это со мной Филька ласковый щенок, а если мне будет угрожать опасность, он станет смертельным врагом любому, кто посягнет на мою жизнь.

Заметив, что близится вечер, решила сегодня пораньше устроиться на ночлег, а то уже в который раз приходится залечивать мозоли на ногах. Если с одеждой мне повезло, и я теперь полностью экипирована, то вот с обувью возникли проблемы. Хвостатым змеевидным марханам обувь не нужна, поэтому в запасах Камоса ее не нашлось. Через неделю проживания с учителем мне пришла в голову идея, и я ее осуществила с горем пополам.

Нашла два чурбачка и выпилила из них деревянные подошвы для сабо. Тщательно отшлифовала, а потом сделала две кожаных перемычки для пальцев и кожаные ремешки для пяток, застегивающиеся на деревянные пуговицы, которые теперь иногда сползали и натирали ноги. Но ничего, вполне так функционально, даже экстравагантно, а пуговицы я потом на ленты поменяю или железные сделаю, как до ближайшей кузницы доберусь. Но эти сабо-босоножки мне очень понравились. Не походные берцы, конечно, и уж тем более не кроссовки, но не босиком же идти в самом-то деле. С носками, которые сама сшила, тоже проблема — так и норвят сползти, приходится часто их поправлять, зато тепло и кожа не царапается о листву и валежник. У меня, конечно, превосходная регенерация, как выяснилось, но постоянно ходить в занозах, синяках и ссадинах не хочется.

Растопила маленький неприметный костерок, как учил Камос, и принялась за приготовление пищи. Филипп стал совсем самостоятельным и побежал на охоту, видимо его мать все же научила каким-то азам, а остальное осваивал по ходу дела. Довольно часто делился со мной добычей, а иногда и я с помощью магии или тонких стрел и небольшого лука добывала нам еду. С каждым днем стрельба из лука мне удавалась все лучше и лучше, как сказал Камос, память предков дает о себе знать. Все равно что учиться дышать, главное сделать первый глоток, а все остальное тело знает само, надо только напомнить.

Я уже доедала похлебку, когда почувствовала легкую тревогу, а потом из кустов ко мне скользнул Филя, держа в зубах окровавленную птицу. Положил ее рядом, а сам в напряженной позе уставился в сторону, явно чего-то ожидая. Я быстро сложила все свои вещи в мешок и положила его рядом с собой. Одернула одежду и накинула легкий плащ с капюшоном. Причем, как и советовал Камос, магией закрепила капюшон на голове, чтобы никто не увидел мое головное украшение. За перстни я не переживала, на мне перчатки.

В этот момент услышала приглушенный мягкой, чуть сырой землей топот копыт. К нам приближались, надеюсь, люди. Филька заметно напрягся и ошетинился, а я, впервые увидевшая его таким, удивилась. А ведь Камос прав оказался, Филька — грозный противник. Вон зубы как у саблезубого тигра с Земли.

На поляну один за другим начали выезжать замученные, усталые люди, довольно нарядные, но изрядно замызганные мужчины и женщины. И как тут же отметил мой прагматичный мозг, в основном это отпрыски богатых фамилий. Быстро сосчитав толпу молодых высокомерных, несмотря на плачевный внешний вид, дворян (пусть будут пока таковыми) удивилась. Двадцать девять человек. Всего шесть девушек, а остальные — молодые мужчины. Впереди всех довольно красивый брюнет, лет двадцати пяти, не больше, пристально разглядывал меня и Фильку.

Вся компания пристально, настороженно поглядывала по сторонам, а потом снова возвращала взгляд ко мне. Я немного успокоилась, среди них не было эльфов, ни светлых, ни темных, поэтому смогла вздохнуть чуточку свободнее и решила снять капюшон — они, вон, и так сильно нервничают из-за того, что не могут рассмотреть, кто перед ними стоит. Не успела сделать и движения, как сидящий на сером коне самый старший по возрасту мужчина, ехавший рядом с красавцем-брюнетом, громко и высокомерно обратился ко мне:

— Эй, ты там, как тебя зовут? Можешь показать нам дорогу до Илисвурга?

Сначала я опешила от приказного пренебрежительного тона. Еще с того момента как в детском доме оказалась, не терпела подобного к себе обращения, а потом когда суть вопроса дошла до меня, вообще удивилась. Илисбург — столица довольно старого королевства Сбург, куда я, собственно, и держу путь, следуя наставлениям учителя и по его же карте. Но эти

олухи едут мне навстречу, соответственно, в прямо противоположную сторону. Более того, судя по их виду, в пути они очень, очень давно, а возвращение займет не меньше полутора недель. Как они вообще тут оказались?

Наклонив голову, снова внимательно окинула всех взглядом, остановившись на молодом приятном парнишке, который держал за поводья красивую рыжую лошадку, на которой ссутулившись сидела бледная усталая девушка лет шестнадцати. Мои разглядывания прервал гневный раздраженный окрик этого крупного русоволосого мужчины:

— Ты что, глухая? А ну быстро отвечай, если проблем не хочешь.

Я медленно скинула капюшон и подняла на нахала взгляд. Уж я-то знаю, какое впечатление производят мои глаза, так сильно похожие на папины, да еще в комплекте с эльфийской внешностью. И не ошиблась, мужчина, выпучив глаза, побледнел, снова бросив нервный взгляд по сторонам, а в разговор вступил брюнет:

— Приветствую вас, светлейшая! Приношу свои извинения за неучтивый тон моего телохранителя. Могу ли я узнать ваше имя?

Я продолжала бесстрастно и молча смотреть теперь уже в глаза брюнету, заметив, что от моего пристального внимания тот занервничал.

— Я Дайрик Бернази, наследный принц королевства Свург, мы еще раз приносим свои глубочайшие извинения светлейшей и просим оказать нам помощь, указав путь.

Медленно, выразительно обвела компанию холодным взглядом. Так я у себя на работе девочек-бухгалтеров гипнотизировала. Чтобы больше работали и меньше болтали, и похоже тут тоже сработало, потому что снова заговорил принц, а я все решала, что им говорить, достойно держа паузу.

— Это моя свита, мы отправились на охоту, но похоже слишком увлеклись и заблудились. Пару раз на нас нападали в дороге и часть отряда погибла. С нами женщины, поэтому...

— Мое имя Алев... Штерн! Вы едете в противоположную сторону от Илисворга, насколько я знаю.

Услышав меня, все удивленно замерли, а Дайрик зло посмотрел на русоволосого, который под взглядом принца как-то весь сдулся и посерел. В принципе, мне было выгодно продолжить дорогу с ними вместе, а не в одиночестве, да и новости узнать тоже хотелось. Все же за пятьсот лет, что Камос отсутствовал, мир довольно сильно изменился, поэтому я решила на авантюру:

— Я смотрю, у вас есть лишние лошади... принц?

Он, почему-то неуверенно бросив взгляд на пустые седла привязанных за луки к некоторым из лошадей их товаров, кивком подтвердил.

— Ну что ж, если одну вы подарите мне, я поеду с вами и провожу до города. Я сама в этих местах впервые, но у меня есть карта и верный спутник, который не даст сбиться с пути.

Все двадцать девять человек с уважением и страхом в глазах окинули моего спутника взглядом.

— Вы окажете нам честь, светлейшая, согласившись принять столь скромный подарок и составить нам компанию.

Я промолчала, признавая его правоту, а принц, явно ожидавший ответных слов с моей стороны и не получивший их, немного насупился. Мы с Филей прошли вдоль всадников, пристально изучая лошадей. Я только вела себя так уверенно и жестко. На самом деле,

впервые видела так близко лошадей, вообще, как садиться на них не знаю. Но то что ехать верхом будет гораздо быстрее и удобнее, сомнению не подлежало. Подошла к одной из лошадок и уже мысленно, решила было выбрать именно ее, но заметила, как привлечший мое внимание парнишка морщится. Я медленно обернулась к нему и, улыбнувшись краешком губ, попросила:

— Я небольшой знаток в лошадях, поэтому хочу обратиться за помощью к вам, молодой человек. Как вы считаете, какую лошадь мне выбрать, с учетом того, что я крайне неумелый наездник?

Заметила, как теперь удивились все остальные, а не только парнишка, но судя по заалевшим щекам, ему доставило удовольствие мое внимание и просьба. Быстро спрыгнув со своей лошади, он подошел к серой невысокой лошадке и отвязав ее повод от луки другого седла под недовольным взглядом всадника, подвел ее ко мне.

— Вот эта самая тихая, спокойная и хорошо выдрессированная. Ее кличка Тихоня. Хорошее приобретение как по деньгам, так и породе. Она выносливая, добрая и преданная.

— Спасибо...

— Ален Карен! — он жестом показал на девочку, которую я отметила ранее, и представил заодно и ее: — А это моя сестра Айлен, наши родители придворные маги будут вам очень благодарны за помощь.

— Спасибо, Ален!

Сумерки уже привычно словно облепили серостью, резко превращая день в глубокий вечер. Мужчины начали готовить ночлег, некоторые, нехотя и тревожно вглядываясь в темноту леса, ушли за дровами. Женщины усталой стайкой птиц расположились кружочком, поглядывая на меня с любопытством и нескрываемой завистью. И лишь Айлен одиноко сидела в сторонке, боязливо озираясь по сторонам. Я поймала ее тоскливый взгляд в сторону моего костерка и поманила рукой. Ее брат в это время активно помогал другим собирать хворост, в отличие от многих без страха и неуверенности.

Как только девушка подошла и напряженно посмотрела на меня и Фильку, я сказала:

— Предлагаю разделить тепло моего костра, и если не побрезгуешь есть из моего котелка, то и пищу.

Она удивленно посмотрела на протянутой мною котелок и, покраснев, согласилась. Я заметила, что напряженный до этого момента Ален расслабился и уже более спокойно продолжил помогать остальным. Хороший брат и защитник. Остальные не решались подходить ко мне, зато Айлен, с удовольствием уплетавшая пищу и согретая теплом костра, поведала мне их историю.

Как оказалось, большая толпа городской знати во главе со своим принцем в количестве более ста человек с гиканьем и шумом отправилась на очередную королевскую охоту. Но в этот раз, все пошло наперекосяк с самого начала. Очень скоро вся компания непостижимым для всех образом заблудилась. Они словно кругами ходили по старым тропинкам, все дальше уходя от города и дворца. Через пару суток из заплутавшего отряда начали пропадать люди. Два раза ночью на них нападали непонятные существа, которых никто так и не смог толком разглядеть в темноте. Поддерживать огонь в начале своего путешествия ленились. Не царское это дело. Зато теперь первым делом они организовывали большой костер и даже выставляли караул. Но пропало или погибло чересчур много народу. И теперь они все на грани помешательства от страха и непонимания, что вообще происходит и как выбираться домой.

Я заметила, что Айлен оставила в котелке ровно половину еды и отставила поближе к костру, чтобы не остыло. Когда я готовила, не знала, поймает ли добычу Филька и рассчитала в случае чего его покормить. Но он сейчас догрызал свою добычу, лениво поглядывая по сторонам, отплевываясь от перьев. К нам неуверенно подошел Ален, явно не зная, как я отреагирую на его присутствие. Я приветливо улыбнулась и жестом пригласила присоединиться:

— Сестра оставила тебе поесть, и если хотите, можете остаться возле нашего костра. Мы с Филиппом будем только рады вашей компании.

— А вы не хотите, светлейшая Алев, присоединиться к нашему костру?

Я обернулась на голос и посмотрела в искрящиеся вызовом и восхищением глаза Дайрика. Раздраженный взгляд, который он при этом бросил на брата с сестрой подсказал, что принц явно недоволен моим предпочтением его компании молодым людям. Но потакать его самолюбию смысла не было.

— Нет, спасибо, принц!

Пока он молча переваривал мой короткий отказ, Филлип насторожился и бросил на меня короткий взгляд, получив разрешение жестом, рванул в лес, откуда пришли мои незваные гости. Я же заволновалась, потому что обычно мой побратим себя так встревожено и нервно не вел. Все спутники принца проводили взглядом стремительный бег черного мархуза, а потом настороженно взглянули на меня, ожидая пояснений. Одернула серый плащ, перекинула пламенную косу с плеча на спину и присела рядом с Айлен и Аленом, не торопясь с объяснениями.

— Можно задать вам нескромный вопрос, светлейшая Алев?

Я вскинула глаза, с легким раздражением посмотрев на принца. Красивый, только слегка докучливый и спесивый, хотя думаю, это характерная черта всех облеченных властью и деньгами, что меня откровенно раздражает. Раньше я связывала внутреннюю холодность и отстраненность в отношении мужчин или женщин (я даже об этом размышляла в свое время) с постоянным поиском и неуверенностью в завтрашнем дне. Но сейчас, разглядывая не самых последних и вполне симпатичных мужчин, понимала, что никто из них меня не трогает. Не задевает взгляд никого. Принц молчал, а я продолжала смотреть ему в глаза, пока он не решил продолжить:

— Я много раз встречал светлых эльфов, но ни разу не видел, ни одного с подобным цветом волос. Они прекрасны, но столь же необычны. К какому роду вы принадлежите?

В учебнике были описаны различия не только внешнего характера, но и социально-культурного между темными и светлыми эльфами. Светлые большей частью со смуглой кожей, но светлыми волосами, темные, наоборот, со слишком светлой кожей и темными волосами. И еще, враки это, что темные живут под землей. Разница лишь в использовании магии. Темные не гнушаются пользоваться магией крови, а вот светлые используют лишь природные источники и в основном стихийники. Лишь огонь им не подвластен. Все светлые носят родовые имена, представители высших домов с приставкой 'эс' и 'эр' — все остальные. Темные же используют только название рода и чем серьезнее и опаснее его значение или прототип, тем выше и сильнее род. Но доказывать его силу приходится постоянно. Именно поэтому я с внутренней усмешкой, прямо глядя в его темные глаза, произнесла с тщательно скрываемой ненавистью к этой фамилии. Сейчас мне это выгодно.

— Алев Штерназия!

Его глаза округлились, он пытался соотнести мой слишком похожий на светлых образ, с

родовым именем темных. Причем не самых последних в иерархии, но возможно самых темных в использовании магии. Пока он и другие размышляли о причинах моего здесь нахождения, огромными скачками вернулся мархуз.

Подбежав, Филька задрал голову, ловя мой взгляд. Мы уже неделю тренировались делиться мыслеобразами, и у нас получалось все лучше и полноценнее. Я присела рядом с ним, утопая в голубизне его глаз, и сосредоточилась, чтобы принять информацию. Я пыталась снова и снова, но картинка не укладывалась у меня в голове. Быстро разворошила свой рюкзак и достала учебник по магии с изображениями различные существ и указаниями как с ними работать. Судорожно листала страницы под настороженными внимательными взглядами остальных. Несколько мужчин, привлеченных моими нервными поисками, подошли ближе, а я, наконец, нашла то, что искала и застыла. Вампиры! Мои глаза метались по незнакомым строчкам, изыскивая всю информацию по этим загадочным жутким существам.

Но времени осталось мало, хоть я и смогла уловить основные положения. Дрив уже почти полностью слился с землей, и лишь Суар да огонь костров давали освещение. Я продолжала искать решение возникшей проблемы. Как же избежать подстерегающей опасности?

Это с людьми общаться я обучена великолепно, а вот с вампирами... увольте меня, пожалуйста. Все мои напускная смелость, хладнокровие и безразличие затрещали по швам, но держалась из последних сил. Рука уже привычно за последнюю неделю метнулась к груди проверить кулон с артефактом 'Сердце Марханов'. На месте. Я успокоилась, есть важная цель, поэтому надо бороться.

— Что случилось, темнейшая, что вас так напугало?

Слегка поморщилась из-за того, что мой испуг стал достоянием общественности, и начала озвучивать только что пришедший в голову план:

— Мой друг мархуз сообщил, что неподалеку собирается стая вампиров, — шумный возглас окружающих, и я жестом прошу слушать дальше, — чтобы напасть на нас, я так думаю. Более того, как показывает Филья, за вами тянется магический след, именно по нему кровопийцы все время преследуют вас. А еще он показал ваши следы, похоже, вас постоянно водят кругами. И еще, скажите, вам никто перед дорогой ничего не дарил?

Дайрик, напряженно слушавший мою речь, снова замер. В первый момент он хотел возмутиться в ответ, но потом ему в голову явно пришла мысль, и он замер, о чем-то вспоминая. Медленно опустил голову вниз на свои ножны, украшенные драгоценными камнями, а потом аккуратно отстегнул их и передал мне. Филипп зарычал, чтобы я не протягивала руки, куда не следует, и не лапала что попало. Он сам подошел, обнюхал и, рыкнув, улегся у моих ног, предупреждая дальнейшее движение.

— Что это значит темнейшая?

Пожав плечами, озвучила свои догадки:

— Мархузы чувствуют магию... Любую. Скорее всего, это та самая вещь, за которой тянется след, оставленный как путеводная нить для вампиров. Ропот на поляне достиг своего максимума, пара женщин заплакала, а русоволосый гигант, который так непочтительно со мной разговаривал, задал закономерный в таких обстоятельствах вопрос:

— А кто это может подтвердить кроме вашего ручного мархуза? Если вы смогли приручить это животное, то кто может поручиться, что и с вампирами не сделали тоже самое. Да еще на нас натравили, а для верности и сами решили проконтролировать!

Я этого хама-грубияна даже зауважала немного:

— Никто! И подтверждать или нет, а так же поручителей искать я не собираюсь. Это ваши проблемы, у меня своих забот хватает. Вас много, надеюсь, кто-нибудь, да выживет. Во-о-он ваш костер, — выразительно подняла подбородок, — идите к нему, а я одна как-нибудь без вас переночую. Только советую ножны в огонь кинуть. Это для тех, кому сегодня повезет в живых остаться.

Выслушав мою ехидную отповедь, крепыш замолчал, гневно сверля меня взглядом, но все равно не ушел:

— Что вы предлагаете?

— Я? Ничего! Я уже все сказала!

Повернулась и наткнулась на глаза Алейны, в которых застыл дикий ужас от предстоящей ночи. Ален, сидевший рядом с сестрой, судорожно сжимал клинок. Поэтому, не сомневаясь и не раздумывая, предложила этим двоим:

— Будете беспрекословно слушаться, оставайтесь рядом со мной. — Они только синхронно кивнули головами. — Алейна, все время держись позади, но контролируй мой тыл. Ален, тебе придется сражаться вместе со мной и следить за происходящим вверху. Как я понимаю, у этих тварей есть крылья. Эх, жаль я еще не умею летать!

После этого замечания все с еще большим изумлением посмотрели на меня. Затем толпа начала рассасываться, чтобы укрыться под защитой своего костра. Похоже, они мне не очень поверили, но это их жизнь и их решение.

— Ален, Алейна нам требуется хворост и как можно больше. Быстро собираем, но как только услышите вой Филиппа быстро назад ко мне. Все, разбежались.

Они вместе со мной начали метаться по подлеску. Отметила, что остальные тоже не безголовые и так же занимаются дровами, только для своего костра. У нас набралась приличная куча, когда мархуз завыл, предупреждая об опасности.

Дальше начался ад. Нападение произошло молниеносно, и вторая компания тут же лишилась еще двух человек, после этого некоторые кинулись к нашему костру под защиту темной эльфийки. Бой в освещении двух костров закипел, впрочем, напоминая скорее свалку, а еще точнее — бойню.

Не выдержала напора вампиров, убрала длинный кинжал в ножны и активировала свою магию, выстроив защитное кольцо огня. Сейчас рядом со мной находилось уже двенадцать человек, в том числе и принц с крепышом. Пришлось пару раз разрывать кольцо и впускать к нам остальных или тех, кто смог прорваться. Браться за оружие у меня не было возможности, я сражалась магией. В один из жутких моментов, когда черные твари с блеклыми лицами и темными провалами вместо привычных глаз зацепили Алена и смогли вытащить за огненное оцепление, я испугалась до паники, до икоты, но мархуз ринулся ангелом спасения, перепрыгнув через стену огня. Мне удалось огненными ступками прогнать самых голодных и ретивых от мальчишки, который кружился волчком и рубил направо и налево, стараясь не подпустить к себе ни одной твари, но его спину и лицо заливала кровь, от чего разъяренные монстры нападали все иступленнее.

Филька ринулся в самую гущу, от чего у меня чуть не остановилось сердце. Ален подкатился к моему огню, пришлось, снова прилагая усилия и тратя драгоценную энергию, разрывать круг. Алейна кинулась к брату и затащила в круг. Мой яростный отчаянный крик заставил мархуза разодрать еще парочку тварей и в два прыжка достигнуть круга. Снова защитная стена сплошного огня, а его пленники защищают свои головы, отбивая нападение

лишь сверху. Я почувствовала, что скоро обращусь в драконицу. Слишком сильна магия огня во мне, и пламя свободно гуляет по моим венам. Сдерживалась из последних сил, потому что неповоротливое тело ящера возможно и защитит меня от вампиров, но вот всем остальным придет конец.

С трудом дышала, исчерпав себя до доньшка, и мой огонь уже еле шевелился, опадая словно паруса в штиль, и вот тогда сквозь верхушки деревьев, к нам скользнул розовый луч Дрива. Твари резко отпрянули в стороны и рваными темными тенями поспешили удалиться прочь в еще хранимую деревьями черноту уходящей ночи. Я упала где стояла, а рядом привалился Филька. Сон накрыл темным покрывалом, и заботиться о безопасности сил больше не было. Одна надежда, что Фильке хватит сил, чтобы присмотреть за нами обоими.

Глава 6

Следующий день встретил головной болью и ощущением, что меня вчера переехали, причем не менее двух раз. Дрив уже пробежал половину пути по небосводу, а Суар становился все ярче в его свете. Ноздри щекотал насыщенный аромат еды, готовящейся на костре неподалеку. Филька встрепенулся и внимательно посмотрел на меня. Я же успокаивающе погладила его по черному вихрастому затылку и мысленно отправила на охоту. Ему тоже нелегко пришлось, а он явно боялся бросить меня беспомощной. Еще раз внимательно посмотрел на меня, а потом потрусил в сторону леса.

— Госпожа Алев, Слава трехликому Асторту, вы пришли в себя! Мы так волновались за вас!

Повернув голову в сторону голоса, заметила серое от усталости и недосыпа лицо Алейны. Рядом с ней на плаще лежал Ален, и в первый момент я жутко испугалась, потому что в его лице не было ни кровинки. Проверила свой внутренний резерв, как учил Камос, и, удостоверившись, что заполнился он лишь наполовину, решила. Покачиваясь от усталости, подошла к ним и присела рядом. Опять же благодаря наставлениям и учебникам по целительству, проверила повреждения Алена. Ему откровенно плохо, и скорее всего, самостоятельно он не сможет выкарабкаться, учитывая тот факт, что нам еще ехать и ехать, и ждать их точно никто не будет. Судя по тоскливым обреченным глазам Алейны, она это понимала и была готова остаться рядом с братом, уже зная, чем это для них закончится.

Осторожно убрала лишнюю одежду, освобождая доступ к телу парня, чтобы сохранить даже крупицы своей энергии, и под напряженными и вспыхнувшими надеждой глазами Алейны приступила к лечению. Он забрал много магии, на такую потерю я не рассчитывала, но должна была помочь ему. Резко оборвав ручеек своей энергии, прошептала девушке:

— Еды нам обоим сейчас же. И мяса побольше.

Мне было все равно, где она ее достанет, но уверена — сделает. Я оказалась права, серая мышка исчезла, и на свет появилась заботливая мать, которая за своих подопечных порвет, не глядя, любого. Я набросилась на еду как акула на беспомощного дайвера. Глотала, не ощущая что ем, в каком состоянии по части готовности. Набив живот под завязку и икнув от переедания, наконец, смогла лениво осмотреться вокруг, предварительно проверив Алена. Он выглядел бледным, а не серым, а главное, привалившись к сестре, с трудом жевал еду, которую Алейна, только что сама не пережевывая, засовывала ему в рот. Так, тут все хорошо будет, но сегодня нам придется обоим остаться здесь.

Заметила свою Тихоню и лошадок моих новых подопечных, привязанных возле одного из кустов и мирно щиплющих травку. Скорее всего, это Алейна о них позаботилась. Хорошая, смышленная девочка. Кольнула мысль, что я старше этих ребят не больше чем на десять лет, но после всего пережитого чувствую себя умудренной опытом матроной.

С поляны уже убрали трупы, но огромное, еще дымящееся пепелище в центре с ужасающей действительностью подсказало, куда они делись. От вампиров после восхода ничего не осталось, Дрив обильно собрал свою утреннюю жатву. Но я признавала правильность действий оставшихся в живых. Возле дерева сидели сломленные ночными событиями четыре девушки, а по поляне серыми призраками ходили мужчины. Слишком мало мужчин, я лишь понадеялась, что остальные на охоте. Из ближайших кустов ко мне

направился принц, а вслед за ним тенью — его телохранитель, барон Вайрек, как выяснилось во время битвы.

— Добрый день, темнейшая! Приносим извинения за то, что не поверили вам с самого начала... Мы, хотели бы предложить вам продолжить путь вместе с нами. Впредь мы без сомнений примем любые ваши советы.

Я медленно пила ягодный напиток, принесенный Алейной, цедя его глоточками, и думала об их предложении.

— Сколько вас осталось, принц?

— Из двадцати девяти человек, всего шестнадцать... При выезде из Илисвурга нас было сто шестнадцать.

Я лишь кивнула, а сама судорожно подсчитывала проблемы и выгоды. Бросив быстрый взгляд на Каренов, поняла, что любые выгоды не стоят их жизней.

— Я согласна! Но сегодня я не сдвинусь с места, принц. Мне нужно отдохнуть и этому молодцу тоже. Уверена, что и всем вам лучше отдохнуть. Мы организуем лучшую защиту, костер побольше и до вечера будем спать. Затем выставим охрану и спать будем по очереди. Сейчас нам всем необходимо хорошо отдохнуть и поесть.

— Темнейшая, но не лучше ли нам будет покинуть это жуткое место и попытаться уйти от преследования вампиров. Мы уничтожили ножны и теперь, они не смогут нас отследить. — Барон говорил с мрачной уверенностью в своих словах, и я поняла, что сейчас как раз время проверки моего авторитета.

— Мы с Аленом не способны передвигаться, пока не восстановим силы, это раз. Во-вторых, наши пульсирующие сердца теперь путеводная нить для вампов. Вчера мы были не готовы к их нападению, сегодня все иначе. В любом случае, мне проще защитить четверых, чем такую толпу, так что решать вам.

— Мы принимаем ваши условия, Алев Штерназия, и благодарны за помощь. Мы перед вами в большом долгу.

— Я принимаю ваши долговые обязательства, принц Дайрик Бернази. И придет время, напомню о них. — Решила поймать его на слове, кто знает, когда потребуется поддержка.

Он побледнел, прикусив язык, но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Особенно учитывая то обстоятельство, что я темная эльфийка. Это он еще не в курсе драконьей крови. Принц лишь кивнул мне и, рывком поднявшись, отошел. Барон же, бросив на меня взгляд, с тщательно скрываемой неприязнью спросил:

— Что нам делать сейчас?

— Как уже сказала, собирать хворост и поленья потолще, а так же отъедаться и отсыпаться, ночь будет тяжелая.

Улеглась неподалеку от Алена, и мы оба проспали до вечера, пока Алейна вместе с другими выжившими готовилась к приему ночных гостей. В эту ночь вампиры пришли ближе к утру, и мы встретили их во всеоружии, успев даже прикорнуть от страха и испытанного стресса.

А едва забрезжил рассвет, вся группа быстро, но довольно плотно позавтракав, резво отправилась в путь, подальше от этого страшного места.

Двое суток сплошной скачки, от которой у меня еще после первого дня образовались кровавые мозоли на уже не мягком, а отбитом месте. Все время Ален пытался пояснить принцип правильной посадки, как ездят рысью и галопом, но у меня получалось либо мешком с картошкой подпрыгивать в седле, отбивая последнее еще живое, либо полулежа на

спине Тихони и кряхтя и постанывая от боли, в то время как Алэн вел ее за собой на поводу. А вечером, буквально падая к ногам лошади, я с трудом приходила в себя и под изумленными моим полнейшим неумением ездить на лошади взглядами людей, залечивала на скорую руку свои раны и готовилась к ночному бдению. Если бы не Филя, на которого можно было положиться в качестве разведчика, я бы, наверное, лично утопилась, чтобы больше не терпеть подобные пытки. А ведь Тихоня и правда оказалась тихой, смиренной и доброй лошадкой. Она сочувственно косила на меня глазом и побаивалась лишь мархуза, что удивляло, учитывая мою вторую сущность и стойкую нелюбовь ко мне животных. Только из-за добродушия и смиренного терпения Тихони, я тоже героически переносила дневные переходы и училась ездить верхом.

Мне это удалось только к концу недели подобных пыток и в первый момент, ощутив, как тело само приняло удобное положение и синхронно с движением лошади гасит толчки, чуть не завопила от счастья. Именно с этого дня, когда по моим расчетам до Илисвурга осталось чуть больше трех дней, я, наконец, смогла заняться сбором информации о пятисотлетнем пробеле, образовавшемся после гибели Камоса и по сей день.

Отметив мою более уверенную посадку и веселое настроение, впервые за всю поездку ко мне приблизился Дайрик Бернази. Сделав это как бы невзначай, он какое-то время ехал молча, а потом спросил, тщательно скрывая недоумение и любопытство:

— Скажите, темнейшая Алев, а как получилось, что вы не умеете ездить на лошади, но оказались так далеко от любых поселений?

— Поверьте, Дайрик, жизнь заставит, не так раскорячишься! — не сдержала ехидства.

Он вежливо улыбнулся, но слегка нахмурился, не получив удобоваримого ответа. Зато я воспользовалась его заминкой, чтобы самой начать задавать вопросы:

— Знаете, принц, — решила подольститься, пытаюсь расположить к себе, — я давно не была на людях, расскажите что в мире делается?

Он еще подозрительнее на меня посмотрел и осторожно спросил:

— Э-э-э, какой период вас интересует?

Я мгновение решала как обойти столь щекотливую тему, а потом безмятежно выдала:

— А что, разве в мире произошли кардинальные изменения? С нашим долголетием, принц, даже пятьсот лет — не срок. Да и что может такого грандиозного произойти за такой короткий период?

Его видимо задело мое пренебрежительное отношение ко времени, и он начал вещать, стараясь голосом и хаотичными движениями рук, помочь себе:

— Как это что? Да за пятьсот лет многое изменилось. Свург объединился с Хараном и удвоил свои границы. Светлые перестали задевать всех и каждого, реже покидают свои границы, и вообще, поговаривают, что их прокляли и теперь у них не рождаются дети. Марханы резко сократили свой жизненный цикл и теперь живут не дольше пятидесяти лет, а ведь раньше доживали до пятисот. Некогда воинственный могущественный народ всего за пять сотен лет потерял практически все, что имел раньше, даже многие территории. Они теперь селятся в основном рядом с людьми и занимаются торговлей. Драконы в состоянии войны с темными вот уже больше пятнадцати лет, и конца-края этому не видно. Гномы занимают все более высокие посты в любых прежних союзах и претендуют на ведущую мировую расу, а ведь еще лет триста назад были тише воды ниже травы, а теперь что? Дерут огромные проценты за кредиты и считают, что все у них в кармане... Не-е-ет, темнейшая, вы не правы, и мир изменился слишком сильно, чтобы этого не замечать.

Он говорил с горечью, поняла, что все затрагивает его лично как будущего правителя.

— Да, принц, вы правы. Действительно, за пятьсот лет можно забыть многое, а уж изменить и подавно. Но главное, жизнь продолжается и в наших силах что-то изменить, будет хорошо, если в лучшую сторону. Не забудьте об этом, когда придет ваша очередь менять судьбу мира и распоряжаться множеством жизней.

Он задумчиво посмотрел на меня, а потом снова вперед, словно не замечая окружающего мира, смотрел в будущее. И лишь его тихий голос напомнил, что он все еще здесь:

— Это нелегко, но я постараюсь.

Мы оба ушли от сложной темы, потому что оба знали, что не время, не место, да и решать это не нам. По крайней мере, сейчас. Но за оставшиеся три дня мы говорили уже по-другому. Не так как раньше — все время настороже, а более легко и непринужденно. Когда выехали на очередной пригорок, оказалось, что мы достигли своей цели, и Илисбург раскинулся у нас под ногами.

Еще раз затрагивала тему их злополучной охоты, когда я наивно поинтересовалась, почему они поехали в эту сторону от города, где и деревень-то нет, потому что слишком много болот вокруг, и вообще, места гиблые. Оказалось, они сами не знали и, тайком посоветовавшись, все же нерешительно предположили, что им не только приманку для вампиров подсунули, но и внушение сделали. И я согласилась с их доводами, отчего странным образом они почувствовали облегчение и уверенность — именно так и было. Я их разубеждать не стала, мне же нужно было создать имидж умудренной опытом и годами темной эльфийки. Пока я не закончу в Илисбурге свои дела, лучше с ними дружить. Но все же, подъезжая к городу, я натянула капюшон на голову поглубже, а на предложение Дайрика остановится во дворце тут же отказалась, настойчиво попросив не придавать огласке мою помощь и не привлекать ко мне лишнего внимания. Более того, я специально серьезно предупредила:

— Вы же не хотите быть должником всего моего темнейшего рода, принц?

Они с бароном слегка побледнели и прониклись последствиями. Но пообещали, что свой долг передо мной не забудут и посетят меня инкогнито, что бы справиться о моем самочувствии. Я вежливо согласилась, но без особенного энтузиазма. Зачем? Они пойдут своей дорогой, я — своей, но ссориться с наследным принцем не стоило и обижать его самолюбие — тоже. А вот приглашение на обед Алена и Айлены я приняла.

В зеркале мне улыбалась девушка среднего роста с пламенной гривой волос, золотисто-кариими глазами и смуглой персиковой кожей. Я вновь рассматривала свое отражение, испытывая в этом занятии удовольствие, потому что очень похожа на маму и в тоже время многое взяла от папы, как показало ранее видение. Взгляд скользнул ниже, с удовлетворением отмечая красивое длинное платье, облегающее до талии и спадающее дальше тонкими плиссированными складками. Поверх длинных рукавов на запястьях красовалась пара дорогих браслетов, но не вычурных, а на знатока. Так же как и тонкое изящное кольцо на шее с тремя драгоценными желтыми камнями. А 'Сердце Марханов' покоилось в ложбинке груди, скрытое пологом невидимости.

За неделю, проведенную в Илисбурге, мне преподнесли довольно много украшений в качестве благодарности за жизнь отпрысков из благородных фамилий. Хотя я все же позволила себе мысленно ехидно заметить, что скорее всего, сие происходило по причине моего темно-эльфийского происхождения. И родовитые родители таким способом откупались лично от меня, чтобы в будущем не иметь долгов уже перед моим родом. Но лично я не против, и на моем счету в гномьем банке уже лежала приличная сумма денег на депозите и драгоценностей в хранилище. Куда вошли и те, которые мне выдал Камос.

Почтила темнейшим присутствием уже два званых ужина и все время старалась не привлекать к себе внимания, делала это инкогнито. Родители Алена и Алейны — придворные маги — очень понравились, а моя персона вызвала у них сначала замешательство, а потом теплые родственные чувства. Меня приняли в семью Каренов безоговорочно. Они хотели, так же как и остальные одарить меня, но я достаточно твердо отказалась, пояснив, что их дети тоже в какой-то мере помогли мне. Так что мы остались друзьями навечно, как я решила пошутить, но оба мага приняли слова буквально. И мне показалось, что они некоторым образом заволновались за свою вечность, и мне пришлось пояснить, что я пошутила, чем снова ввела их в культурный шок. Да и сама тоже весьма удивилась, услышав, что оба мага никогда не слышали, чтобы темные шутили.

Так и пролетела неделя, в течение которой я узнавала новости и сплетни, просиживая в обеденной зоне гостиницы и слушая все, что достигало моих очень чутких ушек. Так, комфортно устроившись в самом дальнем и темном уголке, попивая сидр или неторопливо поглощая вкусный обед или ужин, я впервые в жизни увидела мощных, широких не только в плечах, смахивающих на тумбы гномов. Причем без всяких бород на чисто выбритых квадратных лицах. Короткие, словно с Уолл-стрит стрижки на непропорционально больших головах, массивные золотые печатки на пальцах, темные сюртуки, как я весело отметила про себя, это такая разновидность деловых костюмов. Лица немного недовольные, как будто они вечно морщатся от дурного запаха, а так крепыши-коротышки, подобных много на Земле.

А уже на следующий день заметила пару оборотней. Опять ужинала в уголке, когда мое внимание привлекла интересная парочка внушительных мужчин, тихо о чем-то беседовавших, позыркивая по сторонам прищуренными глазами, но в итоге их спокойный разговор прервался, стоило молоденькой служанке обратить на них пламенный взор. Пока обслуживала их столик, она все никак не могла определить кто из двоих ей больше по душе. Ужимки, низкое декольте в купе со скользящими словно невзначай касаниями бедер заинтересовавшихся мужчин, привели к тому, что соперники решили выяснить сами кому

она достанется. Сначала раздался гневный рык, а потом в зале раздался женский крик, брань, и все дружно прыснули в разные стороны, стараясь придерживаться стен. Некоторые — самые предусмотрительные — даже успели с собой прихватить кружки с горячительным или тарелки с едой и заинтересованно наблюдали за дракой. Ни дать, ни взять спортивное зрелище. Я даже привстала, когда в стороны словно брызнули куски одежды, а еще через пару минут и клоки шерсти с каплями крови полетели. Однако, виновница происшествия с наслаждением взирала на драку, а потом с довольным хихиканьем повисла вниз головой, когда победитель, вновь вернувший себе человеческий облик, сверкая голой задницей и нисколько не смущаясь, перекинул ее через плечо и покинул помещение под довольный хохот толпы. Как говорится, не хлебом единым..... Через пару минут беспорядок был ликвидирован, а гости как ни в чем не бывало попивали свои напитки, наслаждались горячей похлебкой и жареным мясом.

Прошло уже три месяца со дня моего появления на Лайваносе, но я все еще не могла привыкнуть к множеству разнообразных событий, а каждого встреченного очередного 'сказочного персонажа' воспринимала с громко бухающим сердцем или отвисшей челюстью. И только окружающие люди оставались реальными, привычными и словно якорь держали мой рассудок светлым и здравомыслящим. Наверное, моя первая встреча с Камосом все же помогла в гораздо большей степени примириться с этим миром, свыкнуться с ним и принять как данность новую реальность. Но удивляться всему новому это не мешало!

Еще я обзавелась новым гардеробом, походной сумкой, а главное, обувью. Тихоню оставили мне, за нее лично Дайрик заплатил семье бывшей хозяйки, погибшей на той злополучной охоте. В то как продвигалось расследование по этому делу, старательно не лезла и не давала втягивать себя другим. Поэтому, прилично обогатившись, приодевшись и отдохнув, сочла, что у меня больше нет причин оттягивать момент начала миссии, порученной Камосом, за которую он заплатил исполнением моего заветного желания.

Поправив все складочки на новом зеленом легком платье, накинула плащ и, привычно скрыв свои секреты под капюшоном, направилась на выход. Филипп привычно потрусил за мной. Его габариты и устрашающих размеров пасть вместе с репутацией мархузов отпугивала всех недоброжелателей. Поэтому по улицам города я ходила не опасаясь. Узкие, но чистые улочки петляли словно зайцы во время погони, иногда пересекаясь под немыслимыми углами или выводя в самые неожиданные места. Зелень вокруг, чистенькие выкрашенные дома с черепичными крышами и довольно приветливые лица жителей Илисвурга говорили о процветании и довольно хорошем управлении.

Я не просто так ходила по улицам, знакомилась с его структурой и расположением лавок или домов, попутно отмечая проворные хвосты марханов. Выбрала на тихой улочке лавочку с оружием и разными редкостями в надежде, что там, возможно, еще помнят Камоса Который Всегда идет до Конца. Наконец, бросив пару быстрых взглядов по сторонам, поднялась на крыльцо и неуверенно толкнула дверь, обитую металлом. Тренькнул колокольчик, и я на мгновение прищурилась, проходя в прохладное нутро помещения. Мархуз остался снаружи, на всякий случай.

Довольно большое помещение увешано разным оружием. Красивыми кинжалами в ножнах или странным невиданным мною раньше. Я осматривалась, проходя между невысокими стеллажами и иногда мысленно ужасалась, глядя на какой-нибудь из предметов. Страшно даже представить, какие жуткие раны может нанести тот или иной экземпляр. Опасливо передернувшись от наиболее яркого образа, уже разворачивалась,

чтобы вернуться к двери, но в этот момент услышала шорох, и тут же грубоватый голос нарушил окружающую тишину, заставив вздрогнуть:

— Госпожа что-то желает или заблудилась?

Я медленно обернулась на голос и заметила парня-мархана, который с любопытством рассматривал меня в упор. Рассмотрев мое лицо, тут же окаменел — все добродушие вмиг испарилось.

— Светлым не продаем!

— А темным?

Я вопросительно приподняла бровь и больше не сделала ни одного жеста или движения в ожидании его ответа. Парень нахмурился, сдвинув густые черные брови, явно испытывая замешательство, потом молча вытащил из нагрудного кармана деревянный свисток и дунул в него. Звука я не услышала — очень интересно... Синий хвост мархана нервно подрагивал, пока в дальнем углу не послышался шорох. К нам скользил еще один мархан, из-за стеллажей была видна лишь его голова, но через пару мгновений настороженный мужчина появился перед нами полностью. Хорошо сложен... сверху и чем-то похож на Камоса. Черный длинный камзол без каких-либо украшений, толстые темные губы, взгляд из-под густых черных бровей сверлил, оценивал...

— Светлым не продаем! — голос похож, скорее всего рядом его сын.

— А темным? — хмыкнула и повторила свой вопрос.

Широкие ноздри раздулись и затрепетали. И снова оценивающий взгляд. Потом его осторожное:

— Возможно...

Он посмотрел на меня, пытаясь взглядом проникнуть под капюшон. Надоело играть с ними в вопрос-ответ, и я медленно сняла перчатку под их пристальным вниманием. Вытянула свою руку в сторону старшего и, отставив один из пальцев на котором красовалось кольцо Камоса, прямо спросила:

— Вы знаете чье это кольцо?

Он сначала скосил взгляд вниз, потом, рассмотрев рунную вязь и три витые буквы — знак старого мага-призрака, нахмурился. Напрягся под непонимающим взглядом сына и выдавил:

— Возможно!

Я его хорошо понимаю. На его взгляд я — светлая эльфийка, проклятый враг, да еще с кольцом того, кто должен был вернуть святыню. Уверена, случившееся сотни лет назад у них передается из поколения в поколение. Как плач по утраченному, чтобы помнили врага.

— Мне нужно встретиться с советом марханов! Непосредственно! И времени на игры у меня нет.

Парень округлил глаза от моей наглости, зато его отец еще больше подобрался, окинув меня внимательным взглядом еще раз:

— Это не в моей компетенции и... мне нужно посоветоваться...

— Я подожду здесь... пока вы советуетесь... если вы не против?

Он лишь кивнул своей головой, с гладко зачесанными за мелкие ушки черными волосами, и уже было направился к выходу, но опомнился:

— Сириин, быстро к Ксиону! Расскажешь все как есть и пригласи его сюда.

— И передай ему привет от того Кто Всегда Идет до Конца, Сириин! — добавила я.

Глаза парнишки стали совсем плоскими и он, сделав судорожный вздох, рванул на

выход, быстро скользая по деревянным доскам лавки. Тренькнул звонок над дверью, и мы со старшим марханом остались наедине. Он бросил на меня еще один напряженный взгляд и, указывая рукой направление, предложил:

— Госпожа, не желаете присесть в более удобном месте?

В этот момент я ощутила странное тепло в груди. Ощущение чего-то родного и теплого, будто кто-то коснулся маленькой ладошкой моего живота изнутри. Я растерялась от непонятных ощущений, а в следующий момент зазвонил колокольчик и, морщась от внезапной слепоты, в лавку зашел мужчина-эльф. Он еще не заметил меня, но вот моя реакция не укрылась от мархана.

Перед нами высокий мужчина с белоснежной кожей, черными глазами и длинными волосами чернее самой черной ночи, красиво струящиеся по голове хозяина, ниспадая до ягодиц. Ощущение, словно тьма вьется возле его головы и стекает по спине. Острые скулы, узкие черные глаза до самых висков, тонкие губы, поджатые в ниточку и угловатый подбородок, который вечно, судя по всему, поднят. Красив до чертиков, чересчур горд, уверен в себе и до невозможности ненавистен... мне. Темный эльф из сна... Убийца моих родителей — Фаотей Черный!

Я побледнела от испытываемых сейчас чувств, все равно что это заметно мархану. Надвинув глубже капюшон, пыталась справиться с драконицей, которая жаждала его крови. Но в этот момент эльф прошел чуть дальше, вглубь помещения, и я смогла дышать более спокойно. Слишком похожи, но сейчас передо мной явно дядя Дэной. Как сказал Камос, когда мы затрагивали тему моих родственников, Дэной довольно спокоен и выдержан, в отличие от своего отца и часто служит сдерживающим фактором для бешеного темперамента Фаотея. Но знакомиться с дядей сейчас я не хотела, поэтому резко отвернулась в тот момент, когда он посмотрел в мою сторону. Мархан все это отметил, проанализировал и скользнул к новому посетителю. Я же, медленно, ощущая внимательный взгляд хвостатого, прошла в указанном направлении. Присесть очень хотелось.

Обычный разговор между торговцем и покупателем закончился довольно скоро, потому что мархан вежливо, четко дал понять темному, что ему здесь не рады, и как бы оправдывая себя, преподнесли это важному господину как отсутствие в лавке достойного товара. А я, пока не ушел эльф, смотрела на черное кольцо матери, которое запульсировало у меня на руке. Слово вспоминало знакомых, настраивалось на их волну. Да-а-а, вот и свиделись... Так скоро и именно в этом месте... Неужели и правда боги играют в одну им понятную игру?

Темный ушел, а рядом появился мархан, задумчиво меня рассматривая:

— Родственник?

Я оторвала взгляд от кольца, которое тут же успокоилось, стоило уйти Дэною и, не видя причин скрывать, кивнула.

— Ну что ж, родню не выбирают — это истина!

Подняла лицо, взглянула на ухмыляющегося мужчину и тоже непроизвольно усмехнулась:

— Это точно!

Снова тренькнул звонок, и в лавке появились старые и новые лица. Вернулся парнишка Сирина, а позади него двигал коротким толстым хвостом старый мархан в синем, украшенном серебристой вышивкой камзоле. Он запыхался, спеша за более молодым сородичем, но тем не менее, старался сохранить достоинство и солидный вид. Сирина

скользнул ближе ко мне и хрипло спросил:

— Госпожа, тот... мархуз за дверью ВАШ?

Я кивнула, и теперь они втроем смотрели на меня с огромным интересом.

— Я шаман Ксион Радеющий за Правду, госпожа! — немного пожевал толстую сухую губу, глядя на меня, и продолжил. — Глава свода всех марханов Илисвурга.

Мне стало грустно еще больше. Всего за пятьсот лет случилось то, чего так боялся Камос. Маги практически вымерли, вся раса марханов вымирает, забывает свое прошлое и наследие предков. Вытянув руку, снова продемонстрировала кольцо Камоса, внезапно задрожавшему от переполнявших его чувств Ксиону.

— Откуда оно у вас, госпожа?

— От его владельца, теперь, правда, бывшего!

— Он жив? — неуверенный, не верящий, но обнадеженный голос Ксиона заставил тяжело вздохнуть.

— Нет! В прямом понимании этого слова! Маг Камос мой наставник... учитель. Он просил меня выполнить до конца его миссию. Вернуть былую славу своему народу и все украденное Светлыми. Он передал мне 'Сердце Марханов' и заставил поклясться, что я сама лично возложу артефакт на его законное ложе. От его имени. И как его ученица.

Все трое замерли, разинув рты, казалось, им не хватает воздуха, и я хорошо их понимаю. Когда все связанное с этим артефактом превратилось всего лишь в легенду, покрытую пылью веков, для живущих не более пятидесяти лет марханов, заявляется темная эльфийка и рассказывает нереальную историю. Сложно даже поверить, не то что принять!

— Но позвольте... как давно вы его видели?

Я предвидела подобные вопросы, поэтому кратко описала нашу встречу в лесу. Все трое марханов пристально сверлили меня взглядами, показалось, что они не слишком поверили. Старик снова пожевал губу и спросил:

— Сколько вам лет, госпожа? И как вы там оказались? Одна, без сопровождения...

Я посмотрела на них, решая стоит ли им много рассказывать:

— Двадцать семь! Все остальное вас не касается!

Шаман хмыкнул, словно уверился в моей лжи, Сирина потускнел, а его отец нахмурился, нечаянно бросив взгляд на дверь, где не так давно скрылся мой родственничек. Он явно раздумывал над какой-то мыслью.

— Простите, госпожа, за недоверие, но я уверен, вы не можете не знать... не помнить или не заметить, но проклятие марханов легло на ВСЕХ эльфов, и теперь ваша раса потомства не вынашивает.

— Господин Ксион, я не светлая эльфийка, хотя не скрою, что в моих жилах течет и их кровь, но лишь на четверть. Я... полукровка. Моя мама Гленсия Штерназия, а отец... Суорен Красный. Дракон!

Вот теперь я отметила, как новые чувства вспыхнули на лицах трех марханов. Непередаваемый энтузиазм мага-исследователя на лице старика, смешанный с восторгом и надеждой от возможной удачи и обретения утраченной реликвии. На лице отца Сирина отразился шок, а затем удовлетворение расплылось светлым радостным пятном. А сам парнишка теперь глядел на меня просто как на чудо или как я не так давно на Камоса-призрака. Но все же Ксион спросил, слегка скрипнув клыками от напряжения:

— И вы думаете, мы можем вам доверять? Учитывая, что для проклятия марханов цвет вашей расы не важен. Были прокляты все эльфы, но хвала Высшим, ваши темные сородичи

вину за это наложили на светлых...

Как интересно, а я не знала, что и темные под раздачу попали... И Камос тоже не понял масштабов всей трагедии. Я снова вытянула руку и продемонстрировала частичную трансформацию. Когда по смуглой коже побежали красные чешуйки, растекаясь пламенем по руке, все трое замерли, не дыша глядя на красивую трансформацию. Причем я вместе с ними, потому что за прошедшие с моего первого оборота недели все еще не могла привыкнуть и налюбоваться на это чудо. В душе я все еще землянка, человек, хоть и чешуйчатая, и хвостатая, да еще с острыми ушами...

— Можете! Если нет... Найду других марханов! Я дала клятву Камосу Который Всегда идет до Конца, что его миссия будет закончена, и его народ обретет утраченное долголетие... хм-м-м, в вашем понимании.

— Уважаемая госпожа, э-э-э, можно ли узнать ваше имя?

— Алев Штерн! Так будет правильнее.

Ксион бросил выразительный взгляд на хозяев лавки и обернулся снова ко мне:

— Госпожа Алев, не желаете отобедать? Выпить чего-нибудь освежающего? Погода нынче солнечная... душная и располагающая посидеть в тиши и прохладе... за разговором.

Отец Сирина резко мотнул головой сыну, и тот юркнул за расписной тканевый полог, за ним, улыбнувшись мне, поспешил и хозяин. Я же ухмыльнулась и пошла за ними, будучи настороже и стараясь даже спиной уловить малейшие негативные импульсы со стороны Ксиона, но тот суетливо приподнял передо мной полог, а затем и сам прошел следом. Внутри оказалась вторая часть дома, жилая. Несколько полуприкрытых дверей в коридоре, и одна из них вела в большую светлую, залитую солнцем комнату. Все пространство завалено подушками и застелено толстыми пушистыми коврами, а посередине на коротких кованых ножках стоит большой стол, заваленный фруктами и сладостями.

Меня проводили к самым большим подушкам и помогли, поддерживая за локоток, присесть, буквально утонув в них. А ничего так, удобно! Сирина принес запотевший кувшин и разлил по стоящим на подносе бокалам холодную золотистую жидкость, от которой они тут же запотели и капельки стекали по тонким ножкам. Оба старших мархана сразу отпили по половине и с довольным видом откинулись на подушки. Их толстые синие хвосты медленно, вальяжно постукивали по полу — эти мужчины явно пришли в хорошее расположение духа.

Откинув капюшон под их пристальными взглядами, попробовала жидкость, от холода свело зубы, но мягкий вкус напомнил лимонад. Очень вкусный лимонад! Проследив за мной, Ксион пробормотал, прищуривая черные глаза, от чего на синей, на первый взгляд 'дубовой' коже проявились сетка морщинок.

— Действительно... красная драконица! — Потом его кожа потемнела, став практически фиолетовой и он, кашлянув в кулак, осторожно спросил. — Что вы хотите от нас, госпожа Алев?

Поставила бокал на стол, медленно потерла влажные ладони, продумывая что сказать.

— Охрану для сопровождения к Дому Предков, все расходы по этой экспедиции, естественно, ложатся на вас. Еще мне нужна помощь ваших магов или шаманов... Камос сказал, что эта цитадель пропускает лишь своих... избранных, а чужаки никогда не смогут пройти сквозь защитный покров.

— Вы правы в своих предположениях. За века, прошедшие со дня проклятья, в тех краях слишком многое изменилось. Растекшаяся сила, смешанная со злостью проклинающих, породила монстров... Древний город укрывает защитный купол, там живут лишь избранные

жрецы, которые служат нашим богам, присматривают за цитаделью и ждут... реликвию домой. Есть только один путь, известный не многим, сквозь круги зла, которые теперь опоясывают купол и защищают его от всех... включая и самих марханов. Раз в десять лет группа жрецов уходит в закрытый город из Эйнере, небольшого городка марханов на границе со светлыми. Так что сначала нам нужно добраться туда, а уж оттуда с проводником — к самой цитадели, в которой нас встретят жрецы. Они проведут к ложу Сердца.

Пока я слушала, а Ксион уверенно говорил, помогая себе руками со светлыми ладошками, отметила про себя, что он как будто еще не верит в случившееся, в меня и в то, что сейчас обсуждает. И он это подтвердил, внезапно замолчав и настойчиво посмотрев на меня, выдыхая:

— Я должен на него взглянуть, госпожа! Должен увериться, что это правда! А не розыгрыш светлых...

Я напряглась и села ровно, заставив марханов замереть в ожидании.

— Ксион, вы же знаете, что кольцо мага-мархана убьет любого, кто возьмет его без разрешения его владельца? — Шаман неохотно кивнул. — На мне личное кольцо Камоса. Я делаю так, как мне приказал мой учитель! Я следую своей клятве, а нарушать обещания не привыкла. — Я начала вставать, при этом продолжая говорить: — Артефакт надежно спрятан и добыть его могу только я! Если вы отказываетесь мне помочь, я найду тех марханов, кто больше чтит известного мага и хочет жить долго и счастливо. Прощайте и не поминайте лихом.

Я уже встала и пошла к двери, когда оба мужчины единым движением поднявшись, склонили головы в поклоне. Правда не слишком низко, как я отметила с ехидством и уважением.

— Мы чтим память предков, госпожа Алев, и согласны на все ваши условия. Свод марханов Илисурга почтет за честь и великую удачу оказать вам поддержку... организовать этот поход и сделать все возможное и невозможное, чтобы вы в целостности и сохранности дошли до нашей цитадели! И поверьте, теперь каждый мархан Лайваноса будет на вашей стороне и окажет вам любую помощь.

Я медленно опустила обратно на подушки, а за мной тоже самое повторили двое моих собеседников.

— Ну что ж, раз мы с основными моментами определились, займемся мелочами...

— Не волнуйтесь, госпожа Алев, все проблемы и мелочи мы возьмем на себя. Нам потребуется пара дней для этого, а пока вы окажете нам честь, приняв наше приглашение и согласившись поселиться...

Усмехнулась и честно ответила, приостанавливая Ксиона:

— Я никуда не исчезну и не сбегу. Я поселилась 'У белого камня', там меня и найдете, когда закончите сборы, но предлагаю встретиться за городом ВСЕМ, чтобы не привлекать излишнее внимание к нашей компании....

Марханы явно занервничали, ведь им придется сейчас выпустить меня отсюда и, возможно — потерять из виду. А на кону столь многое, что они сейчас усиленно думали, как быть. Ксион вновь нарисовал на своем морщинистом синем лице вежливую улыбку и настойчиво заговорил с сильными предостерегающими нотками в голосе. Он очень волновался, и скрывать это от меня не считал нужным:

— Хорошо, уважаемая Алев, но будьте осторожны, в Илисурге в последние пару дней видели светлых... Не в ваш прекрасный сад камень, уважаемая, но в свете последних

известий... А причины их появления никому не известны... Хотя их молодняку и исполнилось по пятьсот лет, но зачастую ведут они себя как парни в период морального становления и взросления... бешеные и глупые! Они и раньше умом не отличались, а теперь в вынужденной изоляции теряют здравый смысл. Старшие, конечно, стараются их образумить. Новое потомство теперь неизвестно когда родится, вот и стараются уберечь всех.

Я кивнула, выражая согласие с ним. И направилась к выходу, прислушиваясь к шороху хвостов марханов по деревянным полам. На выходе из лавки я попрощалась с Сирином, который был за стойкой во время нашего разговора, присматривая за торговым залом, а потом мягко улыбнулась хмурым мужчинам:

— Я темная, я светлая и я драконица, и я маг! Побратим мархуз всегда прикроет мою спину. Я зашла сюда без него, чтобы сразу не настроить вас против себя и не добавлять лишнего напряжения. В любом другом месте он всегда рядом. У вас нет повода сильно беспокоиться, но стоит нам оказаться вместе, внимание к моей персоне увеличится. Вот тогда и будете переживать и заботиться.

Ксион кивнул, переглянувшись с хозяином лавки, имя которого я так и не услышала.

— Ваши слова разумны, госпожа. Теперь очевидно, почему Камос выбрал вас курьером и ученицей.

Я вновь, лишь улыбнувшись, вежливо кивнула, а затем вышла наружу. С людьми я привыкла общаться лишь по долгу службы... на работе или с соответствующими органами. В остальном же я все время отстранялась от них, живя замкнуто и все время готовясь к чему-то. Вот и сейчас я улыбалась, но держала всех на расстоянии: и тех, с кем ехала по лесам и спасалась от вампиров, и этих, уже фактически новых спутников. Исключительно в силу старой выработавшейся привычки.

Филя высунул морду из-за угла, стоило очутиться на улице, и приветливо махнул толстым мохнатым хвостом, который я привела в порядок пару дней назад. Теперь в рюкзаке лежала не только моя расческа, но и его. Причем Филька нашел в этом для себя огромное удовольствие. Воздух перемешивался с запахом еды из домов, цветущих садов и зелени деревьев, помоев тоже (куда ж без них), лошадей и множества снующих по городским улочкам жителей разных рас. Мимо нас проехал на лошадях городской патруль, но завидев эльфийку с мархузом рядом, лишь кивнули и проехали мимо, все же окинув меня пристальным любопытным взглядом.

Накинула капюшон, закрепляя его магически, и направилась к гостинице. В главном марханы правы: чем меньше я шатаюсь по городу, тем меньше привлекаю к себе внимание. О своей дальнейшей судьбе подумаю позже, когда выполню возложенную миссию. Мне больше некуда торопиться и можно просто жить своей жизнью, наслаждаясь каждым мгновением. Не упуская даже мелочей, ведь из них и состоит наша жизнь, и теперь я могу увидеть в них прелесть и важность. Да и пора провести ревизию своего имущества, чтобы убедиться в том, что у нас все есть для дальнего путешествия.

Глава 8

На второй день, перебрав все вещи и уложив их в свой новый рюкзак, я решила в последний раз пройтись по городу. Просто ощутить биение его жизни и купить несколько лент для волос, в дороге они точно потребуются, а вот купить их может не получиться. Я тщательно изучила карту Лайваноса и примерно знала, каким путем мы поедем. Даже мысленно выстроила цепочку городов и поселков, через которые нам придется проезжать.

Заплела тугую косу и зафиксировала на голове капюшон, кликнула Филю, и мы отправились на прогулку по Илисвургу. Наш выход из гостиницы вызвал привычное любопытство окружающих, но мы уже научились не обращать на это внимания. Я лишь краем глаза следила за новенькими или подозрительными личностями, но тщательно держала нейтралитет, а грозный вид мархуза отбивал охоту у любителей различных развлечений искать их в моем лице.

Мы потолкались на рынке, поели вкусных пирогов, причем торговец в шоке наблюдал, как Филя лопаёт, их не пережевывая. Я же словно довольная мать худосочного дитя с умилением смотрела, как пироги исчезают в бездонном желудке моего побратима, выкладывая на прилавок очередную монетку. Потом мы купили ленточек и кожаных ремешков для волос и, нагулявшись, направились в сторону гостиницы.

С удовольствием наблюдая за чужой суетой вокруг, неожиданно почувствовала знакомое тепло в груди. Родственное. Это чувство так же внезапно усилилось, а потом родственное тепло смешалось с легкой прохладой, как будто морской бриз пробежался по разгоряченной солнцем коже. Я на автомате еще шла, поворачивая в нужный переулок, по которому можно спокойно и быстро добраться до моего временного жилища, когда буквально выскочила на поле боя. Хотя это скорее драка. Пятеро высоких стройных мужчин в коротких плащах и с покрытыми головами, отчаянно дрались с одним — темным. И этот темный, как я успела заметить, мой дядя Дэной Штерназия. Похоже, тепло предвещает его появление, а вот что предвещает прохлада или точнее кого?

В тот момент я не могла объяснить себе, почему так поступила и кого спасала, выстроив между ними огненную стену. Все шестеро отпрянули в сторону, и я отметила, что по белоснежному лицу Дэной течет кровь. Его задел кто-то из мужчин, так остервенело пытавшихся достать темного. Он мягким движением отбросил волосы с лица, от чего мне вновь показалось, что это прирученная ночь вьется возле его головы и ластится к спине, а затем повернулся ко мне. В первое мгновение на его лице была убийственно холодная маска, но спустя секунду, которой ему хватило, чтобы окинуть меня взглядом, его бесстрастная маска треснула и распалась, а сквозь нее проступили шок, боль узнавания и странное чувство надежды...

— Это невозможно... Гленсия? Ты жива?

Его зеленые глаза округлились, затем подозрительно прищурились, рассматривая меня. Целый вихрь эмоций пронесся по его лицу. Надежда вновь сменилась болью и как будто новой утратой, затем печаль, раскаянье и вновь алчущая надежда...

— Кто ты? Ты так похожа на... Гленсию!

Я чувствовала, как мои ноздри раздуваются от гнева. На него! На них всех! Мелькнувшие на его лице эмоции подсказали, что он тоже возможно косвенно виновен в

смерти моих родителей, хоть и раскаивается в этом. Но другое чувство терзало меня. Жажда узнать, поговорить, услышать о них и об этом эльфе. Ведь сколько себя помню, всегда одна, ни одного родного, близкого, а здесь и сейчас мой дядя... И я ему явно не безразлична, интересна. Наши гляделки длились всего пару секунд, но попытки пятерки с той стороны огня пробиться сквозь него, применяя свою магию, заставили меня усилить заслон. Обратить на него больше внимания. В этот момент вновь раздался его хрипловатый вопрошающий голос:

— Кто ты? Я должен знать!

Он с искренним восхищением поглядел на Филю, который оцетинившись глухо рычал, пока еще не зная, на кого стоит обратить гнев и ярость, но предупреждая. Я с усилием держала стену огня, но не удержалась от ехидства и язвительности:

— Неужели не признали родную кровь... дядя Дэной?

Он окаменел, вперившись в меня пустым взглядом. А на самом доньшке этой пустоты плескалась боль, смешанная с восхищением и легким неверием. Это неверие и сомнения проскользнули в его голосе, когда он словно сам себе пытался пояснить:

— Мне сказали, что он убил троих, но я не поверил... Ведь проклятье и... Не хотел верить, что... так далеко зашел в своей ненависти... что и Гленсию и... и ее дочь? Ведь мы все прокляты, а он младенца... и ради чего?

— Ну, положим, мне уже двенадцать было, сейчас уже двадцать семь, так что на младенца я не тяну, но поверь, отольются этому козлу мышкены слезки...

— Козлу? Кто это такой? Какие слезки? Девочка...

— Меня зовут Алев Штерназия! Так мне сказала мать, умирая вместе с отцом, и поверь, девочка умерла вместе с ними. А сейчас уходи, как я заметила, все же эти пятеро немного сильнее тебя одного, а мои силы не безграничны. Меня ЭТИ не тронут, а вот тебя вряд ли оставят в покое. И можешь не благодарить меня... дядя!

Дэной потемнел лицом, потом бросил ненавидящий, презрительный взгляд на беснующихся за заслоном огня светлых, потом снова нерешительный — на меня. Его взгляд странно блеснул при виде черного родового кольца на моей руке, и прежде чем исчезнуть в переулке, пообещал:

— Мы скоро встретимся, Алев, вторая наследница рода Штерназия и поверь, я докажу, как отец был неправ.

Он исчез, а у меня в ушах еще звенело 'отец'. И враз захотелось вернуть этого мужчину обратно и не вмешиваться — пускай бы его превратили в подушку для кинжалов. Но поздно пить боржомом, когда печень приказала долго жить. Перевела взгляд на пятерку, они плотно стояли вдоль линии огня и пристально следили за мной. Из-под капюшонов я различала лишь бешеные взгляды недовольных хищников, которые упустили свою добычу. Я мрачно отсалютовала им и вложила в стену огня столько энергии, чтобы хватило удрать отсюда побыстрому. Свистнула Филиппу и, развернувшись, бросилась за угол. Предупреждающий рык мархуза запоздал всего на мгновение. Я со всего маху влетела в препятствие, которое при ближайшем рассмотрении оказалось мужской грудью. И к тому же словно каменной!

От удара меня по инерции толкнуло назад, но стальные руки обвили мою талию, прижимая к твердому телу. Злобный рев Фили усилился, но внезапно он замолчал, стоило одной из поддерживающих меня рук нарисовать странный пасс и щелкнуть пальцами. Я в крайнем замешательстве увидела, как Филя бешено крутил глазами, слюна текла из оскаленного рта, падая в пыль, а сам он неподвижно замер, припав к земле в угрожающем

движении. Медленно подняла взгляд на посмевшегося так обойтись с моим побратимом.

Высокий, затянутый в черный костюм из брюк, заправленных в сапоги и приталенной куртки из такого же мягкого материала, что и низ, но с серебряной вышивкой по воротнику-стойке и рукавам. Не мощный и широкий, но стальной и гибкий мужчина смотрел на меня полными глазами, сверкающими на смуглом лице с тонкими, презрительно кривящимися в усмешке губами, прямым тонким носом и высокими скулами. Но главное его достоинство — белые, словно снегом посыпанные брови над черными глазами, которые сейчас немного удивленно приподнялись, стоило ему разглядеть меня, и такими же белоснежными волосами, заплетенными в невероятной сложности косу до колен, в которую вплетено множество веревочек с голубыми камешками. Невероятное видение неземной красоты мужчины с волосами, напоминающими нетронутые снежные вершины под лучами солнца, так сверкают и искрятся бликами. Светлый эльф!

Я даже рот приоткрыла от подобной красоты, от чего у мужчины губы поползли в еще большей ухмылке, а презрение сменилось на удовлетворение, смешанное с удивлением. Черные омуты сверкнули восхищением уже в мою сторону. Он поднял руку с тонкой сильной кистью и недоуменно провел пальцем по красным бровям и по скуле, неторопливо спустившись к губам. Проследил за моей чуть более полной верхней губой, а потом его рука скользнула к моему капюшону в попытке его снять. Не тут-то было. Теперь пришла моя очередь ухмыляться, потому что магия отлично держала капюшон на своем месте, прикрывая корону.

— Как тебя зовут, малышка? — от его хриповатого, шуршащего по моим натянутым нервам голоса, волоски встали дыбом на руках, а по спине побежали мурашки. Все еще не отойдя от впечатления прекрасного видения мужской красоты, выдала:

— Алев! А тебя?

Его белоснежная искрящаяся бровь взметнулась вверх в удивлении, голос наполнился легким ехидством. Словно он не поверил в то, что я не знаю кто он.

— Девочка, из какого ты рода, что не признала первого наследника светлых и своего будущего повелителя?

Мое восхищение мгновенно поблекло, а наружу высунулись гордость и привычный защитный сарказм:

— Так, с тобой все понятно! Красивый мужчина с кучей комплексов царя зверей и пула земли, вокруг которого вертится весь мир.

Его лицо вытянулось, как и тело, все еще прижимающееся ко мне, а голос стал холодным:

— Прекрасна как Дрив, но язык слишком острый и длинный. Но эта черта мне в тебе даже понравилась. Надоела покладистость остальных, а в тебе слишком силен огонь — удивительно для нашей расы. Ты станешь великолепной любовницей и украшением моего двора.

Я мгновенно напряглась, а злость полыхнула кипятком по рукам. Отпрянула от него, вырвавшись из его рук и чуть склонив голову, зыркнула по сторонам. Так просто не уйти, тем более Филя продолжает вращать глазами, только уже тоскливо глядя на меня. Я зло выдавила, посмотрев на белоснежного:

— Освободи моего мархуза.

— Зачем? Он не умеет себя вести. Повышает голос на меня, а я этого очень не люблю, красавица моя. И тебе это тоже следует усвоить... на будущее, Рыжик.

Я не удержалась и хмыкнула от его наглости. Однако, он так же как и многие до него принял меня за светлую, что ж, это его ошибка и моя удача. Проворковала в ответ:

— Знаешь, Снежок, я себя очень люблю и твоей любовницей никогда не стану. Еще варианты будут? Ты быстрее думай, а то у меня времени маловато на пустую болтовню.

Пока говорила, судорожно решала, что делать. Магии в огненной стене надолго не хватит, еще пара минут и все. Мне в этом городе уже успели встретиться дядя, а теперь еще и первый наследничек светлых, что вообще удивительно. Судя по всему, мне как всегда очень сильно везет, проще было самой ложиться и помирать. Какого лешего этот светлый тут шатается, да еще в подобное время, когда каждая жизнь у них на счету? Мои хаотичные мысли прервались хрипловатым предупреждающим голосом наисветлейшего:

— Ты из глухого уголка, девочка? Или с головой не в порядке? Я добрый с тобой только по той причине, что ты мне понравилась... очень. Уверен, что место моей любовницы тебя вполне удовлетворит, как только ты узнаешь меня... поближе и получше. А взять тебя в пару я не могу, совет не одобрит такой мезальянс, как ты, надеюсь, понимаешь. Хотя, я был бы не против смешать свою кровь с твоим огнем, Алев!

— То есть, я тебе по статусу не подхожу да, красавчик? А в постели сгожусь? — вновь не удержавшись, хмыкнула

— Ну что ж, я рад, что ты начала мыслить разумно и такая догадливая. — в голове послышались мягкие обволакивающие нотки.

— Освободи Фильку, клянусь, сегодня он не тронет тебя.

Он наклонил белоснежную голову набок, отчего коса свесилась вдоль руки, побрякивая камушками, и внимательно посмотрел на Фильку. А я залюбовалась его косой. Красиво-о-о-о... Мне что ли так же сделать? Уж больно камешки заманчивые.

Снова щелкнул пальцами, нарисовав пасс и, тело Фильки обмякло. Снова раздалось яростное рычание; поймала взгляд побратима и передала мыслеобраз: 'Нельзя нападать сейчас, зато потом никто не помешает нам цапнуть его за пятую высокомерную точку'. Филипп тут же успокоился и раздвинул пасть в предвкушающей ухмылке. Эльф еще больше нахмурился, проследив за нашими гляделками:

— Ты сливаешься с мархузом сознанием... полностью?

Я безразлично пожала плечами, а сама уже готовилась к быстрому отходу с опасных позиций. Скорее всего, этот мужчина маг нечета мне и тем пятерым, что скоро будут здесь. А гораздо, гораздо опытней, поэтому на моей стороне лишь хитрость и скорость ног.

— Невероятная удача. Не переживай, парализующее заклинание для мархузов знают немногие, а уж точно исполнить его могут лишь единицы.

Эти сведения меня успокоили, впрочем, именно этого он и добивался, наверное, подсластить горькую пилюлю надумал.

— Назови свой род, огненная моя? Мне странно знакомо твое лицо, но уверен, раньше никогда не видел тебя. И вообще огненных... И этот факт меня тревожит. Почему такое сокровище не представили двору? Возможно, если ты эсса, то совет даст добро на наш полноправный союз.

— Знаешь, я жила в таком обществе, где мужчина первым представляется женщине. — Он снова недоверчиво хмыкнул, будто принимал мои слова за игру.

— Я Делиаль Эс Севери, так что теперь твоя очередь.

— Ну, моя так моя. Я Алев, просто Алев и такой высокомерный кусок... Хм-м-м... льда мне уж точно не нужен. Прощай, белоснежный, дальше нам не по пути.

Последнее я прокричала, выставив между нами новую стену огня, причем очень вовремя, а то этот наследник кинул в нас с Филей своим заклинанием, снова хотел заморозить, гад. Но столкновение двух стихий нарушило его планы.

Он застыл натянутой тетивой, а я уже бежала по переулку, едва заметив шарахнувшуюся парочку местных жителей. Но мое ликование было недолгим, потому что из-за угла выскочила знакомая пятерка. Я споткнулась, увидев их, и это чуть не стоило мне свободы. Ногу опалила боль, подвернула, нечаянно попав в ямку. Филька подскочил ко мне, а я прыгнула на него, вцепившись руками и ногами. Летела на нем верхом, аж в ушах ветер завывал. Умудрилась оглянуться на остановившихся в ступоре пятерых белоснежных эльфов, провожавших нас с мархузом шокированными взглядами. За день встретила целых семь эльфов, и один из них темный, да еще и родственник, а другой — первый наследник. Этот день точно надо запомнить. Исходя из приведенных в справочнике рас данных, осталось не так много разумных, которых я еще не встретила. И это за столь короткое время, хотя Илисбург считается одним из крупных, очень старых городов, а само королевство Свург стоит на пересечении многих торговых путей. Поэтому оно стремительно развивается и не теряет вес в мире Лайваноса. Но как отметила, оценив свои ощущения, светлые эльфы — не для слабых женских нервов.

Если меня не подвели глаза, один из пятерых напавших на моего дядю родственник Делиаля, слишком похожи внешне. Второй спутник тоже смуглокож и беловолос, а вот трое других — чернокожие, а волосы золотистые. Одно дело читать или слушать рассказы, другое — воочию убедиться.

Под ошеломленными взглядами окружающих мы добрались до гостиницы, возле которой я слезла со своего верного 'коня' и, ковыляя направилась к себе. В этой гостинице очень порадовало наличие в каждой комнате нечто приближенного к общей канализации, а соответственно, туалет и слабое подобие душа. И хоть эта пародия на наши душевые и была со слабым напором воды и громыхающими трубами, стоило открыть вентиль, но все равно, стоять под едва теплыми струями воды, смывая с себя уличную грязь и пот было до невозможности приятно. Это вам не в ручье плескаться. Даже Филя оценил, правда, когда я пригрозила его спать наружу отправить.

Вымывшись, начала сушить волосы, но не замедлила свистнуть коридорного мальчишку. Дала ему пару медяков и попросила отнести записку в лавку марханов. В которой написала: 'Слишком много родственников жаждут общения со мной, поэтому спешу откланяться завтра на заре.' А еще попросила ужин принести в номер. Мальчишка восторженно-опасливым взглядом посмотрел на моего побратима и, кивнув, рванул исполнять поручение.

Мы уже заканчивали ужинать, когда в дверь робко постучали. Филя, фыркнув, сообщил, что опасности за дверью нет. И действительно, там стоял запыхавшийся паренек и протягивал мне ответ. Попросила его подождать, а сама вскрыла конверт, запечатанный явно магически.

'Пусть восточный путь будет для вас самым легким и коротким, госпожа. Мы проследим за этим.'

Я выдохнула с облегчением, значит, мое сопровождение уже готово отправиться в путь. Протянула серебряную монетку, при виде которой мальчик просиял.

— Проследи, чтобы к утру моя кобыла Тихоня была оседлана, а вьючный Серый нес на себе корзину с едой и мешок овса. Только проследи лично, мальчик, и не говори никому. Я

люблю своих лошадок, поэтому хорошо о них позаботься. Если все сделаешь, как я прошу, получишь еще одну такую же монетку.

Он усердно закивал головой и вприпрыжку убежал. Бросив взгляд по сторонам, закрыла дверь. Проверила, все ли собрано для завтрашнего путешествия, удивляясь, насколько вырос в размерах мой рюкзак, а затем улеглась спать. Утро вечера мудренее. А сказки никогда не лгут. В этом я убедилась на собственном опыте.

Глава 9

Рассвет едва окрасил небосвод и расцветил краешек Суара, но его света вполне хватило, чтобы разбудить сонного мальчишку, прикорнувшего прямо в деннике Тихони и Серого, коня, которого я приобрела для путешествия. Проверив еду и овес, прикрепила свой рюкзак на Серого и, сунув парню серебряшку, под его благодарственные слова выехала за ворота гостинцы. Серый, привязанный к луке, трусил за нами. Мы мерно ехали по еще спящим улицам Илисвурга, и я в который раз восхищенно наблюдала, как красновато-розовый свет Дрива лучами раздвигает темные сумерки, заставляя их неохотно, плотными занавесями отступать в стороны, прячась в узких переулках.

Нашу маленькую процессию несколько раз окидывали любопытными взглядами первые проснувшиеся жители, а возможно, они еще и не ложились, глядя на помятые бандитские лицам, решила я. Но никто не задерживал на нас взгляд долго, спеша уйти по своим делам. Проехали медленно открывающиеся стражами восточные ворота и направились по тракту. Интересно, когда я встречу своих новых спутников? Утренняя прохлада заставила зябко закутаться в темно-синий плащ, который я не так давно приобрела в одной чудесной лавке. Там же под восторженное воркование владелицы купила и другую одежду: белье наподобие хлопкового, тонкое и очень приятное к телу, но главное, придававшее привычное ощущение защищенности, несколько рубашек из такой же ткани. На попытку всучить мне шелковые, я лишь скептически взглянула на нее, представив как я в этой красоте по болотам шатаюсь и по ночам замерзаю.

Путешествия в одном венке из лопухов мне никогда не забыть и постоянного чувство холода. Еще, наученная горьким опытом детского дома, я болезненно пристрастно относилась к своей одежде. Я ее любила, холила и лелеяла, часто не в силах расстаться даже с испорченной тряпкой. Но сейчас, пройдя двухнедельный путь с голым задом, получила новый опыт. Зацикливаться на вещах бессмысленно, надо просто наслаждаться их комфортом. Вот я и ехала, покачиваясь в седле и кутаясь в свой новый, слегка украшенный серебристой вышивкой шерстяной плащ, ощущая тепло и внутренний комфорт, несмотря на раннюю поездку.

Пыль взлетала небольшими облачками из-под копыт моих лошадок. Филя бежал рядом, глядя по сторонам настороженными голубыми глазами, а я наслаждалась утренней прохладой и песнями птиц, которые уже проснулись и готовились к повседневным делам.

Дорога шла мимо кромки леса и плавно уходила за поворот, после которого Илисбург пропадет из поля видимости. Филя насторожился, предупреждая, что скоро мы будем не одни. Мы обогнули огромный камень, сразу после которого город пропал из виду, а за ним увидели прелюбопытное зрелище. Группу сопровождающих. Я насчитала около двадцати мужчин и одну женщину, с толстыми черными косами, спускающимися до груди, в которые она вплела яркие ленты и завязала их симпатичными бантиками. Десять из них, включая женщину, марханы, впереди которых Ксион Радеющий за Справедливость. Все они одеты в похожие черные кафтаны, из-под которых торчали смешные юбки в мелкую складку почти до земли. На талии у каждого довольно много оружия. Наиболее приметное — странные

косы. Эдакие миниатюрные русские косы с зачехленными острыми полотнами. Женщина-марханка, вооруженная парой длинных кинжалов, с искренним любопытством разглядывала меня и Филю, похоже разрываясь между двумя настолько загадочными существами.

Остальные одиннадцать мужчин, если я не ошибаюсь, — гоблины. Немного выше нас с марханами, так же как и синие с внушительными парными клыками, толстыми губами и глубоко посаженными темными глазками. Только нос большой грушей спускался к верхней сосисочной губе, чуть не упираясь в нее прорезьями-ноздрями. Абсолютно лысые и ко всему прочему — темно-зеленого цвета. Этот мир прямо-таки поражает буйством красок как растительного, так и животного мира, а еще богатством фантазии сотворившего его.

В длинных мочках, по моему скромному мнению, слишком больших ушей звенели многочисленные золотые колечки. Гоблины стояли тесной группой, словно солдаты на плацу, и внимательно следили, как я подъехала и спешила рядом с марханами.

Один из гоблинов, передернув широкими плечами, обтянутыми серой рубашкой, (на остальных точно такие же) невероятно легкой пританцовывающей походкой направился к нам. Весь его вид, а главное, суровое выражение зеленой морды кричал, что это командир группы гоблинских наемников. Мне Камос рассказывал, что гоблины живут по принципу военной демократии. Выбирают самого сильного, умного и хитрого главой. И вся их иерархия сводится к небольшим военным звеньям или боевым группам, которые подчиняются более высоким чинам и так далее, до самого верховного правителя. Живут они чуть больше ста лет, семьи создают на всю жизнь, а вот домашний очаг — это временные дома-юрты на небольшом участке земли возле облюбованного города. Основное, чему учат своих детей, это наемническое ремесло для мальчиков и как правильно вести домашнее хозяйство у девочек, хотя им не воспрещалось тоже выбирать стезю воина. Наемники-гоблины одни из самых дорогих и лучших воинов среди разумных Лайваноса, и тот факт, что Ксион нанял их для нашего отряда приятно порадовал. Целое звено гоблинов — это ОЧЕНЬ дорогое удовольствие.

Мы с гоблином подошли к Ксиону одновременно. Улыбаясь лишь глазами, кивнула, приветствуя, а Ксион растер свои суховатые руки и произнес, блестя черными глазами:

— Мы рады приветствовать вас, госпожа Алев! — синие морщинки-лучики сильнее углубились, когда он радостно улыбнулся во весь клыкастый рот. — Особенно в столь ранний час. Позвольте представить вам Юмихию, мою внучку. Она будет вам помощницей в этом тяжелом пути, вы окажете ей честь своим согласием.

Перевела взгляд на чистое улыбчивое лицо девушки, в глазах которой читалась тревога — вдруг откажу. Впервые вижу девушку-марханку, но по большому счету, они несколько не отличались от мужчин, лишь выглядели изящнее, да черты лица более тонкие и приятные глазу, а клыки поменьше.

Чуть наклонила голову, обращаясь к ней и, улыбнувшись, произнесла:

— Спасибо, что позаботились о компаньонке для меня, уважаемый Ксион. И мне очень приятно, Юмихия, что именно вы составите мне компанию.

Девушка расслабилась, а Ксион еще шире улыбнулся, продолжив представление. Повернувшись к своему гораздо более молодому спутнику-мархану, стоящему рядом с ним, представил:

— Позвольте представить вам Юдера Мыслящего Разумно, он второй сильный шаман нашего свода Илисвурга и поможет мне в этом путешествии.

Юмихия бросила короткий взгляд на Юдера, и я заметила, что она восхищена им и явно

питает к нему тщательно скрываемые глубокие чувства. Я улыбнулась молодому шаману и перевела взгляд на второго спутника Ксиона. Им оказался Саут, который отвечал за организацию похода, а так же за безопасность всего отряда. Саут, пока его представлял старый шаман, улыбаться мне не стал, лишь посверлил взглядом из-под хмуро насупленных черных бровей и отодвинулся. Остальных шестерых марханов представили вскользь из вежливости. Я все сильнее удивлялась их именам. Как мне пояснили, фамилий у марханов нет, зато есть прозвища, их хранят в секрете — это слабость. Ну и название рода служило для обозначения. Так что мне назвали Корина, Спрата, Рунка, Торка, Замуна и Оха и каждый из них, чуть склонившись, отступал в сторону. Наше знакомство проходило довольно быстро, не тратя лишних минут, Ксион изначально устранил все сложности и обозначил команду. А может его одолевали другие мысли...

Самым последним оказался зеленый гоблин, который на все эти реверансы взирал молча, с легкой усмешкой в темных глазах. Только его длинный нос слегка подрагивал, наверное, он всех по запаху запоминал. Ксион повернулся, проверил наличие рядом гоблина, и снова посмотрел на меня, оценивая реакцию:

— А это, уважаемая Алев, командир звена Сиурей. Для столь важного мероприятия мы решили нанять их для сопровождения.

Гоблин кивнул мне, а я мягко произнесла, обращаясь как бы к обоим:

— Я рада, уважаемый Ксион, что вы нашли и средства, и возможность нанять столь известных своими воинскими заслугами бойцов. Я могу быть спокойна за безопасность нашего похода. Да и за себя лично!

Сиурей приподнял безволосую надбровную дугу, всматриваясь в мое лицо, скорее всего, проверял, не иронизирую ли я, но я ответила ему честным искренним взглядом, и он снова кивнул мне. Молча! Ксион же довольно улыбнулся, показав пожелтевшие крупные клыки, и предложил, наконец, начать наше путешествие. Филя проводил взглядом удалявшихся марханов, а потом и я, наконец, обратила внимание на одну существенную деталь. Марханы были без лошадей. Лишь одна повозка, загруженная, скорее всего продовольствием, и все. Гоблины словно взлетели на низкорослых, но судя по их злобному виду, вполне себе таких боевых коней.

Сиурей ехал впереди с двумя товарищами, а вместе с ними скользил толстым хвостом по вытопанной земле Юдер. Самое удивительное, что ни один мархан не отставал от основной верховой группы, и лишь Ксион в силу своего возраста сидел на вожжах в телеге. Я привязала Серого к задку телеги и ехала на Тихоне рядом с шаманом, мы разговаривали.

— Да-а-а! Жаль Камоса, жаль всех нас, но я рад, что ту миссию доверили именно ему. Его не зря нарекли славным именем. Пойти на столь великую жертву и привязать свою душу... отказаться от перерождения... на такое не каждый способен, в этом я уверен.

— А много магов у вас случилось, Ксион?

— Нет! К сожалению, должен признаться вам, Алев, что магов не осталось совсем. Чтобы пройти обучение до конца, наших жизней не хватает, есть только шаманы, но и их силы слабеют год за годом. И это в такое время...

— А чем это время отличается от других?

— Смута растет. Какая-то всеобщая непонятная смута, Алев. Наш великий Стретер — защитник марханов и покровитель драконов давно не проявлял к нам своей благосклонности, а ведь мы каждый год молим его об этом в день, когда Суар остается один на небосклоне полные сутки. Поговаривают, что светлоликая Алоис — прародительница

эльфов тоже покинула божественные чертоги. И больше не отвечает на молитвы своих детей. Зато Трехликий людей и гномов активно поддерживает, но часто играет в свои собственные игры. Гномы сейчас вон как возгордились, полезли из всех щелей своего подземного царства. Люди плодятся бесконтрольно, постоянно интригуют и воюют между собой, а заодно и нас всех дружно в свои конфликты вовлекают. Только гоблины на этой войне выгоду и получают, вон как выросли их тарифы за услуги, но слава Стретеру, они еще помнят нас сильной расой и уважают за былое, — потом тихо добавил, чтобы гоблины не слышали, — вполне возможно они тоже играют в свои собственные игры и стараются удержать общее равновесие.

— Я думаю, каждый из нас соблюдает прежде всего свои интересы.

Ксион внимательно посмотрел на меня и спросил:

— А вот меня все же интересует, уважаемая Алев. Какие интересы преследуете вы, помогая марханам? Не в обиду вам, конечно, вопрос.

Я лишь хмыкнула на его последнюю быструю оговорку. Я искренне ему сочувствовала. Ему приходится любезничать со мной, по сути непонятно кем, только из-за призрачной надежды, причем слабо подтвержденной чужим перстнем, что я несу на себе их долголетие. И доверять полностью сложно, и обидеть нельзя, вдруг взбрыкну, а на нем висит судьба его народа. Ох, не завидую я ему.

— Я честно сказала вам, уважаемый Ксион, что сейчас исполняю клятву, данную Камосу. Он выполнил два моих заветных желания, за это потребовал выполнить одно поручение. Наш обмен был честным и другие марханы мне ничего не должны. Чтобы не произошло, я сделаю все возможное, и последняя миссия Всегда Идущего до Конца будет выполнена. 'Сердце Марханов' воссияет на своем ложе в Доме Предков.

— А можно узнать, какие именно он выполнил желания, чтобы вы согласились выполнить его поручение?

— Он дал мне знание и открыл мне правду, — смирила чересчур любопытного старика предупреждающим взглядом.

Ксион нахмурился, пытаясь понять смысл сказанного, а я быстро перевела разговор в другое русло:

— Удивительна ваша скорость передвижения. Почему вы не используете лошадей для поездок?

— Ну почему же, используем. Вот такие повозки... А на лошадях мы не ездим, потому что у нас разный центр тяжести... А поперек как-то не солидно ездить будет, как вы считаете? — Он ухмыляясь смотрел на меня, я же представила эту картину и тут же согласно кивнула головой.

— Скажите, сколько примерно добираться до Эйнера?

— Ну, если все пройдет более-менее спокойно... три недели. Но сородичи предупредили, что в Астаке сейчас неспокойно. И возможно что-то нехорошее назревает. Эти люди такие... кровожадные. Готовы убить за медяк, а в Астаке, по моему глубокому убеждению, слишком часто меняется власть. Может там место проклятое? За последнюю пару сотен лет там сменилось с десятков царствующих династий. И каждая новая устраивает политический террор и чистку своих рядов, а заодно и всех, кто под руку попадет. Марханы там больше не селятся... слишком проблематично. Последняя династия успела перессориться с гномами и экспроприировать их золото. И как мне кажется, гномы это так просто не оставят...

— Эти уж точно не оставят! — Согласилась с его выводами, тут же вспомнив сморщенных пижонов — гномов, напоминающих помесь наших блатных и финансистов с Уолл-стрит.

Так мы и ехали по удобному широкому тракту до самого вечера, лишь на час остановившись на обед чуть в стороне от дороги, чтобы сходить в туалет и наскоро пообедать. Нам по дороге часто встречались груженные обозы, одинокие повозки, всадники и пешие. В основном пока встречались люди, но один раз мы встретили очень хорошо вооруженный отряд гоблинов, которые сопровождали пару повозок с гномами, а еще мимо проскакали двое светлых, при виде которых я понижее опустила голову. Мое нежелание светиться именно перед ними не укрылось от Ксион.

— Мне доложили, что вы вчера слегка повздорили со светлыми, госпожа Алев? Что-то серьезное?

Я сверкнула глазами в сторону шамана, но возмущаться или обижаться за слезку не стала. Они сторожили свое, причем так, что даже не почувствовала слезки и Филя тоже.

— Вы хорошие охотники, Ксион...

— Мы не охотились, госпожа, мы присматривали. Если бы ситуация совсем вышла из-под вашего контроля, мы бы вмешались.

— Я понимаю причины... И нет, ничего серьезного, уважаемый Ксион. Обычная история — пришлось помочь родственнику, на которого напали светлые, потом отклонить неприличное предложение и уйти, не прощаясь....

— Мне доложили, что ваш поклонник первый...

— Это не ваше дело, уважаемый Ксион. И поверьте, я могу справиться со своими проблемами сама. Прожила же я как-то без вашей опеки двадцать семь лет?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Эх! Госпожа Алев, вы слишком молоды и иногда...

— Моя молодость, уважаемый Ксион, не была столь праздной и безрассудной, как вам кажется. И поверьте, начиная с двенадцати лет, каждый мой день был наполнен заботами о выживании, так что мой рассудок не замутнен гормональными всплесками, свойственным молодым.

— Прошу прощения, госпожа Алев, не хотел вас оскорбить, признаю, вы не вписываетесь в представления, которые у меня сложились обо всех эльфах и их жизненном устройстве, а учитывая вашу вторую сущность, так и вовсе. Молодых драконов выпускают из-под абсолютной опеки родителей и клана лишь спустя сто лет, а вы...

— А я одиночка, Ксион. Жизнь так сложилась. Давайте больше не будем об этом. Относитесь ко мне как к мархану в возрасте двадцати семи лет.

Ксион бросил скептический взгляд на меня, а я спросила:

— А сколько лет Юмихии?

— Шестнадцать исполнилось.

Он улыбнулся, посмотрев на спину внучки, которая бодро скользила по пыльной дороге впереди нас.

— А Юдеру?

— Как и вам, двадцать семь.

— Он женат или как у вас семьи создают?

Ксион бросил на меня недоуменно-удивленный взгляд, а потом осторожно ответил, все еще внимательно глядя на меня:

— Как и у людей, Алев. А вообще, мужчина делает предложение женщине, и если она согласна, то наш великий Стретер освещает этот союз. И... нет, он не женат, пока, — а вот взгляд у него стал подозрительный.

Понятно, он всерьез подумал, что я заинтересовалась его учеником и чуть не захохотала. Но смогла сдержаться и продолжить разговор:

— Я заметила интерес Юхимии к вашему ученику, и как мне кажется, они прекрасно смотрятся друг с другом.

— Вы уверены?

Я только кивнула, уже сомневаясь этично ли такое вмешательство в чужую личную жизнь. Но тоска в глазах марханки, когда она смотрела на Юдера, меня задела. Ксион же вновь задумчиво посмотрел в спину своей внучки, которая, почувствовав взгляд, повернулась и неуверенно улыбнулась нам. Потом, передернув плечами, снова отвернулась. Ксион перевел взгляд на Юдера, который скользил рядом с Сиуреем. И я удовлетворенно отметила, как в какой-то момент старик принял решение, и его глаза вспыхнули хищным азартом и внутренним убеждением. Ага, похоже внучке с дедушкой повезло больше, чем ученику с наставником... Не любишь — научим, не хочешь — заставим.

Вечер мы встретили неподалеку от тракта, на лесной поляне вокруг костра. Долгих разговоров не вели. Поужинав, мы с Юхимией отправились спать в телегу, над которой навесили полог, а Филька устроился снаружи, все еще обгладывая мозговую косточку довольно крупного зверя, убитого на охоте.

— Удар! Еще! Выпад! Откат! Вы как улитки, обе!

Мы с Юми, замызганные в грязи, упали на землю и едва могли дышать. Сиурей, нависая над нами, жестко отчитывал:

— Сами напросились, и отлынивать не позволю, и делать вам поблажки не буду. Быстро встали и повторили серию ударов.

Мы в ужасе подняли на него глаза, но вскочили и начали заново. Когда неделю назад, на второй день пути, я от нечего делать попросила научить меня некоторым приемам самообороны командира гоблинов, уж точно не думала, что попаду в свой личный ад, а заодно и Юми прихвачу. Думала, ей одолжение сделаю, а в итоге, мы обе теперь ровно час тихо помираем, отрабатывая удары, падения или приемы контактного боя. Но зато теперь Юдер с большим интересом следил за девушкой, что некоторым образом примирило ее с ситуацией и довольно успешно стимулировало лучше работать. А Филя, гад, ленивой тушкой развалившись неподалеку, догрызал очередной кусок еды, которую хозяева ему презентовали. Наверное, в расчете на то, что он не решит пообедать ими. Ел и ухмылялся, глядя на мои мучения! Предатель!

Наконец Сиурей подал знак об окончании тренировки и, не оглядываясь, пошел по своим делам, а мы как древние старушки поплелись в небольшую пристройку к дому, где располагались бани. Через неделю пути мы преодолели холмистую местность, вновь спустившись на равнину, и добрались до Эсуна, небольшого городка, где проживал свод марханов. В Эсуне Ксион привел отряд в большой внушительный дом главы свода, и уже через несколько минут после разговора с ним, взволнованный хозяин тенью скользил за нашим шаманом и с восхищением взирал на меня. Словно я и есть ожившее 'Сердце Марханов'. Нас всех устроили, помыли, накормили и вот сейчас, после тренировки, снова надо идти мыться. Но с каждым днем я, благодаря этим тренировкам, начала ощущать бодрость в теле и какую-то радость внутри. Пустота во мне заполнялась, а внутренности трепетали от странного предвкушения. Словно пузырьки шампанского лопались в груди, заставляя ждать чуда. Странное ощущение, но оно накапливалось. Утром, плотно позавтракав, наш маленький отряд двинулся дальше, тепло попрощавшись с хозяевами дома, а вслед нам смотрели глаза, наполненные надеждой и страхом разочароваться.

Снова бегущая вдаль утоптанная дорога, а я, уже освоившись, болтаю не только с Ксионом, но и с Юдером, и Сиуреем. Юмихия скользит рядом и изредка переглядывается с Юдером. Украдкой наблюдаю, радуясь за них. Раз своей личной жизни нет, так хоть на других посмотрю. Я по-прежнему ехала на Тихоне, мерно покачиваясь в седле, Сиурей — на своем Быстром, а оба мархана двигались рядом с нами, при этом не отставая и не уставая.

— Не считите за грубость, Сиурей, но меня терзает любопытство, — я посмотрела на гоблина, который добродушно усмехнулся, блеснув клыками и взглядом, поощрил меня продолжить. — Почему вы все носите кольца в ушах, я заметила, что у многих их разное количество.

— Это напоминание каждому из нас, сколько раз хозяин колец побывал на грани жизни и смерти, и сколько раз обманул смерть. Чем больше колец, тем сильнее и удачливее воин, и услуги его дороже стоят.

— Как у вас все интересно-о-о... — улыбнувшись, пропела я.

— Ну, не более интересно, чем ваша традиция вплетать шаури в волосы, светлая. Да и цветовая градация высших родов тоже, на мой взгляд, смешная.

Я приоткрыла рот от любопытства и тут же вспомнила голубые камешки в косе Делиаля. Сиурей, заметив мое короткое недоумение, ничего не сказал, но внимательным подозрительным взглядом быстро пробежался по мне. Я же постаралась увести разговор в другую сторону.

Чуть позже я подъехала к Ксиону и тихонько выведала у него информацию о шаури. Как он мне пояснил, цветные камешки в кожаных плетениях шаури, которыми украшают свои волосы светлые эльфы, могут носить только представители высших родов. У них к фамилии приставка 'эс' прилагается. Все остальные вместо камешков носят приставку к роду 'эр'. Зато я сейчас поняла, почему Делиаль интересовался моим родом и говорил про эссу.

Неделя прошла, а я все еще помню его черные глаза и брови, словно покрытые инеем.

Снова 'живые' сумерки опускаются на Лайванос. А наша дружная компания без суеты, но довольно быстро устраивалась на ночлег. Пока марханы готовили небольшой походный шатер нам с Юмихией, мы с ней под внимательным взглядом Сиурея вели тренировочный бой. В итоге, кто бы сомневался, он снова вышел из себя от нашей медлительности и неповоротливости. Рыкнув, напал на нас обеих, заставляя защищаться и банально избивая нас палкой, которую мы использовали в качестве холодного оружия. Юмихия быстро вышла из игры, объявленная убитой, зато меня Сиурей гонял по поляне с азартом и неистовством охотника. В какой-то момент я поняла, что мне очень нравится драться с ним. Мы словно танцевали смертельный танец, если бы не деревянные палки, но гоблин довольно ощутимо меня ею охаживал, мотивирую к уклонению и блокировке его ударов.

Дрался он в безрукавке, демонстрируя великолепно сложенное мужское тело, силу, ловкость и внутреннюю страстность натуры. В конце концов, ему надоело со мной валандаться, и он одним быстрым ударом выбил мое 'оружие', затем зафиксировал мои руки на груди и прижал к себе. Я задыхалась, а он стоял словно каменный. Мгновение тесного контакта, потом я мысленно тяжело вздыхаю: 'Эх, жаль, что зеленый и нос грушей, а такой великолепный экземпляр...'

Медленно расслабляюсь и выскользываю из его рук, поворачиваюсь к нему лицом и смущенно смотрю в его черные, глубоко посаженные глаза. А в них горит огонь, а на лице довольная ухмылка.

— Спасибо за показательный бой!

— Спасибо за доставленное удовольствие!

Двусмысленность его ответа заставила вспорхнуть мои брови на лоб, а потом я лишь хмыкнула и, не выдержав блеска его лукавых глаз, рассмеялась. Секунду-другую и он, похрюкивая, тоже выражал свое веселье, я же захохотала еще сильнее. Только уже над собой. Вот что гормоны со мной делают. Я уже на зеленого с грушевидным носом и большими клыками, к тому же лысого и хрюкающего гоблина заглядываться начала. Кошмар!

Хотя за последовавший вечер с удивлением поняла, что благодаря этому бою и нашему общему веселью, сделала невероятно большой шаг к сближению со всеми своими спутниками. Вокруг костра все расслабились, гоблины — все до единого — посматривали на меня скорее как на свою, по-прежнему молча, но в их глазах больше не было холода и настороженности. Сиурей сидел рядом и впервые рассказывал истории о своем народе. Веселые и грустные... Разные, но я больше узнала об этом мире, который вроде и родной, но в тоже время чужой и незнакомый, пока. Этот вечер был познавательным и странно

умиротворяющим.

Юмихия сидела напротив меня, рядом с Юдером, и они, надеясь, что никто не замечает, искоса друг на друга поглядывали из-под густых бровей. Молодой шаман каждый раз вроде нечаянно касался своим хвостом ее светло-синего кончика, отчего та все время вздрагивала и замирала. Подкладывал в ее тарелку еды из огромного котла, который марханы везли с собой на телеге. И старался все ближе сесть с ней рядом, словно отгораживая от других марханов, и Юми это все очень нравилось, потому что она, млея сидела рядом с Юдером, и не отстранялась. Ксион же, поглядывая в их сторону, довольно ухмылялся, но тщательно старался не демонстрировать свое довольство молодым марханом. Хотя, как я отметила, все остальные марханы уже оценили чувства Юдера и Юмихии и с удовольствием наблюдали за развитием их отношений. Учитывая скучную дорогу, такое развлечение они пропускать были не намерены. И я в их числе. Сиурей, чуть наклонив голову, от чего его смешной нос немного тоже сместился в сторону, заставляя меня зависнуть от такого зрелища, спросил, обращаясь ко мне:

— Скажи светлая, как случилось, что ты многого не знаешь о своих сородичах. Косы плетешь, значит совершеннолетняя, но красноволосая, а я таких за свои сорок лет никогда не видал среди светлых, хотя часто работал с ними по договору. С марханами путешествуешь, в их доме ночуешь и при этом доверяешь им свою безопасность. Мархуз к тому же необычный у тебя. Эти твари слишком злобные и коварные, встретишь такого и если выживешь, удача действительно на твоей стороне... а твой словно ручной, и к тому же вы хорошо понимаете друг друга. Я таких как ты еще не встречал. Отметил, что для тебя все равны и одинаково интересны, а мир ты толком не знаешь. Вон с каким любопытством и интересом слушаешь наши истории, вопросы задаешь, ответы на которые только малышня не знает. Странная ты, светлая!

Я замерла, слушая как он искреннее удивляется моим поведением и незнанием очевидных вещей. Рассказывать ему все честно не считала правильным, а вот перевести разговор в другое русло попыталась. Причем использую шоковую терапию. И судя по загоревшимся глазам Ксиона, он тоже с нетерпением ожидал моего ответа и надеялся на развлечение. Я решила его не разочаровывать:

— А кто тебе сказал, Сиурей, что я светлая? — глаза всех гоблинов недоуменно пробежались по мне, а я продолжила: — Я Алев Штарназия, и со светлыми меня связывает лишь четвертинка крови, доставшаяся от бабушки.

Все гоблины подобрались, помрачнели и нахмурились. Лишь Сиурей не поменял положения тела, он смотрел на меня своими вдумчивыми глазами, оценивая мои слова, а потом высказался:

— Думаю, это не вся правда, и основное ты оставила при себе. Ну что ж, я понимаю твое желание не выворачивать передник перед чужими, вытряхивая домашний мусор.

Я хмыкнула и улыбнулась ему открытой улыбкой, благодаря за понимание. Он вновь 'хрюкнул', усмехаясь, а его сородичи расслабились. Вновь умиротворение воцарилось на поляне.

С утра зарядил мелкий противный дождь, который вражеским диверсантом пробирался под одежду и словно холодными пальцами касался кожи. Плащ сырой тяжелой тряпкой свисал с моих плеч, приликая к мокрым бокам Тихони, и к вечеру я мелко тряслась от холода. Марханы скользили по размокшей мягкой земле, и я отметила, что теперь грязь прилипает к их хвостам. А ведь я уже больше недели удивлялась, как они все время

находятся на земле, но при этом их хвосты всегда оставались чистыми и как будто натертыми до блеска. Юми с плащом на голове, который немного раздувался от встречного ветерка, периодически окатывавшего нас брызгами, сейчас была похожа на кобру, готовую к нападению, угрожающе расправившую свой жуткий капюшон.

Впереди отряда протяжно свистнули, заставив нас ускорить движение, потому что свист означал скорый привал. Серые влажные сумерки и все время петляющая между огромными, непонятно откуда здесь взявшимися валунами, дорога, не давали возможности увидеть, что за очередным поворотом. Когда преодолели, как оказалось, последний поворот, перед нами открылась небольшая равнина, за которой начинались предгорья, в которых расположен город гномов Тизиулик, через него и пролегал наш путь. Прямо перед нашими усталыми взглядами у дороги раскинулся довольно большой трактир. Длинные конюшни рядом с огромной постройкой — основным зданием, двухэтажным. Как я поняла, весь второй этаж занимали съемные комнаты для проезжающих путников. Сейчас, когда Дрив уже спрятался за широкую спину Суара, а тяжелые дождевые облака мешали его голубоватому сиянию, смешанному с красноватым светом Дрива, пробивавшимся к земле, весь трактир смотрелся мрачной темной махиной. Мы подъехали и, спешившись, отправились внутрь, а нашими лошадьми занялись марханы Спрат и Рунк. Гоблины своих лошадей всегда сами устраивали из-за склочного злобного характера тех и нежелания подпускать чужаков к себе. Этих лошадей даже не воровали из-за вредного характера. Себе дороже выйдет.

Мы вошли внутрь огромного зала, который поддерживало множество деревянных столбов, между которыми расставлены столы. Туда-сюда сновало несколько девушек-людей, а заполненный лишь на треть зал, вызвал у меня вздох облегчения — нам всем здесь хватит места. Из-за стойки к нам выбрался слегка полноватый, невысокий, крепкий мужчина. Выяснив количество желающих остановится, очень обрадовался и предложил присесть, пока он распорядится принести нам пищу. Его слова звучали для меня чарующей мелодией. Устроилась спиной к огромному открытому камину, в котором вполне быка зажарить можно, причем целиком. Почувствовала как от его жара пар повалил из плаща, но снимать его не торопилась. Мы все ближе к землям светлых, впрочем как и темных, и попадаться им на глаза я не стремилась.

Вытянула руку и, открывшись магии, поприветствовала огонь в камине. Он вспыхнул ярче и слово довольный пес лизнул пальцы. Юми округлила глаза, Юдер с Ксионом внимательно наблюдали за мной. Я же направила магию огня на себя и спутников. Мы с огнем в камине дружной компанией высушили нашу одежду и горячим потоком обласкали замершие тела. Все быстро согрелись, а у некоторых даже выступил пот, наверное, страшновато стало. Я поблагодарила огонь, плеснув в него из фляжки Юдера крепкой настойки, от чего огонь ярко вспыхнул и довольно загудел, вновь устремляясь искрами в дымоход. Столбы и удаленность нашего места вряд ли позволили кому-нибудь подсмотреть за моими манипуляциями. Зато марханы с огромным интересом наблюдали за мной. Юдер произнес своим бархатным голосом:

— Уже вторая неделя пошла, а я все никак не могу привыкнуть к этому. Такое невероятное единение со стихией... Я стихийник, но ветер едва слушается меня, а вода уходит, не прощаясь.

Его голос был полон горечи, Юми неосознанно положила свою синюю когтистую ладошку на его в поддерживающем жесте. Он обхватил ее пальцы, сжимая и благодаря, я же уверенно сказала:

— Камос говорил, что для обретения былой силы вашим шаманам не хватает времени ее накопить и приручить. Слишком короткая жизнь — это не твоя неудача или слабость, Юдер. Как только 'Сердце Марханов' вернется на свое ложе, все изменится. У тебя будет и время, и силы, чтобы приручить стихии и узнать свои истинные возможности.

Юдер с такой жаждой и дикой надеждой посмотрел мне в глаза, что у меня даже сердце защемило. Все внутри перемешалось, но я твердо знала, чего хочу. Я хочу, чтобы эти синие нелюди жили долго и счастливо как и прежде. И эта жажда нашла, наконец, свой живительный источник. Ксион тяжело вздохнул:

— Нам надо обязательно дойти и выполнить эту миссию. Если не для нас, то ради наших детей.

По его быстрому взгляду я поняла, что он думает о Юми и ее жизни больше, чем о своей. Ведь ему явно осталось недолго, если у нас ничего не выйдет. Хотя даже если все получится, как говорил Камос, то у этого старика все равно не прибавится слишком много необходимых лет. Может в лучшем случае доживет до сотни. В этот момент поймала себя на мысли, что слишком быстро привыкла к мысли о своем эльфийском или драконьем долголетии. А ведь совсем недавно думала, что как и все люди прожила четверть жизни, и недолго осталось до старости... Как же быстро все меняется.

Принесли долгожданный ужин, и мы накинулись на еду. Присоединились гоблины, хоть и сели за соседний длинный стол отдельной группой. Наевшись, сыто откинулась на спинку лавки, но внутрь вместо тепла от камина проникла освежающая прохлада. Странно знакомая и словно ластящаяся ко мне. Расслабление и умиротворение испарились, когда одна мысль реактивным самолетом влетела мне в голову. Филька почувствовал мою тревогу и приподнялся рядом, заглядывая мне в глаза. Но делиться с ним своими волнениями не пришлось. В зал царственной походкой вошел Делиаль, а за ним целый отряд светлых, в том числе и те пятеро, с которыми пришлось помериться магическими силами.

Они не сразу увидели нас с Филей, направляясь к столам. Бледный хозяин таверны, усиленно кланяясь, семенил рядом со светлыми. Сиурей, так же как и Ксион, отметил мою напряженную позу, и все гоблины синхронно напряглись, но не делая резких телодвижений, продолжили ужинать. Ксион бросил предупреждающий взгляд на марханов, и как раз в этот момент Делиаль вышел из-за деревянной подпорки и заметил меня.

Мгновенное узнавание и хищный блеск в черных глазах. Рядом с ним возник его, скорее всего брат, уж очень они похожи. Но заметно, что их разделяет довольно приличный возраст, если сравнивать манеру держаться, уверенность в себе, накопленную годами, а возможно и сотнями лет, взгляд и даже выражение лиц. Как недавно презрительно выразился Ксион — эльфийский молодняк. Я поняла, что пятеро 'старых знакомых' рядом с Делиалем действительно молодняк. Завидев меня, они дружно встрепенулись и предвкушающе ухмыльнулись. Я же смогла более пристально их рассмотреть. Вероятный родственник Делиаля медленно протянул мягким голосом, обращаясь к первому наследнику:

— Ну, что я тебе говорил?! Мы ее нашли.

Делиаль молчал, а сам с пристальным вниманием окинул всю мою компанию за столом, соседний стол с чинно жующими гоблинами и окружающее пространство. А его спутник между тем продолжил:

— Нашли, и она ответит за все. За то что связалась с темным, напала на представителей старшей крови и покусилась на наследников трона. И за отказ тебе, братец, тоже ответит... Хотя может она передумает?!

Его двусмысленные намеки меня скорее развеселили, чем обидели. Зато плотоядный взгляд Делиаля, которым он пробежался по моему телу, напряг сверх меры. Он волновал меня как женщину, но наш предыдущий разговор, его открытое пренебрежение мной и насмешливое превосходство не оставили меня равнодушной... и всепрощающей. Ксион насторожился еще сильнее, когда подтянувшиеся воины-эльфы обступили высокородных. Телохранители. Я быстро сосчитала светлых — шестнадцать. Вместе с гоблинами нас двадцать один, и хотя численно мы превосходим эльфов, но я не знала, насколько магия Делиаля заставит считаться с ним. Филя рычал на эльфов, а они уважительно поглядывали на него, напрягаясь все сильнее и только Делиаль спокойно, молча, анализировал ситуацию, при этом сверля меня полными глазами. Его родственничек же продолжал, подначивать меня:

— Красавица, как будешь вину искупать? За нападение, нечестивую связь с темным, грубость своему будущему повелителю и... хозяину?

Я медленно поднялась, маршаны переместились за стол, встав в ряд со мной. Гоблины все еще сидели, но по их спинам я поняла, что они готовы к нападению. И все из-за такой дурацкой причины как уязвленная мужская гордость. Не отпуская взгляда черных глаз наследника, спросила Ксиона:

— Насколько светлые хорошие воины?

— Одни из лучших, госпожа, а здесь личная охрана наследников... и сами наследники, — ответил мне Юдер, задвигающий Юми себе за спину.

Ксион презрительно и ехидно добавил, заставив нахмуриться Делиаля и остальных:

— Последние и оба единственные наследники нынешнего Повелителя светлых. Гореть ему в жертвенном огне Стретера.

Выходит, я не ошиблась в своем предположении, это брат Делиаля и второй наследник. Тем более странно, что они оба тут забыли? Тут же и озвучила, обращаясь к Делиалю:

— Зачем, а точнее, почему вы оба здесь, Снежок?

Он поморщился от прозвища, бросив при этом гневный взгляд на брата, который сначала смутился, а потом решил, что лучший способ отвлечь угрозу от себя, это напасть на меня:

— Ты ответишь за это неуважение! Ты слишком зарываешься и...

— Может, помолчишь чуток, а? Младшенький! — Ненавижу, когда ко мне относятся с пренебрежением и снисходительностью, поэтому осадила его.

— Что ты тут делаешь в компании презренных хвостатых? — Решил присоединиться к разговору Делиаль. — Так хотела убежать от меня, что даже на их компанию согласилась? Поверь, я не причиню тебе вреда. Быть моей... фавориткой весьма почетно и этого многие красавицы нашего двора добиваются. Я прощу тебе все, что натворила, если сейчас извинишься при всех и подойдешь ко мне. Добровольно!

Я напряглась, судорожно решая как избежать неприятностей, а в голове билась только одна мысль, но, боже, как же не хотелось открывать такую карту... Сейчас.

— А если нет, тогда что?

— Тогда я подойду сам, и поверь, никакие препятствия не спасут тебя от моего недовольства и наказания.

Его голос был холодным, как и взгляд и явно предупреждающим. Он не хотел драки, но готов был на все и ради чего?! Сомнительного удовольствия попасть в мою постель?

— Ты так сильно хочешь меня, что готов рискнуть здоровьем?

Холод из глаз не исчез, но губы расползлись в ухмылке:

— Прости, Рыжик, но это уже дело принципа и чести, но и удовольствие, конечно, тоже. Уверен, ты будешь для меня идеальной любовницей. Хотя в твоей крови гуляет огонь, и это обстоятельство мне чрезвычайно любопытно тоже.

Брат Делиаля терпением, как и умом не отличался. Он вскинул руку, в которой горел голубой сгусток и замахнулся в нашу сторону, воскликнув:

— Довольно болтовни, она должна быть наказана...

Как в замедленной съемке я наблюдала за полетом голубого шарика. Взгляд Делиаля потемнел от ярости на брата, но перехватить шарик, он уже не успевал. Зато Юдер, вскинув руки, выставил свой заслон, отражая чужое заклинание. Шар, срикошетив, смел волной стоящий рядом длинный стол и лавки, с грохотом опрокинув их. Гоблины за одно мгновение оказались рядом с нами, выставив оружие вперед, а телохранители светлых заслонили собой высокородных, однако не мешая им использовать магию.

Ждать дальнейшего развития ситуации я не стала. Осталась последняя попытка прекратить стычку, пока она не переросла в нечто большее. Одним движением скинула плащ, оставшись в плотных штанах, заправленных в ботинки и синей рубаше до колен, подпоясанной красивым ремешком. Две красные косы лежали на груди, спускаясь до пояса. Выставила руку с белым камнем и, толком не представляя, правильно ли делаю, выкрикнула:

— Я Алев, Повелительница светлых, властью данной мне священной короной и Высшими приказываю остановиться!

Мои спутники замерли так же внезапно, как и светлые напротив. Делиаль дернулся, будто его кто-то невидимый ударил по лицу. Остальные светлые, вытаращившись, потрясенно смотрели на меня. Сжав кулаки, Делиаль прохрипел:

— Откуда эти реликвии у тебя? Где Сиаларель?

— Он мне их лично передал, а затем, блеснув в небесах прахом, исчез. Но корона как и перстень меня приняли безоговорочно, так что бывший первый наследник — ты в полете. А тебе, младшенький, оскорбления в мой адрес, так просто не сойдут. А сейчас все на колени!

Телохранители упали молча, высокородные щенки — с постными лицами, а вот Делиаль продолжал стоять, хотя я отметила, что ему с трудом удается противостоять магическому приказу диадемы. Я подошла к нему.

— Ну что ж, бывший первый, ты можешь постоять.

Светлый скрипнул зубами, но тут же расслабился и, завораживая блеском черных глаз, произнес:

— Ну что ж... Повелительница... теперь для нашего законного союза нет никаких преград.

— Полагаешь? — Усмехнулась от подобной наглости, — мне кажется, теперь ты не достоин. Я вот подумала о твоём отце...

— Поверь, он весьма счастлив в браке с моей матерью! — его глаза заметно похолодели, когда он говорил.

— Хм-м, даже ради короны не согласится?

Делиаль на мгновение замешкался, а потом уверенно и твердо произнес:

— Даже ради нее. Скорее, ради моей матери он от короны бы отказался!

Я задумчиво постучала коготочком по губе, а потом сказала, с любопытством отметив, что Делиаль горячим взглядом пробежался по моим губам:

— Ну что ж, я рада, что на свете еще остались настоящие мужчины и любовь.

— Если позволишь... — Делиаль провел пальцами по моей косе и продолжил, соблазняя: — Я докажу тебе, что не только мой отец настоящий мужчина. Наш брак будет выгоден не только мне, но и тебе.

— Нет, Делиаль! Мы с тобой живем по разным принципам. И мужчина мне нужен другой.

— Какой другой? И чем тебе не подходят мои принципы? Ведь ты меня совершенно не знаешь!

— Я хочу, чтобы мой мужчина жил по принципу: пришел, увидел, полюбил. А ты живешь по принципу: пришел, увидел, отымел и совесть тебя при этом отнюдь не мучает...

Позади раздался знакомый 'хрюк' Сиурея, от чего лицо первого наследника еще больше потемнело.

— Чего ты хочешь, девочка? Ты думаешь, пришла, надела корону и ты главная? Поверь мне, так легко не будет!

— Не волнуйся ты так за меня. Лучше о себе побеспокойся или вот о братике своем... Его взгляд помертвел, а голос наполнился неприкрытым угрожающим предупреждением:

— Ты не посмеешь...

— Я посмею! Очень даже. И это некоторым образом послужит мне гарантией... вашего послушания.

Делиаль окаменел и с яростью посмотрел на меня:

— Он молодой еще... самый молодой среди эльфов... последний из рожденных.

— Э-э-э, нет, поверь, не последний и не самый молодой!

Снова 'хрюк' позади, разбавленный ехидными смешками марханов. А потом и язвительный голос Ксиона вклинился в нашу перепалку:

— Я счастлив, что на старости лет застал эту картину. О, Великий Стретер, благодарю тебя за это зрелище. Кучка светлых на коленях, а первый наследник проклятого Повелителя просит за своего глупого брата... И кого? Темную эльфийку с короной светлых на голове. Девчонку двадцати семи лет отроду, которая еще потаскает вас за светлейший косы. За все, что вы натворили и за ваше высокомерие, и презрение к остальным...

Все светлые потрясенно выдохнули. Черные глаза под инеем совсем заледенели, уставившись на меня, будто впервые увидел.

— Это невозможно... проклятье равно для всех эльфов и темных тоже...

Я трансформировала руку в лапу, миниатюрную лапу драконицы, и снисходительно хлопала Делиаля по щеке, заставив его отшатнуться от меня в шоке:

— Все возможно, Снежок! В этом мире возможно все!

— Кто ты такая и откуда? — прохрипел он, глядя на меня.

А я мысленно махнула рукой на все тайны и ответила, насмешливо глядя на него:

— Я, Алев Штерназия, полукровка темной и дракона. Их брак был освящен богами и... мной. Мне немного помогли вернуться из другого мира... и послали сюда... Высшие. Причем основательно и надолго послали... А все из-за вас и ваших дурацких игр. Знаешь, бывший первый наследник, я очень устала и мои спутники тоже, а дорога у нас длинная. А дел по горло.

— Тебя как зовут? — повернулась к младшенькому эльфу.

Он дернулся от меня в сторону, все еще стоя на коленях, а потом, смирившись, ответил:

— Мансель Эс Севери... Повелительница!

— О-о-о, приятно знать, что тебя все же совсем мозгами не обделили. Так вот, Мансель, сейчас ты добровольно принесешь мне клятву верности на крови, и я так решила, вступишь в наши сплоченные ряды.

Мансель побледнел, бросив испуганный взгляд на брата, который жестко спросил:

— Зачем тебе это надо? Я понимаю клятву... но зачем ты потащишь его с собой?

— Буду учить его терпению и вежливости, Делиаль. Ну и плюс, он пойдет с нами, и будет решать некоторые вопросы... Хм-м-м, связанные с вашими сородичами, если встретим по пути. Поэтому в ваших интересах предупредить своих, чтобы нам не мешали.

Уже все светлые стояли и молча, взирали на меня. В ярости. Поэтому я добавила:

— Меня Высшие... послали. Теперь вот проблемой вашей рождаемости занимаюсь и долголетием марханов, так что в ваших интересах помочь с этим... хм-м-м, вашей Повелительнице!

Ярость на лицах и в глазах светлых сменилась на недоверие, удивление и смутной надеждой. Снова хриплый голос Делиаля:

— Это правда? Или ты так остришь?

— Какие уж тут остроуты? — серьезно возразила я. — Разве с этим шутят? Нет, не шучу и сама заинтересована в решении столь жизненно важной проблемы. Как-никак я наполовину эльф!

В таверне стало на удивление тихо, все жалось к стенам, а хозяин в сторонке заламывал руки и, скорее всего, подсчитывал убытки от предстоящей драки. Помня наставления Камоса, остановила свой выбор на кольце с красным камнем драконов. Протянула руку и выразительно посмотрела на младшенького. Тот снова глянул в сторону старшего брата, а тот резко согласно кивнул, давая разрешение и словно принимая важное решение для себя лично. Младший вытащил кинжал из-за пояса и полоснул себя по пальцу, заставив меня поморщиться. Я оттопырила палец с красным камнем, а Мансель накапал на камень своей крови, говоря при этом:

— Клянусь кровью хранить верность Алев Штерназия как ее подданный. Клянусь защищать ее жизнь и честь...

— Не забудь сказать, что обманывать не будешь и говорить только правду.

Он бросил на меня тяжелый взгляд и добавил:

— Клянусь говорить только правду Алев Штерназия и не обманывать. Клянусь своей кровью.

Камень вспыхнул внутренним кроваво-красным цветом, потом словно впитал в себя кровь Манселя и снова потух. Мансель, еще не веря в случившееся с ним, глухо прокомментировал:

— Клятва принята!

— Я поеду с вами!

Перевела взгляд на Делиаля, весьма категорично выразившего свое желание. Пожала плечами, а потом так же твердо отказала:

— Нет! Мне и одного брата в нашей компании хватит, второй мне ни к чему.

Даже не заметила, как он оказался рядом со мной, откинув стул, заморозив Филю и впиваясь стальными пальцами в мои предплечья, и хриплым жестким голосом прошипел:

— Девочка, я разменял второе тысячелетие и не позволю даже такому красивому ребенку как ты указывать мне, а тем более хамить. Твоя корона — лишь фикция, реальную власть надо заслужить, а главное — удержать, а ты пока до этого не доросла. Поэтому на

досуге подумай об этом, а еще лучше прими правильное решение и заверши нашим брачным союзом. Поверь, так будет лучше и мне, и тебе.

Я вырвалась из его хватки, одновременно с этим подняв руку, останавливая снова возникшее напряжение и яростное желание мужчин с обеих сторон начать драку. А затем посмотрела на Делиаля. Говорила я тихо, но очень убежденно, чтобы меня не понять или не прочувствовать мою злость.

— Жизнь покажет, Делиаль, кто заслуживает эту корону. Я пока не решила оставить ее себе или отдать другому. Но если ты еще раз дотронешься до меня без разрешения, приложу все усилия, чтобы ты об этом горько пожалел.

— И что же ты сделаешь, Рыжик? Топнешь ножкой или надуешь губки? Эта корона гарантирует лишь временное послушание и твою безопасность только от светлых. Тот факт, что она тебя приняла, не гарантирует, что ты сможешь долго быть нашей Повелительницей.

— О-о-о, зато я могу очень хорошо подумать, кому ее передать... Добровольно, чтобы вы сами друг другу за нее перегрызли глотки. А уж учитывая, что с рождаемостью у вас проблемы то... последствия можешь дорисовать себе сам, Снежок.

— Ты не сделаешь этого! — Инеевые брови нахмурились, а черные глаза покрылись льдом.

— Почему нет? Или ты думаешь, что своей красотой сразил меня наповал?

— Я не слепой и заметил твою реакцию на меня, девочка. — Тонкие ноздри трепетали, раздуваясь от ярости. — И если ты будешь себя хорошо вести, то получишь меня целиком в свои загребущие лапки. Навечно!

Я хмыкнула, склонила голову набок, рассматривая его. А ведь прав, гад, слишком красивый, но устало ответила, при этом отступая от него на шаг:

— Я жду не тебя, Делиаль. Я жду того, кто полюбит меня, и ни одна корона мира не будет ему важна и сравнима со мной. Кто всегда будет рядом. Кто не сможет жить, если меня не станет. Для кого я — все что ему надо от жизни.

Перед глазами возникло родное лицо отца с красными волосами и желтыми глазами, в которых светится бесконечная нежность и любовь, и он любит лицом моей мамы. Поэтому хрипловато закончила:

— Я дала себе в этом обет и на меньшее, не соглашусь.

— Девочка, любовь надо заслужить, так просто она не дается.

Услышав его хрипловатый убежденный ответ, жестко ответила:

— Значит, ты никогда не любил, и я уж точно не твоя. И служить я тебе не буду.

— Как ты правильно заметила, жизнь покажет, но я добиваюсь всего, чего захочу.

Он протянул руку и вновь погладил мою пламенеющую косу длинными смуглыми пальцами. Я вскинула руку, перехватывая его ладонь. Ощутила шероховатости на пальцах и ладонях, похоже этот мужчина серьезно относится к боевой подготовке, если у него мозоли от оружия не проходят, несмотря на прекрасную регенерацию. Сильный, красивый, умный... может стоит подумать, прежде чем совсем отказывать. Уверена, такие на дорогах не валяются! Но мой ответ прозвучал, опередив разумные мысли:

— Смотри, состаришься, потом никому не нужен будешь!

Развернулась и отошла к своим спутникам, которые с величайшим напряжением следили за нами. Улыбнулась, успокаивая Ксиона, повернув голову в пол-оборота, сказала:

— Делиаль, не мешай мне, это и в ваших интересах тоже. Особенно в ваших... Мансель, можешь прощаться с товарищами, поступаешь в распоряжение к командиру звена моих

телохранителей Сиурею.

Юдер, бросив взгляд на замерших светлых, тихо сказал:

— Наши комнаты в правом крыле готовы.

— Повелительница! Я прошу принять меня в вашу команду и готов принести вам клятву.

Повернула голову в сторону светлых. На меня твердо смотрел один из телохранителей, который выдвинулся чуть вперед, но тем не менее стоял позади первого наследника. Соблюдает этикет даже в подобной ситуации. Делиаль даже бровью не повел, молча следя за моим лицом. И именно это дало подсказку или точнее, ответ на вопросы почему и зачем, но я спросила напрямую:

— Зачем?

Не глядя на первого наследника, мужчина сделал еще один шаг в мою сторону и опустился на одно колено:

— Я, Харэль Эр Таре, личный телохранитель младшего наследника нашего повелителя. Мой кровный долг хранить его жизнь. Я поклянусь...

— Хорошо, Харэль! Мне достаточно клятвы, что ты не причинишь мне и моим спутникам вред пока путешествуешь с нами и не предашь.

Мы, молча повторили кровавую процедуру клятвы и я, подмигнув Сиурею, сказала:

— Ну что, командир, у тебя еще один ученик!

Сиурей окинул быстрым взглядом Харэля и, качнув головой, спокойно сказал:

— Боюсь, мне самому есть чему поучиться у этого светлого...

Бросила уважительный взгляд на эльфа, потом на Делиаля, который уже расслабленно наблюдал за нами. Как только я согласилась на Харэля, он заметно успокоился и смотрел на меня снисходительно, и как собственник. А я едва слышно хмыкнула. Похоже этот новенький будет присматривать за нами обоими. И уже было шагнула к лестнице, ведущей наверх к комнатам, но меня на мгновение задержало пожелание Делиаля:

— Береги себя, Алев! Для меня!

Повернула голову, бросив последний взгляд на него. Высокий, красивый, тонкое породистое лицо, белоснежные волосы, искрящиеся в свете свечей и горящие обещанием черные глаза. Обещанием скорой встречи, только вот вопрос так и повис у меня в душе: 'Хочу ли я этой встречи?'

Наш дальнейший путь по холмам изрядно утомлял своим однообразием и волнистым рельефом. Отчего когда спешивалась, у меня было ощущение, что меня качает вниз-вверх, верх-вниз. Внутри скапливалось напряжение от того, что я в такой большой компании, которая не спускает с меня глаз, правда, по разным причинам и в драконицу обернуться не могу.

Филя носился по округе, но стоило мне только крикнуть, словно призрак оказывался передо мной. Из-за этого два светлых эльфа, которые теперь все время держались за спиной, молчаливо и напряжено сверлили меня взглядом. За последние три дня я убедилась в ответственном подходе Сиурея к своим учительским обязанностям. Особенно, с каким рвением он подошел к тренировкам терпению и уважению для младшего наследника светлых. А заметив наши с Юми насмешки над упражняющимся Манселем, тоже включил в тренировочный процесс, чем заслужил колючие женские взгляды в спину вместе с мысленной руганью. Совместные занятия неожиданно сплотили нас с высокородным эльфом. Теперь он тоже учил желающих тому, что умел сам, чаще меня, в основном — стрельбе из лука.

Въехав на очередной холм, мы с удивлением и радостью увидели небольшой городишко, от которого словно лучи солнца разбегалось множество дорог. Окруженный внушительной каменной стеной, он служил довольно хорошо защищенной крепостью.

— Это город гномов Тизиулик! Многие считают, и я думаю не без повода, что под ним начинаются подземные тоннели гномов, ведущие в горы. Это их перевалочный пункт по перевозке ценностей. Тизиулик слишком хорошо охраняется, но зато чрезвычайно спокойный и безопасный. Гномы превратили его в нейтральную зону для любых рас. Мы можем отдохнуть здесь пару дней, если вы устали, Алев! — Ксион, к которому я подъехала, тихо рассказал о городе, вопросительно посмотрел на меня, закончив говорить.

— Я лишь курьер, уважаемый Ксион. Как вы решите, так мы и сделаем. Это ваш отряд и вы здесь главный!

Он удовлетворенно кивнул, снова бросил взгляд на лежащий между холмами город, потом окинул взглядом наш отряд и сказал:

— Я думаю, мы только переночуем здесь. Нет смысла привлекать внимание. Оно и так уже слишком сконцентрировалось вокруг нас. Впрочем, настолько разношерстная компания уже своим составом обратит на себя внимание.

Я нахмурилась, чувствуя легкую вину, но захотела оправдаться:

— Вы сами знаете, в случившемся, по большому счету, моей вины нет! Я не позволю убивать моего родственника. Не смотря ни на что! А светлые... Мансель нам пригодится вплоть до Эйнера, а как только ваши границы останутся позади, мы пойдем своей дорогой, а они — своей.

— Я понимаю ваши мотивы, Алев, просто пятьсот лет ненависти любви к светлым не прибавляет...

— Не просто, Ксион, они за свою глупость тоже наказаны, жестоко! Как только мы закончим с миссией, вам пора налаживать с ними отношения.

— Алев... Пока об этом рано говорить!

— А когда будет вовремя?

— Жизнь покажет, давайте сначала сделаем что должны!

Я устало пожала плечами и примирительно предложила:

— Давайте! Есть хочется и помыться. За три дня ни одной мало-мальской лужи....

— В Тизиулике есть подземные источники. Гномы именно по этой причине построили свой город именно здесь. И поэтому он еще более неприступен. Вода внутри, тоннели имеются, и еду всегда можно подвезти. Да и напасть со спины на врага тоже...

Мы подъезжали к городу, и я слушала истории попыток захвата Тизиулика разными расами, которые пока так и не увенчались успехом. Но вот последняя фраза Ксиона заставила напрячься.

— Только одной расе это удалось, причем чисто ради интереса... Красным драконам, и с тех пор этим крылатым разрешено посещать город в любое время и пользоваться бесплатно всем, что они захотят. Хотя на практике это касается пропитания и отдыха в тавернах. И представляю, как радуются гномы тому факту, что огненных тварей мало... — в этот момент Ксион, видимо, вспомнил, что я наполовину красный дракон и, запнувшись на полуслове, смутился, потемнев до черноты. Скрипнув клыками, пробормотал: — Простите, Алев! Иногда я забываюсь и... вы не похожи ни одну из двух рас: ни эльфийка, ни дракон — вы совсем другая. И ближе к нам, поэтому я скорее думаю о вас как о молоденькой марханке, а не о драконе или эльфе.

Я хмыкнула, пожала его сухую синюю руку и мягко сказала:

— Не волнуйтесь, Ксион. Я еще сама не определилась кто такая.

В раскрытые ворота мы въезжали уже в сумерках, но под пристальными взглядами гномов в кожаных колетах и при внушительном арсенале. Заплатив пошлину, Ксион повел наш отряд вглубь города по совету одного из стражей, который порекомендовал большую таверну, где места должно хватить на всю нашу компанию. Узкие улицы каменным лабиринтом сужались вокруг. Каменные мостовые далеко разносили цоканье копыт наших лошадей, а шуршание хвостов марханов превратилось в странный напевный шепот. Капюшон я уже давно сняла, теперь моя тайна раскрыта, и прятать корону под волосами не имело смысла, а ходить в капюшоне постоянно — жарковато. Таверна оказалась похожей на перевернутый глиняный горшок, который сужался кверху и зиял маленькими круглыми, словно иллюминаторы, окошками.

Уже по отработанной схеме часть гоблинов и марханов прошла вместе со мной внутрь таверны, а другая — занялась лошадьми. Харель принял лошадь Манселя и увел вслед за остальными, а тот словно приклеенный пошел вслед за мной. Войдя в зал, который похож на сотни других залов подобных таверн, мы окунулись в умиротворяющий мир звуков и запахов, который обещал горячую похлебку и кровать с ванной. Сиурей шел рядом, следя за каждым присутствующим, обратившим на нас внимание. Ксион с Юдером общались с хозяином, яростно размахивающим руками и брызгавшем слюной. Явно сцепились из-за цены со старым сморщенным гномом. Такой своей выгоды никогда не упустит. Наконец, консенсус был достигнут, гном расплылся в гостеприимной улыбке и ринулся отдавать приказания многочисленным служкам. Похоже, здесь работают дети и внуки старого хозяина таверны — общие черты, как говорится, на лицо. Мы заняли целый угол огромного зала, и для нас быстро начали накрывать на столы. Вскоре к нам присоединилась и вторая часть отряда.

За нами с Филей следили с особенным интересом, а он, чувствуя подлинное восхищение своей особой, вышагивал царственной походкой царя зверей, похлопывая мохнатым хвостом по бокам. Мы с побратимом сели как обычно с краю, с любопытством разглядывая все

вокруг. А вокруг царила оживленная суэта, а большая часть столов занята. Мансель расположился напротив меня, изящным плавным движением откидывая с груди длинную косу, украшенную длинной веревочкой-шаури с короткими ремешками и с голубыми камешкам на концах. Как я выяснила, голубой — родовой цвет Эс Севери. Высокий лоб пересекла тонкая хмурая морщинка, когда мы встретились глазами. Я рассматривала его с огромным интересом.

Очень похож на брата и по его словам — на отца тоже. Ему чуть больше пятисот лет, но выглядит как двадцатилетний юноша, да и глаза сияют как у мальчишки. Диссонанс возраста и непуганой юношеской непосредственности удивлял и заставлял исследовать. Хотя я могу понять это! Ведь он последний из рожденных до проклятия, наверняка с ним носились как с писаной торбой. Вон, даже родной брат помчался за 'мальчишкой', который вырвался, наконец, из-под опеки старших с группой таких же товарищей, решив побаламутить. В итоге, нарвались на темного, которого решили немного проучить, а тут мало того что темный оказался из рода Черных Штерназия, так еще и я вмешалась. Самое смешное, что из разглагольствований Манселя, еще пару дней назад поняла — зря вмешалась в драку. Потому как скорее спасла жизнь этим пятерым светлым, а не своему дядюшке. Зато приобрела кучу неприятностей, лишний раз убедившись, не делай добра, когда тебя не просят — не получишь зла. А пока, я постоянно попадаю в череду нелепых ситуаций и случайностей, и вновь готова согласиться с мнением Камоса, что это Высшие играют в свои игры.

Подали на стол, и мы приступили к еде, а я внезапно ощутила, как меня словно кто-то коснулся, обдав жарким дыханием огня. Странное ощущение заставило осторожно обернуться и пробежаться по залу внимательным взглядом из-под полуопущенных ресниц. Вот группа оборотней, методично работает ложками, никем не интересуются и в дороге давно. Гномы-обозники за длинным столом ведут неспешный разговор после сытного ужина за кружкой горячительного. Пара гоблинов в углу напротив нас, не обращая ни на кого внимания, тоже ужинают. Группа людей что-то тихо, но яростно обсуждает, тыкая пальцами и ножами в расстеленную между кружками бумагу, изредка позыркивая по сторонам. Вновь перевела взгляд и, наконец, наткнулась на хищно блеснувшие ярко-золотые глаза, принадлежавшие кому-то за небольшим столом в противоположном углу. Они заставили меня вздрогнуть и замерев, смотреть в их опасную глубину. Я не могла разглядеть поподробней, но их свет завораживал.

Мое сердце, совершив невероятный скачок, ускорило бег, а я смогла прикрыть глаза, чтобы освободиться из плена тех глаз. Открыла глаза, прислушиваясь к бешеному стуку своего сердца, и вновь посмотрела на обладателя невероятных глаз. Мои собственные, как только я уставилась на него, снова округлились в шок. За столом в одиночестве сидел старик- человек, сгорбленный и потрепанный жизнью. Меня буквально захлестнуло разочарование и досада на свою непонятную реакцию, но стоило поднять взгляд и снова посмотреть в его золотые глаза, как я в очередной раз задохнулась от потрясения. По рукам и спине побежала возбужденная толпа мурашек. Абстрагировалась и окинула его более внимательным взглядом. Странное впечатление от сломанного жизнью старика и диких, невероятно опасных глаз выбивало из колеи. А еще я отметила, что он тоже, не отрываясь, следит за мной, ловя взгляд, но при этом ни одна эмоция, которая бурлила в глазах не затронула его лица, испещренного морщинами. Словно глаза жили своей собственной жизнью, сами по себе, отдельно от тела. Эта мысль заставила повернуться к Юдеру, чтобы

попросить его взглянуть на этого старика магически и выяснить, может это личина-иллюзия, но меня отвлекли. Причем самым кардинальным образом.

В зал вошли двое высоких мужчин, которые двигались, печатая шаг по каменным плитам пола, оба огненно-рыжие, правда, не такие красные как я. Смуглая кожа, выдающиеся носы и пухлые, высокомерно искривленные губы, а так же мощные тела, облаченные в обтягивающие плотные штаны и черные свободные рубашки, застегнутые лишь на пару пуговиц. Слегка приоткрытые тела, длинные сильные ноги, разворот плеч — все в них просто кричало о повышенном тестостероне и мужественности, еще братья очень похожи, даже двигаются синхронно.

Они шли по проходу между столами, подыскивая приемлемое для себя место, настолько уверенные, что мне стало понятно: здесь они для себя не видят ни одного реального противника. Прошли мимо стола наших гоблинов, скользнув по ним внимательными взглядами, от чего те напряглись как один. Пошли дальше, и вдруг я отчетливо заметила, как они оба напряглись, пройдясь взглядом по заинтересовавшему меня чуть раньше старику. Словно заметили опасного противника. Кивнули тому медленно, уважительно и через пару шагов оказались вблизи нашего стола, за которым сидели все марханы, двое светлых эльфов и я. Филя почувствовал в них врагов, потому что его глухое рычание заставило меня тоже встревожиться. Он еще так агрессивно ни на кого не реагировал. Хотя как только мы вошли в эту таверну, он был на взводе, и как я сейчас поняла, нервно бил по полу хвостом. Я же расслабилась и не следила за своим побратимом, и только сейчас осознала, что он нервничал, а не красовался. Сильно нервничал.

Оба рыжих замерли в паре шагов. Заметив меня, они будто наткнулись на стену, замерли, пристально разглядывая и жадно вдыхая воздух. А я отметила их странные глаза, рубинового цвета с вытянутым змеиным зрачком. Понимание полыхнуло заревом пожара в голове, я села ровно и напряженно уставилась на них. Драконы! Красные! Филя рычал все громче, Мансель обернулся и, заметив этих двух, резко вздохнув, встал. За ним медленно, без резких движений поднялся Харель, и словно волна побежала за столом — так же напряженно, медленно вставали мои спутники. Я же молча, сидела под их острыми восхищенными взглядами. Такими взглядами на меня никто не смотрел. Люди смотрели, восхищаясь, но одновременно завидуя, ненавидя и опасаясь. Марханы воодушевились лишь как носителем их реликвии и только. Гоблины с любопытством смотрели, а сейчас тепло и по-дружески. Мансель с Харелем — словно я неразорвавшаяся бомба с короной на голове, хоть и отдали словесную дань красоте. Лишь Делиаль смотрел восхищенно как на женщину, но с расчетливо-холодным любопытством коллекционера. А эти красные смотрели голодным жадным взглядом, словно я последний глоток воды и жизненно важно заполучить его для себя. Я внутренне, не кожей снаружи, а именно внутри почувствовала, как нагревается помещение таверны.

Передернула плечами, один из них весь подобрался и сделал небольшой шаг ко мне, тем самым повысив угрожающий тембр рыка Фили. Но мужчину это несколько не напугало.

— Крррррасавица, из какого ты клана? — поинтересовался он раскатистым мощным басом.

Я молчала, не зная, стоит ли представляться еще и этим? Уже и так половина жителей и рас Лайваноса знает, как меня зовут и кто я такая. С другой стороны, с красным дедулей я все равно хотела познакомиться, да и помощь его, если что потребуется, так почему бы и не представиться?

— Мой отец назвал меня Алев! А его зовут Суорен Красный!

Оба мужчины напряглись еще сильнее, при этом не сделав и шагу, словно подались ко мне всем телом. Быстро пробежавшись взглядом по моим рукам без перчаток и, заметив перстень с красным пылающим камнем, рвано вздохнули. А потом очень ласково, но при этом напоминая борзых, загоняющих свою добычу, сказали почти в унисон:

— Повелитель ищет вас до сих пор, Алев! Он не поверил проклятому богами темному, что погибли все трое. Вы должны пойти с нами... к нему! Там вы будете в полной безопасности.

Жар в таверне усилился и это, ощутила не только я, но и драконы, а так же Ксион с Юдером и оба светлых. Они осторожно начали осматриваться по сторонам в поиске источника магического возмущения такой силы. Зато оба рыжих сразу поняли, кто испускает этот яростный жар. Они обернулись к старику, который продолжал сидеть за своим столом в расслабленной позе, наблюдая за нами, но вот глаза его пылали расплавленным золотом. Рыжие вздрогнули, бросили неуверенный взгляд на меня, потом снова на старика и кивнули. Я так и не поняла кому конкретно — мне или старику, но драконы, бросив последний взгляд на меня, ретировались из таверны, оставив четкое ощущение, что ненадолго они оставили меня в покое. Я задумалась о происшедшем, анализируя ситуацию, отвлеклась всего на пару секунд, но когда вновь подняла взгляд, старик уже исчез. Странно, очень!

Мы ехали второй день подряд, но с самого утра как мы покинули Тизиулик, казалось, что чей-то взгляд сверлит мне спину и затылок. Я неосознанно следила за небом, может это те красные драконы, но их крылатые тени ни разу не блеснули красной чешуей над нами. Мансель нервничал и окольными путями пытался выяснить мои планы на будущее, особенно по поводу короны наисветлейших, красующейся у меня на голове. Я же только хмыкала, переглядываясь с усмехающимся Ксионом.

Сумерки уже привычно опускались темной патокой с неба, стекая по крупу Тихони к земле. А мы, обогнув очередной холм, вышли к таверне. Только в этот раз она выглядела непрезентабельно, а конюшня и вовсе покосилась на сторону. И я, и мои спутники все сильнее хмурились при виде неказистого ночлега, но даже такой лучше, чем привал под открытым небом. В этот раз мы дружно завели лошадей под кровлю и, заплатив паре потрепанных жизнью мрачных мужчин за их кормежку и постой, отправились в таверну.

В плохо проветриваемом зале со стойким смогом, в котором смешались разные неприятные для моего чуткого обоняния запахи: человеческого пота и давно немытого тела, кислого забродившего вина, пережаренного масла и многих других, наша внушительная компания сразу привлекла к себе внимание посетителей. По виду скорее жители ближайшей к таверне деревушки, которую мы заметили неподалеку. Особенно пользовался вниманием Филя, который вновь шел рядом со мной, яростно молотя по своим крутым мохнатым бокам хвостом. Хотя, я пока никакой опасности не ощущала.

Рассевшись за столы и заказав ужин и комнаты, тихо разговаривали в ожидании еды. На вопросы своих спутников я отвечала рассеянно и невпопад, присматриваясь к окружающим в поиске источника волнения Фили. Ему миску с сырым мясом принесли раньше нашего заказа, и он отвлекся на еду, но шерсть на загривке так и стояла дыбом, а розовый нос недовольно морщился.

Отхлебнула горячего напитка, поморщившись от пустого вкуса и горечи во рту. Словно дрова заварили...

Рассеянным скользила взглядом от лица к лицу, мимолетно задерживаясь на них. Никого подозрительного или примечательного, но тут мой взгляд споткнулся, остановившись на небритом лице долговязого парня в платке почти до глаз. Поношенная одежда селянина, невзрачный вид скромного молодого наемного работника, и только одно заставило меня обратить на него столь пристальное внимание — непередаваемо голодный, горячий взгляд неестественно золотых блестящих глаз, которые абсолютно не вязались с его простецким видом. Словно весь облик — личина, а эти глаза настоящие. Мелькнула мысль повернуться и попросить проверить мое предположение Юдера, который в это момент обхаживал смущенную Юми. К сожалению, сама не распознаю, иллюзия ли это, нет у меня такой способности. Но не смогла вырваться из золотого плена, утопая в омуте этих глаз, погружаясь в них все глубже и глубже, забывая обо всем и дыша через раз, наверное.

Воздух между нами заискрился напряжением, которое похоже никто не заметил, как не почувствовал и запах нагретой солнцем полыни и луговых трав. Я не знаю, есть ли похожие на Лайваносе, но у меня появилась именно такая ассоциация от аромата, который, казалось, окутал меня всю, отгораживая от смердящей застарелым потом и пригоревшей пищей таверны.

Наконец, вздохнула полной грудью, захлебываясь свежестью и приятным ароматом, а сама, не отрываясь, смотрела в эти глаза, вытянувшись в струнку и не шевелясь. Я почувствовала зов... Чужая душа тянулась к моей и как будто большими, теплыми, заботливыми руками ласкала ее, приручала, звала за собой.

— Алев... Повелительница, с вами все в порядке?

Встревоженный голос Мансея и его рука на моем плече, вырвали из яркого золотого плена. Я сглотнула вязкую слюну и прохрипела, все еще приходя в себя:

— Да! Да! Со мной все в порядке. Просто задумалась о своем.

Я заморгала, а когда вновь обратила свой взор в сторону загадочного парня, его уже там не было. А я неожиданно почувствовала пустоту в сердце, когда зов пропал. И снова холод и дикое одиночество заполнили сердце, несмотря на огонь, гуляющий по моим венам и толпу народа вокруг и даже друзей. Филя положил лохматую лобастую голову мне на колени и заглянул небесными глазами в мои. Я с удовольствием нырнула в них, с головой уходя в его эмоции и чувства. Неуверенность, нервозность от чувства непонятной мархузу опасности, но главное, глубокой привязанности и любви ко мне. Взглядом передала ему свою любовь и поддержку, я всегда с ним, и вместе мы справимся.

— Это невероятно, у вас настолько полное слияние с мархузом. Огромная редкость...

Мансель с искренним восхищением смотрел на нас обоих, Харель хмыкнул, улыбаясь глазами, а я веско заметила, строго глядя младшему наследнику светлых в глаза:

— Главное, научиться уважать окружающих. Относись к другим так, как хочешь, чтобы они относились к тебе, и тогда народ к тебе потянется... И животные тоже!

Харель хмыкнул уже с тихой насмешкой, а принц насупился, недовольный моим выпадом в его сторону.

Я долго ворочалась, и только теплый мохнатый бок Филя помог заснуть, но и во сне меня преследовало видение золотистых глаз.

Утро встретило дождем, совсем не радуя, с учетом того, что нам отнюдь не сидеть на веранде за чаем под шепот дождя, а месить грязь на тракте. Вдохновляло только обстоятельство, что мы все ближе к нашей цели. Впереди еще один большой город королевства Харвуг — Астак, потом пересечем горы и, наконец, Эйнере, расположенный у Древних лесов, простирающихся на многие тысячи километров, как рассказывал Ксион. Я же все гадала — за каким лешим светлых понесло так далеко от родного дома, а заодно и чужие сокровища с собой уперли. Нет, чтобы, как говорил наш великий шеф, ковать железо не отходя от кассы, как же, нашли приключения на свои горячие и не шибко умные головы...

Холмы неожиданно закончились через пару дней после того, как мы покинули ту убогую таверну. Впереди простиралась равнина, испещренная огромными камнями из известняка, а на горизонте, примерно в сутках пути, виднелись высоченные горы, украшенные многочисленными белыми шапками. Посреди равнины высился город Астак, окруженный древней каменной стеной, в которой местами виднелись сколы от старых, уже покрытых пылью времен, осад. Город выстоял.

Мы ехали рядом с Ксионом, с неодобрением и настороженностью встречавшим и провожавшим взглядом обозы и отдельные повозки с жителями, которые с мрачными лицами большей частью ехали из города. На пару брошенных нами возницам вопросов ни один из них не ответил, лишь глубже уходя взглядом в себя или вовсе — в сторону. Мои спутники мрачнели с каждым пройденным километром.

— Что-то не так, Ксион? — озаботилась я.

— Все не так, хотя чего еще можно ожидать от Астака!

— В каком смысле?

— За последние двести лет здесь поменялись шесть правящих династий, причем подчистую! Постоянно перевороты, поиски заговорщиков, восстания... Ощущение, что место тут плохое. Проклятое! наших тут тоже нет... Если бы не закончившаяся провизия и фураж для лошадей, я бы повел отряд дальше, не заходя в город. Здесь даже в селах все подозрительные, недружелюбные... — Ксион бросил взгляд на меня и двух эльфов и закончил: — Но больше всего беспокоюсь, что эльфов здесь любого цвета не любят! Предыдущий правитель снюхался с ними и в итоге залил кровью всю площадь. Полностью вырезал семью своего соперника и всех его сподвижников. Эту казнь-расправу еще долго помнить будут, тогда даже младенцев умертвили прилюдно. Обычно-то тишком, чтобы никто не видел, а тут напоказ...

Меня передернуло от услышанного, а Мансель небрежно пожал плечами, оправдываясь:

— Так никто же из наших не предполагал, что он уже давно с головой не дружит и темной магией увлекается... Чересчур. В тот раз темные постарались в пику нам. А в итоге мы крайние, а эти черноволосые снова сухими из воды вышли.

Ксион укоризненно покачал головой, ему неважно кто: темные или светлые — все единым миром мазаны, а Харель, едущий с нами рядом, посоветовал:

— Повелительница, Младший Наследник, нам троим лучше надеть капюшоны и не светить своими ушами...

Я хмыкнула, услышав привычный земной сленг, но поспешила выполнить его указание. Мы молча, под пристальными хмурыми взглядами городской стражи проехали в арочные ворота, цокая по деревянному настилу, а потом, глухо ступая по утоптанной глиняной дороге, петляющей вдоль узких улиц и мрачных серых домов, направились к ближайшей крупной гостинице. До Илисвурга этому городу очень далеко, и на душевую в комнате я уже не рассчитывала!

Место для ночлега мы отыскали быстро, но как только заселились, Ксион отвел меня в сторону и тихо сказал:

— Госпожа Алев, нам нельзя расслабляться здесь, поэтому прошу вас со светлыми остаться здесь, а мы займемся провизией и фуражом. Мне очень не нравится царящее здесь напряжение, да и во всем городе дела, похоже, не лучше...

— Понимаю ваше беспокойство, Ксион и полностью с вами согласна. У нас и так, хм-м, на каждой остановке сплошные встречи и приключения, уж лучше давайте облегчим дальнейший путь.

Ксион удовлетворенно хмыкнул и кивнул, прощаясь. С ним ушли четверо марханов, а отряд гоблинов сосредоточился вокруг нас.

Я уже успела помыться в тесной лохани с едва теплой водой, постирать одежду и высушить своим огнем. Тщательно расчесала волосы, заплела их в одну косу и уложила бубликом вокруг головы. Походные штаны и рубаху сменила на платье-тунику синего цвета с вышивкой по высоким разрезам, в которых виднелись коричневые лосины из замши. Я еще ни разу не встречала тончайшей кожи такого потрясающего качества, из которой пошиты эти очень удобные штаны. А уставшие ноги наслаждались удобными туфлями-мокасинами. Я даже по комнате передвигалась бесшумно, благодаря такому удобству ощущая себя босой. Эти две вещи я случайно купила в лавке Тизиулика и только сейчас решила надеть, но даже мелочи подняли настроение и притупили сосущее чувство тревоги в груди. Филлип с трудом

согласился помыть лапы в мутноватой воде лохани, а потом потрусил к нашей кровати, недовольно сопя, всем своим видом показывая, что голоден. Потрепала его мягкий черный мех, помяла бока, от чего он блаженно растекся и заурчал словно кот, а потом резко насторожился, вновь вернув себе грозный вид.

Раздался стук, и следом голос Ксиона позвал меня к ужину. Но попросил оставить Филю в комнате, чтобы не привлекать дополнительного внимания. Соблюдая меры предосторожности, натянула легкий черный плащ и капюшон на голову, закрепив его магически. Открыла дверь и увидела мрачного старого шамана. Он молчком окинул меня взглядом, а потом развернулся и пополз к обеденному залу. В этот раз Ксион специально добился комнат для нас всех на первом этаже. Я бесшумно следовала за ним, глядя в спину, обтянутую походным длинным темно-зеленого сюртуком, полы которого иногда задевали дощатый пол, за время уже двухнедельного похода они сильно обтрепались. Одежда Ксиона очень хорошего качества и говорила о его достатке, но не совсем приспособлена к длительным походам. Но его, видимо, такие мелочи абсолютно не волновали, все его мысли сейчас заняты благополучным исходом нашей экспедиции.

— Держитесь все время позади меня, госпожа! И не поднимайте голову. Для вашего побратима Юдер закажет еду отдельно, вы покормите его чуть позже.

— Вы все приобрели для нашего дальнейшего пути?

— Да! Слава Стретеру! Но цены здесь баснословные и вообще...

В этот момент мы зашли в гудящий как осиный улей зал, и шаман замолчал, лавируя между столов, чтобы пройти к нашим. Вся компания была в сборе и ожидала нас, заняв несколько столов. Пока шла, спиной чувствовала пристальный сверлящий взгляд, но стоило сесть, как неприятное чувство пропало. Мы быстро поужинали под неодобрительными подозрительными взглядами посетителей. Ксион быстро прошептал что-то Тарку на ухо, тот коротко кивнул и уполз в сторону выхода.

— Что происходит Ксион? — ой, не нравится мне все это.

— В городе снова зреет заговор, все чрезвычайно напряжены, словно в ожидании бури. Не сегодня-завтра переполненная чаша лопнет, и тогда не поздоровится всем. Особенно чужакам... коса восстания не пощадит никого, пройдясь по многим шеям. Ох, не вовремя мы здесь оказались, чувствуют мои старые кости.

Снова чей-то пристальный взгляд заставил глазами искать неведомого любопытного. Злые, мрачные, а иногда и откровенно ненавидящие взгляды тех, кто впервые видит нас, и мы не успели никому причинить вред, но они априори ненавидят всех, кто отличается от них самих, и это пугает до дрожи. Почему-то взгляд остановился на широкой спине невысокого коренастого мужичка в холщовой куртке с капюшоном, который, почувствовав мой взгляд, медленно обернулся. Сначала увидела гнома среднего возраста, а потом уже привычно утонула в золоте его глаз. Незримая нить, протянувшаяся между нами чуть раньше, пульсировала и утолщалась, зов усилился, и моя душа затрепетала пойманной птичкой. Меня отчаянно потянуло к нему, сосущая пустота внутри усилилась до болезненного ощущения, хотелось ее заполнить. Очень! Даже глаза слегка прикрыла, потому что в уголках появились слезинки, от испытываемых одиночества и тоски. Золото глаз наполнилось теплом и нежностью, которые даже на расстоянии согрели и уняли боль, словно кто-то ласково погладил мое сердце. Если такое вообще возможно ощутить...

В себя привел резкий вскрик, в зал ворвались люди в форме королевской стражи. Они отчаянно отбивались от нападавших на них людей, которые, одетых кто во что горазд,

только красные повязки на плечах указывали на восставших. На мгновение возникшая в зале тишина, нарушаемая криками дерущихся, взорвалась воплями: 'Долой Касиеров! Да здравствует, династия Ронисов! Всех предателей на виселицу! Долой прихлебателей Светлых! Смерть ушастым нелюдям!'

— Ну, вот и все! — я оторопело посмотрела на Ксиона, который немного испуганно выдал эту фразу и бросил вопрошающий взгляд на Сиурея.

— Быстро уходим через задний ход, пока они здесь заняты.

Его хриплый голос и потемневшая до черноты кожа, подсказали нам всем, в каком он напряжении. Мансель сильнее надвинул капюшон на голову, схватил меня под локоть и потащил вслед за Юдером и напуганной Юми, а Харель двигался практически незаметно для глаза, все время стараясь быть между принцем и любой возможной опасностью. По уже знакомому коридору мы пробежали мимо наших комнат, но я успела схватить свой рюкзак и свистнуть Филе. Мы буквально летели по коридорам и выскочили в выбитую гоблинами заднюю дверь. Тарк, как оказалось, уже выводил наших лошадей, а Замун и Ох яростно отражали атаки красноповязочников. Пара гоблинов присоединилось к защитникам, а остальные вскочили в седла. Моего Серого впрягли в тройку, чтобы ускорить телегу. Бубенцов не хватает, чтобы стало похоже на русскую тройку. Громкий клич, и за нами вываливается толпа народа, которая, завидев Манселя с упавшим капюшоном и луком в руках, с которым он прикрывал отход остальных, просто победно взвыла.

Отряд ринулся по узким дорогам к ближайшим воротам из города. Я лишь краем глаза почувствовала, как странная размытая тень мелькнула над нами, но смотреть вверх времени не было. Мы убегали. Филя черным призраком неся рядом, казалось, не касаясь земли. Юми болталась у меня поперек седла, это Юдер ее туда закинул, когда она замешкалась во время нападения. Повозка громыхала по дороге, распугивая встречающихся людей и заставляя их с проклятиями вжиматься в стены. Кто-то из них, завидев толпу с красными повязками на руках, с криками убегал, тоже спасаясь, но нашлись те, кто с азартом присоединялись к охоте, вливаясь в злобную серую массу. Впереди вскрикнула пара гоблинов и Спрат, которых из соседнего переулка достали стрелами. Светлые выставили воздушную преграду между нами и стенами, образовав своеобразный коридор, оказывается они тоже неплохие маги, и мне тогда в Илисбурге действительно повезло. Или высшие тогда постарались...

Спрата подхватили Ксион с Корином, затаскивая его в телегу и, хлеща лошадей по крупам, покатали дальше. Вот и ворота, но перепуганные воплями стражники начинают закрывать решетку, они еще не понимают, откуда исходит угроза, и первая их реакция — закрыть ворота. Но тут стрелы Хареля и Манселя тонкими иглами впились в спины стражников, от чего они заваливаются на огромный блок с цепями опускающий решетку. Ее движение медленно продолжается, но мы успеваем проскочить. Толпа, которую захлестнула жажда убийства и насилия, вырывается за нами. Многие на лошадях королевской стражи, но их потрепанная одежда и красные повязки на руках свидетельствуют, что стало с владельцами животных.

— Реки крови вновь зальют улицы проклятого богами города Астарта! — гневный вопль Сиурея достигает моих ушей, и я начинаю верить словам Ксиона о проклятом городе.

Мы подстегиваем лошадей, но они устали от долгого перехода, и скоро нам придется вступить в бой. Судя по яростным отчаянным лицам моих спутников, они это тоже осознают. Мансель перекидывает на спину мешающую ему белоснежную косу, Харель

поправляет лук, Сиурей одной рукой теребит многочисленные золотые кольца в ушах, и сжимает губы. С городских стен в нас полетели стрелы, устремляясь вверх, рванув в свой смертельный путь за добычей словно гончие. В этот момент небо разорвал яростный рев. Задрал головы, мы все обомлели.

Из-за вершин самой высокой башни Астарта показался золотой дракон, который то взмывал вверх, махнув мощными крыльями, то немного спускался вниз. Суар озаренный уходящим за горизонт Дривом ярко-красной короной, освещал путь этому чудовищу, которое снова заревело с такой силой, что у меня заложило уши, а по спине пробежала волна испуганных мурашек. Дракон завис над городской стеной, полыхнув по ней пламенем и махнув остроконечным хвостом, украшенным гребнем, который убежал к самой макушке.

Стрелы, зависнув на мгновение, так и не долетев до цели, стали падать вниз, иногда задевая наших преследователей. Крики и стоны умирающих огласили округу, стена пылала огнем, а мы уносились все дальше, но я, не отрываясь, следила за золотым драконом, который так неожиданно появился, и сейчас кружил над городом, испуская пламя ярости.

Невероятное зрелище, страшное зрелище и непредсказуемый монстр. Но сегодня я впервые увидела дракона вживую, причем сразу золотого. Интересно, он двуипостасный? Внутри все горело и дрожало от пережитого, но пока все обдумать и проанализировать нереально. Наш отряд уносился под защиту гор, подальше от города. Через некоторое время нам пришлось остановиться, потому что Спрату стало совсем худо, а раненые гоблины хоть и держались в седлах, но выглядели скорее серыми, чем зелеными от кровопотери. Я пересела в телегу, Юми вновь скользила рядом с Юдером, уже не таясь держалась за его ладонь, а Тихоню Харель привязал к луке своей лошади. Мансель и Харель весьма сильно удивились, впрочем, как и все остальные, когда я сообщила им, что целительница. В глазах светлых это добавило мне веса и уважения, а марханы и гоблины благоговели. Тяжелораненых оказалось трое, и под конец лечения, привалившись к стенке телеги, я судорожно двигала челюстями, чтобы восполнить энергию. Утомленный Спрат заснул, а гоблины почти позеленели, но пересели в свои седла.

Только глубокой ночью, когда Суар решил больше не тратить на недостойных свой свет и уйти на покой на пару предрассветных часов, мы на скорую руку разбили лагерь и выключились, кто где упал. В эту ночь во сне меня согревал свет золотых глаз, которые исчезли с первыми лучами Дрива. Утром, во время завтрака, ко мне подошел один из исцеленных гоблинов, уважительно кивнул, приветствуя, и неуверенно спросил:

— Госпожа, не будете ли вы так благодушны, чтобы разрешить мне начертать ваше имя на новом кольце в знак удачи... для защиты на будущее?

Я удивилась, пожала плечами и согласилась. А потом с искренним удовольствием наблюдала, как гоблин вытащил из-за пазухи мешочек, а из него золотое колечко. Взял деревянную палочку и, расщепив ее на конце, вставил в щель кольцо. Подержал его в пламени костра некоторое время, а потом вынул и быстро выдавил на нем имя. Затем опустил его в свою кружку с водой и залпом выпил закипевшую воду, даже не поморщившись. Жуть! Быстро выплюнул кольцо изо рта и, проведя им по лысой зеленой голове и под грушевидным носом, который у него буквально лежал на губе, словно в колыбели, вддел в одну из дырок на ушах. Надо же, заранее сделал...

Мой ступор от увиденного прервался словами Юдера, который до этого зорко следил за тем, чтобы Юми побольше ела, подкладывая ей из своей тарелки кусочки мяса.

— Занятный обычай! Но по опыту знаю — во всем есть свой смысл и резон.

Я лишь кивнула, бросив в последний раз взгляд на довольного гоблина, которого в этот момент обступили товарищи и поздравляли с прибавлением удачи. Сиурей стоял в сторонке, но к моему удивлению, и он смотрел на подчиненного довольно, словно тот только что нашел кучу золота для своего отряда. Действительно занятно...

Мой рассеянный взгляд случайно поймал выражение черных глаз Ксиона, искоса наблюдающего за своей внучкой и любимым учеником. Заметно, что он мысленно уже благословил этот союз и удовлетворенно потирает ручки. А может и правнуков уже качает на руках... Приятная мысль заставила улыбнуться, что не ушло от внимания старого шамана и он, поняв, что я заметила его взгляд и догадалась о его мыслях, потемнел от смущения.

— Я рада за них! — сказала ему шепотом, чтобы слышал только он.

Ксион расслабился и, заглянув мне в глаза, тоже тихо пробормотал:

— Эта миссия для них, чтобы мои внуки и правнуки жили долго и счастливо, а мой народ помнил о прошлых своих заслугах. Мы вырождаемся и слабеем...

— В наших силах все исправить, просто нам надо дойти!

— И мы дойдем! Сами боги нам в этом помогают. Хвала Стретеру!

— А остальным... Высшим?

— Марханы чтят только Великого Стретера, и он отвечает на наши молитвы. Хотя остальных мы тоже никогда не обижаем и не хулим, в отличие от все тех же светлых!

— Понятно-о-о...

— Пора в путь, Дрив уже высоко, и время наше не безгранично.

Ксион, побряхтывая, поднялся и я тоже. Все же дальняя дорога выматывает даже не физически, а морально.

Посмотрела в сторону, куда лежал наш путь. На горизонте высились горы, упиравшиеся снежными вершинами в розоватое небо, а низко нависшие облака, ярко расцвеченные Суаром и Дривом, застревали между пиками. Ксион сказал, что они называются Драконьи горы — уголья крылатых. За ними земли эльфов, ранее принадлежавшие марханам, но ушастые слишком потеснили за последнее время своих хвостатых соседей.

Мы уже двое суток шли по редколесью, все дальше и выше забираясь в горы. Все время казалось, что за нами следят, но никаких признаков этого я не заметила, да и остальные вели себя спокойно и расслабленно. И лишь я постоянно всей спиной и затылком ощущала чей-то пристальный голодный взгляд, от которого мурашки без конца бегали по коже.

Короткие толстые стволы невиданных раньше деревьев, похожих на русские елки, только вместо иголок тонкие голубоватые листики-стрелки, обхватывали высоко выступающими на поверхности корнями глинистую каменистую почву. Сначала незнакомое мне сочетание растения и камня поражало воображение, но вскоре я привыкла к нему, так однообразен был пейзаж. Дрив в Драконьих горах был не частым гостем и лишь на верхушках разливал по серебристому небосклону свой красноватый свет. Зато Суар с неизменной красной короной и голубовато-серебристым ликом занимал все свободное место и, казалось, наваливался на нас своей массой. Прошло уже больше трех месяцев, как я в этом мире, а к виду Суара над собой привыкнуть никак не могу. И не важно, что я пережила, где нахожусь и кем являюсь. Все равно, вид небосвода и двух космических тел над головой оказался столь непривычным и зрелищным, что казался кадром из какого-нибудь фантастического фильма. Сумерки здесь наступали так же резко, стекая с горных вершин самой Тьмой и укрывая землю словно одеялом.

— Ненавижу горы! Здесь всегда промозгло и... неуютно. И все время кажется, что за мной наблюдают чьи-то глаза.

Мансель едущий рядом со мной поежился, бросив подозрительный настороженный взгляд в небо, а потом медленно обвел глазами огромные валуны и деревца вокруг нас. Харель, который двигался впереди, обернувшись, бросил на меня внимательный взгляд и осторожно произнес, привычно откидывая серебристую косу назад, открывая мне взгляд на практически черное лицо и тонкий профиль светлого эльфа:

— Вы тоже это чувствуете? — я лишь кивнула на его вопрос.

— Может это кто из ваших, хм-м-м, родственников-драконов?

Я пожалала плечами и, не подумав, брякнула:

— Да я понятия не имею. Я их никогда не видела вживую, золотой дракон, который спас нас, первый из увиденных... — в этот момент я захлопнула рот, но было уже поздно. Слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Мансель подозрительно уставился на меня.

— Вы полукровка... дракон, но никогда их не видели? А...

— Я это обсуждать не хочу, Мансель. Так жизнь сложилась, но что-то мне подсказывает, что скоро я наверстаю упущенную возможность и познакомлюсь с ними. Главное успеть закончить свои дела до этого...

— Госпожа, впереди речка, и мы можем остановиться возле нее.

Юдер скользнул ко мне и вопросительно посмотрел, ожидая решения. Они за время путешествия уже довольно хорошо изучили мои привычки и страсть к купанию, и приняли к сведению. А особенно тот факт, что даже если не умоюсь перед сном, у меня стремительно падает настроение. Поэтому новость меня изрядно порадовала.

Впереди показалась весело бегущая горная речушка с пенными барашкам на больших валунах, которые ей пришлось огибать, неся свои воды в долину. Еще большее удивление и радость охватили меня, когда я заметила, как пара похожих на нашу форельку рыб, чуть ли

не на перегонки перепрыгивали валуны, вновь ныряя в воду.

— Слава Стретеру, его милость к нам бесконечна. А то я уже устала жевать вяленое или жареное мясо, и кашу. А сегодня вечером у нас будет рыбка. — Юми остановилась на берегу ручья и, опустив в воду кончик синего хвоста, лениво гоняла там волны, мечтательно сообщив о своем желании.

Юдер подполз к ней, и я заметила со смешком и внутренней радостью, как их хвосты в воде сплелись, а потом и взгляды встретились. По размякшей синей суховатой физиономии Ксиона стало понятно — он сие отметил, да и особенно как между молодыми марханами, замершими друг напротив друга, словно искрит от полыхающего желания.

Юдер взял ладошку Юми в свою и, погладив пальцем ее тонкое синее запястье, проворковал:

— Сегодня, милая, я порадую тебя вкусной рыбкой.

— А меня? Я тоже люблю рыбку! — игриво спросила, ухмыльнувшись и передразнивая его голос.

— Ну, для вас порыбачим мы с Харелем, моя Повелительница!

Мансель материализовался рядом, слишком близко, как мне показалось, прижимаясь к моей спине. Я даже неосознанно передернулась, что не укрылось от него. Он приподнял брови и хмыкнул, но не обиженно, а с пониманием. Тихо пробормотал только для моих ушей:

— Мне понятна ваша реакция, Повелительница. Мой брат, похоже, забрал твое сердце себе. И я одобряю твою верность.

Я повернула к нему голову и с ехидным смешком отпарировала:

— Да ты что? Спешу тебя огорчить, но твой брат мне не интересен. Я не мазохистка, и в жертву оставшуюся вечность играть не тянет. Да и староват он для меня больно... Я, наверное, подожду, вдруг ты поумнеешь, когда подрастешь... — Харель не выдержал и хмыкнул, безуспешно пытаясь скрыть смех, а я закончила, стрельнув взглядом из-под ресниц: — Или вот на Хареля клюону... Он, по крайней мере, настоящий мужчина, без всяких оговорок.

Вышеозначенный мужчина, округлив глаза, недоуменно уставился на меня, Мансель напрягся и побледнел, а затем выдавил:

— Повелительница, Харель, конечно, настоящий воин и достойный светлый, но он Эр и совет никогда не одобрит вашего союза. Пока на тебе корона светлых!

Харель внимательно посмотрел на Манселя, похоже его удивило, что младший принц высоко оценил его. Я же, зная, что меня понесло, и неправильно это, остановиться уже не могла:

— Мансель, я ваша Повелительница! Истинная и выбранная самым древним артефактом светлых. Как ты думаешь, будет ли меня волновать, что там скажет ваш совет, если решу выбрать себе мужа?! А насчет эра и эса... Харель, какой цвет шаури тебе нравится? — ой, и что же я творю-то.

Он нахмурил свои серебристые брови, блеснув черными как полночь глазами и тихо ответил:

— Повелительница! Шаури носят только эсы, все остальные своих цветов не имеют.

Я хмыкнула и мысленно махнула рукой. А почему бы и нет... Гулять так гулять! Воздух тут пьянит, что ли?

— И все-таки, какой цвет тебе нравится?

Он нахмурился еще больше, а Мансель все сильнее темнел лицом и сверлил меня взглядом.

— Лиловый, Повелительница!

— На этот цвет кто-нибудь еще имеет право из высокородных эсов? — решила удостовериться на всякий случай.

Харель только покачал головой, но в его глазах такой пожар разгорался, что меня буквально распирало от веселья и желания сделать что-нибудь из ряда вон выходящее. И похоже, он прочел это в моих глазах, впрочем как и Мансель. Принц неуверенно переводил взгляд с меня на телохранителя, который натянутой тетивой застыл напротив. Потом сказал:

— Это невозможно... То что ты задумала — просто невозможно... Больше трех тысяч лет в совет не входили новые члены. Еще один цвет шаури может появиться, только если истинный Правитель изберет достойного... — он замолчал, уже совсем круглыми глазами посмотрев на корону на моей голове и, выдохнув, закончил: — Проведет обряд наречения. Только тогда родовой цвет воссияет над очагом достойного клана.

— И что, это так сложно? Провести обряд?

Мансель уже хватал ртом воздух словно рыба, вытащенная из воды, зато Харель осторожно произнес как сапер над миной:

— Вы, как Повелительница, наградите своей кровью мой родовой перстень и наречете его Лиловым Домом. Но перед этим лично вплетете в мои волосы шаури. Если наречение пройдет успешно, оно окрасится в свой родовой цвет, как и полотно-герб над очагом моего клана. Тогда все светлые узнают, что истинная Повелительница Светлых вернулась в этот мир, а мой род навечно будет признан высокородным. Будет признан богиней Алоис!

— Тогда Беартиль станет моей нареченной по закону светлых! — Мансель очнулся и с нажимом посмотрел на Хареля, а я удивленно — на него.

— Ты это о чем, младшенький?

Харель, не глядя на меня и высокородного, смотрел в сторону гор.

— Моя сестра Беартиль и наш второй наследник любят друг друга, но совет не дал добро на их брак. Это мезальянс!

А у меня словно крылья выросли. Значит это действительно судьба! Любовь — это святое!

— Ну и что? Где новое шаури брать будем?

Оба мужчины пристально посмотрели на меня, все еще не веря в то, что я хочу повернуть. До этого прислушивающиеся к нашему разговору марханы и гоблины полукругом вставшие вокруг нас, тоже, открыв рты, смотрели на меня. А я вспомнила одно обстоятельство и быстро подошла к Серому, снимая с него свой рюкзак. Даже Тихоня, смиренно стоящая рядом с мерином, покосилась на меня удивленным взглядом. Судорожно порылась в рюкзаке и, отыскав там нужную вещь, с радостным вскриком вытащила мешочек. Развязав тесемки, осторожно вытащила длинную, похожую на украшение Делиаля тесемку, с привязанными к ней белесыми камешками. Это я в пику ему купила, а камешки под цвет своей короны и кольца выбрала. Осторожно распутала кожаную тесьму и повернулась к крайне заинтересованным моими действиями спутникам.

Вот теперь вижу, что они все, наконец, поверили в реальность моих намерений и напряженно следили. Харель посерел от волнения, Мансель смотрел на меня с лихорадочно горящими глазами. Ксион осторожно спросил, обращаясь ко мне:

— Алев, ты уверена, что это не помешает нам... Что магия светлых не навредит тебе?

Замерев, я повернулась к Манселю и спросила, глядя ему в глаза.

— Это безопасно для меня?

— Да! Вам это не навредит.

— А это не приведет меня к каким-либо обязательствам по отношению к Харелю, его клану или еще чему-нибудь?

— Нет, Повелительница! Это... лишь ваша добрая воля и огромная милость к роду Эр Таре.

Повернувшись к Ксиону, пожала плечами и попросила Хареля:

— Ты такой высокий... Придется тебе встать на колени, чтобы я смогла заплести косу и шаури вставить.

Харель буквально рухнул передо мной на колени, я поморщилась, представив каково его коленям.

— Пока заплетаю, ничего говорить не надо?

— Нет, просто представьте, что это шаури... живое и лиловое, и что он весь окутан им...

— А ты откуда знаешь?

Мансель помялся, а затем смущенно ответил:

— Папа рассказывал, что он присутствовал на подобной церемонии. Великий Сиаларель своей милостью облагодетельствовал род Красных и рассказал тогда об этом моему отцу. Папа так же спрашивал Повелителя...

Я улыбнулась и начала расплетать серебристые косы Хареля.

— Мансель, тут работы непочатый край. Позаботься пока об ужине и ночлеге.

В итоге, у меня ушло не меньше часа на плетение косы с 'живым' шаури, как я себе это представляла. Потом Харель поднялся, словно находясь под гипнозом, я, сморщившись от боли, уколола палец и несколько капель накапала на темный тусклый камень в кольце Эр Таре. А затем громко и очень сильно желая этого и одновременно опасаясь, может ничего не получится, торжественно произнесла:

— Нарекаю Эр Таре высокородным Лиловым Домом Эс Таре! С сегодняшнего дня и да будет так вечно! — немного пафоса не повредит.

Ого, как они все замерли и смотрят на нас с Харелем. Мгновение ничего не происходило, и мужчина так и стоял с протянутой рукой и окаменевшим лицом. В следующий момент я почувствовала, как корона и перстень потеплели, затем моя кровь медленно, шипя впиталась в кольцо Хареля, и камень засиял чистым искрящимся лиловым цветом. Искорки от него разбежались сначала по тыльной стороне его ладони, а потом распространились по всему телу. Вот они добрались до серебристой косы и словно голодные набросились на белесые камешки, окрашивая их в лиловый цвет. Последний камешек в шаури вспыхнул и погас, а тишина вокруг огласилась восторженным вздохом и взорвалась счастливым воплем Манселя.

— Беартиль моя! Отныне только моя! И никто не смеет мне в этом помешать! — кто о чем, нет, чтобы сперва поздравить надежного телохранителя. Все-таки младшенький он еще. 'Отныне Эс Таре' медленно опустился на колени передо мной:

— Лиловый дом Эс Таре никогда не забудет вашей милости и всегда будет на вашей стороне, Повелительница.

Он взял мою ладонь в сильные черные руки и поцеловал ее внутреннюю часть, невольно вызвав этим дрожь в моем теле. Похоже, с целомудрием я затянула... Потом медленно

поднялся, отряхнул колени и как ни в чем не бывало добавил уже наставительным тоном:

— Но советую такими милостями больше не разбрасываться! И не одаривать кого ни попадя!

Я в ступоре посмотрела на него, а потом расхохоталась во весь голос, утирая текущие от смеха слезы. Вслед за мной засмеялись все остальные. Лишь Ксион, Сиурей и сам Харелл укоризненно качали головами, глядя как мы дружно покатываемся от смеха. Утирая слезы и всхлипывая, похвалила:

— Знаете, Харель с вами я не прогадала! Вы в полной мере достойны своего шаури! И я рада, что именно я это разглядела!

Мансель успокоился и пожал плечами:

— Дело в том, что только истинный Повелитель, кого приняла Пресветлая Алоис, имеет право возвысить род и подарить шаури! А Сиаларель исчез более двух тысяч лет назад и по до сих пор неизвестной причине. Мой отец занял его место лишь спустя три сотни лет из-за возникших раздоров за Светлый Трон и внутриусобных войн. Лишь он один смог объединить всех, прекратить войну и привести наш народ к миру, но возвысить чей-то род может только истинный... Повелитель!

Я посмурнела, осознав какое на меня свалилось обязательство! Править сама я точно не буду, да и не в силах, как правильно заметил Делиаль, сохранить и удержать этот пресловутый трон, а вот подобрать короне истинного правителя могу попробовать. Пусть только Высшие подскажут, а еще лучше пальцем покажут, чтобы не ошибиться нечаянно!

— Может поужинаем? А? — заинтересованно сообщила, заканчивая откровения второго наследника, чтобы окончательно не испортить настроение свалившимся грузом ответственности. Мне бы с текущим мероприятием закончить.

Сиурей дернул своим носом-грушей, недовольно рассматривая всю нашу компанию. В итоге, мы дружно занялись ночлегом и ужином. Пока с огромным удовольствием ели рыбу, в большом количестве наловленную гоблинами, которые даже соревнование устроили, кто больше поймает, оживленно болтали на разные темы. Так я выяснила, что в этих горах, несмотря на прожорливых драконов, водится много вкусной живности, а реки просто кишат рыбой.

Мои летучие сородичи выбрали место для своего проживания и тщательно оберегают его от остальных. Здесь не селятся люди и другие расы, лишь быстро проходят по узкой тропе, вьющейся между гор, пересекая ущелье. В условленном месте оставляют пошину за проезд по территории, причем никто не стоит на границе с проверкой, и каждый сам оплачивает свой проезд, но если драконы заметят обоз или путника, а в условленном месте не будет положенной платы, на милосердие лучше не уповать, поэтому и платят все. Слишком жуткие истории ходят про драконов и тех, кто пытался их обмануть или обокрасть. В этих горах никогда не грабят и не убивают, если только драконы не наказывают своих обидчиков. Потому что за любое преступление на их территории, крылатые могут заживо содрать шкуру, а потом вывесить в назидании другим на своих границах.

Мне рассказывали все эти истории, а потом, вспоминая кто я такая, на мгновение замолкали, бросая задумчивые взгляды. А я по крупницам собирала информацию об этом мире и о своих возможных родственных связях. Я не определилась со своей жизненной стратегией, после того как эта миссия закончится. Не знала, что буду делать, куда пойти и, вообще, как жить дальше, и это беспокоило! Еще как! Мне до отвращения надоела неопределенность, с которой я прожила последние пятнадцать лет и продолжаю жить

сейчас, даже попав в другой мир, или как оказалось, вернувшись на родину моих родителей.

Кто я? Темная эльфийка, ненавидящая своего деда, который погубил мое детство и убил родителей из-за ненависти и обиды к своей почившей жене? Красная драконица, которая может только чешуей обрастать и мало того, что не умеет летать, так еще и боится до ужаса? Неудавшаяся женщина-человек, которая хочет жить в тепле любимых рук? Тепле, о котором я ничего не помню и в своей сознательной жизни, никогда не испытывала. Как много вопросов без ответов у меня в голове, мешающих жить и уверенно смотреть в будущее!

Протянула руку к огню и с восхищением и любовью глядя, как пламя словно живое скользнуло к ладони, а потом впиталось в кожу, разбегаясь по венам и согревая изнутри, даря так необходимое телу и душе тепло.

А ночью уже привычно снились золотые глаза, которые не отпускали, не давали отвернуться. Пару раз я просыпалась от ощущения, что большая горячая ладонь касается щеки, а потом нежно скользит, зарываясь в пламя моих волос. Во второй раз, когда это стало ощутимо, я резко открыла глаза, просыпаясь, но огонь костра на мгновение ослепил, а когда глаза привыкли, я заметила, как чернота качнулась за порогом света, где начиналось царство ночи. Сердце грохотало как сумасшедшее, я села, погладила горящую щеку, все еще чувствуя чужое прикосновение. Неужели это всего лишь сон и мое богатое воображение?

Филя пошевелился, видимо он тревожился, но его сон был столь крепок, что не дал хозяину проснуться. Странно! Погладила своего побратима, зарываясь в его мех, и сразу почувствовала, как он успокоился и затих. Тихоня с Серым стояли вместе с лошадьми гоблинов и светлых. Прядали ушами и, склонив головы, спали, иногда переступая с ноги на ногу. Темнота и тишина нарушались лишь стрекотом насекомых и треском поленьев в костре, возле которого спиной ко мне сидел гоблин Осиил. Он не спал и ворошил поленья, потом взял и подложил еще одно, и костер, взметнув искры вверх, осветил все вокруг всплеском голодного огня.

Снова закрыла глаза, устало кутаясь в одеяло и укладывая голову на рюкзак. Сон вернулся неохотно, прокравшись сквозь тяжелые мысли и тревогу.

Лучи Дрива все никак не могли разогнать серость, и неприятное утро грозило вылиться в пасмурный день. Завтрак закончился, и маршаны быстро сворачивали лагерь, который впервые за столько дней путешествия был спокойным, сытым и даже уютным. Все без суеты, но довольно споро собирали вещи и готовились сесть в седла.

Внезапно Филя зарычал, вставая передо мной. У меня по коже побежали искры от напряжения, и каждый маг в нашем отряде явно почувствовал сильное магическое возмущение. В пяти метрах от нас пространство разрезала кривая, которая быстро расширялась, превращаясь в широкий проход, из которого стремительно вышли девять человек. Они держали руки ладонями в нашу сторону, показывая, что безоружные, но мои спутники, все как один, сделали шаг назад, при этом стараясь не делать резких движений. Харель встал перед нами с Манселем, прикрывая своим телом. А я рассматривала прибывших до тех пор, пока не показался десятый и последний из этой странной дыры, которая тут же исчезла, стоило ему оказаться с нашей стороны.

Рассмотрев его внимательнее, задохнулась. Он сразу нашел меня взглядом и направился в мою сторону, а я почувствовала, как горячая слеза скатилась из уголка глаза, пробежала по щеке и упала вниз.

Очень высокий, с короткими пламенеющими волосами, тонким носом с горбинкой, и пухлыми губами. И уже знакомые, родные и любимые глаза янтарного цвета. Мои глаза!

Я не выдержала напряжения и глухо спросила, не веря своим глазам.

— Папа? Папа, это ты?

Мужчина словно споткнулся, замерев на мгновение и не отрываясь глядя на меня невероятно теплыми глазами. В них полыхнуло удовлетворение, не измеримое счастье и... благодарность. Ускорил шаг и через секунду замер рядом, бросил короткий, полыхнувший огнем взгляд на Хареля, и тот шагнул в сторону, заодно отодвигая от меня и Манселя. Теперь мы стояли лицом к лицу в окружении настороженных мужчин и спрятавшейся за спину Юдера Юмихии.

А я смотрела в казалось бы, такое знакомое лицо, но уже неосознанно качнула головой, признавая свою ошибку. Этот мужчина явно старше моего отца, не внешностью, а мудростью и опытом отражавшимися в его глазах. В очень усталых глазах. Пара скорбных морщинок разбегалась от крыльев носа, а уголки рта смотрели вниз — не привык улыбаться. Лицо чуть более тонкое, чем у моего отца и даже можно сказать породистее. Я поняла, кто передо мной, а он заметил мое узнавание. Тепло из его глаз не исчезло, к нему прибавилась невыразимая нежность. Он так жадно изучал мое лицо, что у меня у самой защемило в груди. Трудно назвать его дедушкой, но как по-другому назвать, я не знаю. Заглядывая в его темно-янтарные глаза, выдохнула полувопрос-полуответ:

— Дедушка... Санренер?

Он немного расслабился, потом медленно прикоснулся к моим волосам на виске, провел по щеке. Погладил и вдохнул мой запах, прикрыв глаза.

— Для тебя именно так! Моя девочка! — Чуть склонил голову вбок, по-прежнему пристально изучая мои черты странными глазами со змеиным зрачком. — Ты похожа на них... на моего сына особенно. Моя плоть и кровь! Я все же нашел тебя, как и поклялся своему сыну на месте их гибели! Больше не отпущу!

Последние слова были сказаны жестким, бескомпромиссным тоном, что заставили меня сделать шаг назад от него, от чего в его глазах вспыхнула боль.

— Прости, дедушка, но мне надо закончить одно дело, прежде чем влиться в свою крылатую семью.

— Мы поговорим об этом дома!

— Дедушка, послушай...

— Нет, разговора на эту тему быть не может. Я потерял всех кого любил, больше подобного не повторится.

— Тогда прости меня, — подняла руку, жестом убеждая выслушать меня, — но я с тобой никуда не пойду. Меня вернули в этот мир с определенной целью. В этом я уверена. Мне даровали знание и возможность выжить в этом мире, а за это взяли клятву спасти других. Ты любил и поймешь, о чем я говорю. Ты потерял сына, а Камос-маг, которому я поклялась выполнить его последнее желание, может потерять весь свой народ, если я обману его и не сдержу обещания. Я предаю сама себя, а не только его, дедушка. Ты бы смог предать друга и учителя, исполнившего заветную мечту, кто помог обрести смысл в жизни?

Он посверлил меня янтарными глазами, наверняка в борьбе с собой. Потом выдавил:

— Хорошо! Я понимаю тебя...

— Алев! Так меня назвал отец, Суорен Красный!

Санренер потемнел, а в глазах снова вспыхнули боль и тоска:

— Перед тем как они покинули этот мир, он спросил, как бы я назвал свою дочь, если бы она у меня была? Я сказал — Алев! Я не знал, что он где-то взял артефакт перемещения по мирам... Он все хотел решать сам... мальчишка! Я бы все сделал для него, а он не доверился, поторопился... Мой мальчик... Ему всего пятьсот лет тогда исполнилось, вся жизнь была впереди, а он встретил ее... твою мать... Совсем девочка, чуть больше сотни лет, но такая одинокая, забитая. Ты похожа на нее, но лишь немного, внешне. А характером — в моего сына. Они пару раз появлялись на Лайваносе, она хотела наладить отношения с семьей, но в первый раз их только чудом не поймали, а во второй... Мне доложили, что она хотела переговорить с дядей... Дэном. Их поймали, продержали столетие в подвале... Собственный отец измывался над своей дочерью на глазах моего сына, таким образом пытая его. Чудовищная по своей сути пытка... Тогда мы чудом спасли их, и я впервые познакомился с ней. Они прожили с нами несколько лет, а потом ее обманом выманили, сказали, что Дэной умирает и ему требуются ее способности целителя... Тогда они использовали последнюю возможность артефакта и ушли насовсем в другой мир. Но этот проклятый Темный, нашел среди своих Черного колдуна, который уже давно продал душу Тьме и создал портал. Родовым перстнем Фаотей вытащил ее обратно на Лайванос, а заодно и тебя с моим сыном, как мне потом сообщили. Я не знал верить этому или нет! Про тебя никто не знал, мне сообщили, что был ребенок. Их ребенок! Их ждали... и они в тот раз не смогли уйти... живыми. Только тебя спасли!

Он помолчал, собираясь с силами, я стояла и тихо роняла слезы, слушая.

— Мы нашли и заставили ответить за смерть моего сына фактически всех, кто в этом участвовал. Роду Штерназия повезло, что Фаотей... Что Дэной давно принял бразды правления кланом, а тот помешавшийся Темный заставил пойти на убийство красного дракона только тех, кто обязан ему кровью. И твой дядя не знал о последнем покушении и убийстве! Это спасло ему жизнь, но его отец... эта Темная тварь так хорошо спряталась, что мы уже пятнадцать лет ищем его и пока безрезультатно! Но у меня впереди целая вечность, и

его чуело скоро украсит мое гнездо...

Он снова замолчал, сделал шаг ко мне и, нависая всем телом, снова коснулся ладонью моей щеки. Потом хриплым голосом произнес:

— Дай мне возможность помочь тебе, защитить!

Я медленно подняла руку и положила свою ладонь на его, крепче прижимая к своей щеке.

— Посмотри, как нас много. Каждый из этих марханов отдаст за меня жизнь. Эти гоблины мои друзья, а не только наемники. Эти светлые связаны со мной клятвой верности, да и я теперь Повелительница светлых... — я улыбнулась, заметив как взметнулись брови моего дедушки. — Мы должны снять проклятье со светлых и вернуть долголетие марханам. На Лайванос должно вернуться равновесие. Сами Высшие мне в этом помогают...

— Что вы должны сделать?

Жесткий голос Санренера был обращен скорее к Ксиону, отчаянно решающему что делать, если мне не удастся договориться с родственником. И чувствую я, глядя на его хмурое синее лицо и до скрежета сжатые клыки, что он готов сражаться за меня и с драконами!

— Добраться до Дома Предков в Закрытом городе, в проклятом городе, пока туда не будет возвращено 'Сердце Марханов', - поспешила ответить я.

Санренер мгновение думал, потом выдал:

— Ну что ж, несколько пространственных прыжков — и мы на месте, если вы знаете дорогу. Поможем сократить ваш путь.

Ксион нахмурился еще сильнее, но очень осторожно предупредил:

— Если доставите до Эйнера, будем благодарны! А дальше смогут провести лишь наши жрецы. Путь скрыт от всех и только им ведом. Проклятье оказалось столь мощным и непредсказуемым, что накрыло куполом весь город, туда не пройти чужакам. А за куполом... там, хм-м-м, немного опасно, если сойти с тропы. Или ошибиться с выбором переноса... Но жрецы проведут безопасной дорогой.

— Тогда я не могу....

Поймала взгляд своего деда, уже явно намеревавшегося отказать в исполнении моего задания.

— Я никогда не предам! И твоего согласия мне не требуется!

— Тебе двадцать семь лет, девочка. В этом возрасте у нас только впервые из гнезда вылетают...

— В двенадцать лет я оказалась в другом мире. В одной рубашке, не зная языка, жизни... и самое ужасное — без памяти о прошлом! Совсем! Я выжила, дедушка, выжила в очень суровых условиях. Чуть меньше четырех месяцев назад я погибла в том мире. Но так случилось по воле богов, что мне вернули жизнь и тело, чтобы я вернулась сюда... Дали второй шанс на жизнь! Но память не вернули, огонь выжег ее полностью в первый раз. Маг-мархан научил меня всему, что я пока знаю о жизни здесь. Рискнул всем, но вернул мне память о родителях. Частично. Но хоть немного знать, что меня кто-то любил... — от накала эмоций прервался голос, нет, нельзя плакать. — А взамен попросил дать второй шанс на жизнь его народу... И я поклялась! Я выросла как человек, дед, и в двадцать семь готова ко всему, не стоит думать обо мне как о ребенке. Я вернусь к тебе, как только раздам долги!

— Алев, я предлагаю компромисс... ты проживешь месяц со мной, а потом я доставлю вас куда смогу, и сам отправлюсь с вами. С тобой! Лишними и обузой мы с моими ребятами

точно не будем!

Я колебалась, потому что видела — этот... крылатый дедушка со змеиными глазами явно пойдет на все, чтобы уберечь меня, как он считает нужным, несомненно. И нужно пойти на компромисс, но какой?

Повернулась к Ксиону, который замер как соляной столб. Глянула на остальных, и они готовы к любому исходу разговора. Светлые нарочито расслаблены, но это еще хуже, у Хареля, вон, веко дрожит от тщательно сдерживаемых эмоций... Повернулась к деду снова:

— Пообещай, что вернешь меня к ним через неделю! И если я попрошу, сможешь с переносом в Эйнере, мы должны будем навестить путь. И так слишком затянулся.

Напряженные плечи дракона расслабились, будто он получил больше, чем рассчитывал, а я мысленно дала себе оплеуху. Видимо плохо просчитала его...

— Обещаю! Вернуть через неделю и помочь всем, чем смогу... тебе! — чуть повернул голову к остальным. — Пока нас не будет, можете двигаться к выходу с наших территорий... Бесплатно, так уж и быть.

Хмыкнув на замечание дедули, я подошла к Ксиону и, твердо глядя ему в глаза, пообещала:

— Я вернусь, обещаю, вернусь через неделю, и мы ускоримся... с выполнением миссии. Все же лучше пару дней отдохнуть, а потом прыгнуть до самого Эйнере, чем идти по Лайваносу и нарываться на неприятности. Только не волнуйтесь и отдохните... Я обещаю, вернуться через неделю, не позже! — последнее сказала больше для деда.

Он усилием воли разжал кулаки на вытянутых по швам руках, а потом положил ладонь мне на плечо и глухо ответил:

— Я все слышал... и понял! Я понимаю девочка, и твоё желание и его... Пообщаться и узнать друг друга. Твое слово... Мне достаточно. Встретимся на той стороне, я верю тебе, Алев... Красная!

Я не сдержалась и крепко обняла его, потом кивнула и помахала рукой остальным. Свистнув Фильку и подхватив свои вещи с Тихони, ринулась к Санренеру. Он перехватил рюкзак, одарил внимательным взглядом Ксиона, кивнул ему и, взяв меня за руку, пошел от нашей компании. Один из драконов нарисовал пасс рукой, второй — еще один, а потом открылся портал в который по очереди вошли драконы. При чем я с закрытыми глазами и пиная под зад упиравшегося мархуза. Ох, чувствую, Филя мне еще припомнит этот свой страх.

Мы оказались в большой долине с ярко-зеленым, мягким, широким ковром травы, расстилающимся куда глаза глядят. Словно большая чаша в окружении гор, которые многочисленными скалистыми уступами уходили ввысь. И в этих стенах, вернее в расположенных в них пещерах жили драконы. Горы пестрили тропинками, пологими кривоватыми ступенями, площадками, на которых тоже виднелась трава. Даже речушка имелась! Но главное — это драконы, которые разглядывали нас, сидя на ступенях возле своих пещер или парили над нами, или, как уже знакомая рыжая парочка близнецов из таверны, с ухмыляющимися физиономиями стояли поодаль, наблюдая за нами.

— Здесь живут все красные драконы?

Я приподняла лицо, заглядывая в глаза Санренера, который только крепче сжал мою ладонь, отвечая:

— Нет! Эта долина принадлежит моему клану... нашему клану, но другие кланы тоже владеют подобными долинами, которые раскиданы по всей территории Драконьих гор. И к моему величайшему сожалению, кланов не так много как раньше. Всего двадцать один и наш самый многочисленный.

Филя продолжал рычать и наваливаться всем своим немалым весом на мои ноги.

— Моего побратима не тронут? Ему здесь можно ходить везде... безопасно?

Дед кинул взгляд на моего друга, внимательно оглядел и, улыбаясь, сказал:

— Покажи ему, что мы все одна семья! И он теперь тоже. — Ни сколько не опасаясь оскаленных клыков мархуза, потрепал его по голове. — Он свой и мы тоже. Должен это понять, чтобы не возникло проблем.

Я присела рядом с Филей и, заглянув ему в глаза, передала сказанное Санренером. Филя успокоился, но настороженность не исчезла. Хотя теперь он вновь принял привычный независимый вид, сидел, помахивая хвостом и вывалив язык. Дед усмехнулся и, снова потрепав его за ушами, похвалил:

— Хорошего друга ты себе нашла. Расскажешь, каким образом?

— Я все что хочешь, расскажу, но и тебя завалю вопросами!

Дедушка-дракон окатил меня нежным взглядом, приобнял за плечи и прижал к себе. Довольно вздохнул и тихо сказал:

— Я счастлив, Алев, что сын подарил мне тебя! Я расскажу обо всем, что знаю, или ты захочешь узнать!

Всеми фибрами своей души почувствовала, как меня переполняет счастье. Вот она, моя семья! Я нужна им, и меня любят просто так, за то что есть. Обвела взглядом долину, а потом начала краснеть, смущаясь все сильнее. Вокруг нас собиралась куча, нет, даже толпа мужчин. Не менее сотни, если точнее, и каждый из них сейчас производил впечатление голодного дракона, увидевшего тучную бесхозную корову. Бр-р-р! Они буквально ели меня глазами, напряженно разглядывая. Отличались друг от друга как небо и земля, хоть и рыжие, правда, разных оттенков. Я попала в царство ярких, красивых, рыжих драконов!

От откровенных взглядов становилось жутко не по себе, и я все сильнее прижималась к дедушке. Он это почувствовал, обвел тяжелым взором своих клановцев и толкнул речь прямо тут. Коротко и весьма доходчиво!

— Так, это моя внучка Алев! Кто дотронется без разрешения... ее или моего, останется

без хвоста и крыльев!

Драконы прониклись, но расходиться не спешили, только проход нам организовали к узкой дорожке наверх к одной из пещер. Пока мы туда шли, я поняла, что уж лучше научиться летать, чем таскаться так каждый день.

На одной из площадок нас накрыла огромная тень, я вздрогнула всем телом и задрала голову. Над нами пролетели двое огрызающихся друг на друга зеленых дракона. Один из них, завидев нас, последний раз рыкнув на своего соперника, камнем упал вниз, спланировав затем на площадку над нашими головами. Я занервничала, потому что помнила классификацию драконов из учебника. Магии нет, полуразумные, непостоянные и вечно голодные! Меж тем, владелец зеленой морды с ехидным выражением в желтых глазах, высунувшись из-за выступа, ждал, пока мы доберемся до него.

— Э-э-э, а как правильно к тебе обращаться... Санренер или дедушка? Или есть еще имя, которого я не знаю?

— Нет, родная моя. Других нет... для тебя. Мне будет очень приятно, если ты будешь называть меня дедом, это полностью отражает наше родство, да и просто приятно...

— Тогда, дед, а что это за зеленая морда, которая с таким голодным интересом нас рассматривает? Я думала, вы по отдельности живете... Ну каждый со своим цветом...

Он напрягся, а потом, уже вытаскивая меня на площадку с зеленым драконом, сообщил:

— Познакомься, это твой дядя Заак! И это мое, а теперь и твое гнездо.

У меня отвалилась челюсть от шока, а Филя презрительно фыркнул, скользнув мимо нас в пещеру, явно с намерением обследовать будущую жилплощадь, как кот в новое жилье.

— Э-э-э, а в каком смысле дядя? Это твой сын? Зеленый?

Обсуждаемый дракон, смешно ковыляя на коротких, но весьма внушительных лапах, пополз в нашу сторону. Я вжалась спиной в грудь деда, а тот строго произнес, обращаясь к зеленому:

— Она моя! Семья! Трогать нельзя! Иметь нельзя! Хвост отгрызу тебе!

После того, как мой статус обозначили рублеными фразами, стало не по себе. Зеленый приблизил ко мне свою огромную морду размером с Филю и посмотрел желтым взглядом малого избалованного ребенка, который может и понимает, что ему говорят, но ему важны лишь его желания, а остальное он отбрасывает как несущественное и неважное. Из ноздрей вырвался немного вонючий пар, а потом он прижал свой нос в виде внушительного вида щелей к моему паху, вдыхая мой запах:

Я взвизгнула, а Санренер со всего маху двинул зеленому в лоб, от чего желтые змеиные глазки слегка окосели. Но удар возымел должный эффект, и эта наглая морда... моего дяди, убралась подальше, обиженно сопя, а длинный, весьма жесткий хвост чуть не смел нас.

— Да какого... хрена тут вообще происходит?

Мой вопль заставил деда поморщиться. Он подхватил меня под локоток и потащил в гнездо, которое скорее на огромную пещеру походило. Разделена на две части, судя по всему для двух существ драконов. Одна — голая внутренняя часть горы, испещренная зазубринами от когтей (ну да, прилетел и обернулся как в прихожей разделся), а вторая — богатая и красивая, застеленная коврами, подушками и покрывалами как восточный дворец... Вот как раз в эту жилую человеческую половину меня и привели. Санренер помог удобнее устроиться на подушках и нарисовал над столом магический знак. Полный восторг — поверхность завалило едой и напитками. О-о-о, уважаю поесть!

— А я так тоже могу... еду создавать?

— Можешь! Но я не создал ее, переместил. У нас в предгорьях есть деревни и таверны, так вот, мы заключаем договора с владельцами и в любое время забираем готовые блюда. Их обязанность проследить, чтобы в положенном месте всегда была вкусная еда... — хорошо устроились крылатые!

Затем он присел рядом и, внимательно посмотрев на меня, активно поедающую фрукт, а заодно делящуюся едой с побратимом, который нагло устроился на одной из подушек, произнес:

— Заак из одного помета с твоим отцом! В наших кланах с каждым годом все меньше рождается самок, большей частью они предсказуемо становятся зелеными...

— Но почему зелеными?

— Потому, девочка, что своих самок нам не хватает, а мы... Мы огненные, Алев, и огонь не зря гуляет в нашей крови. Нам жизненно необходимо любить и быть любимыми, ради этого мы готовы умереть. Слишком долго живем, малышка, и со временем желание обзавестись потомством становится непреодолимым искушением, острой потребностью. Настолько сильной, что мы идем на... Мы берем во временную пару зеленых самок. Но они, как ты видишь, обладают лишь зачатками разумности, и для них нет такого понятия как семья. Родственная память настолько коротка, что остается лишь понятие мать и отец... Они спариваются даже со своими кровными родственниками. Главное, что их интересует это еда и секс. Впрочем, как и многих других...

В семьях красных рождается, не более одного дракона за раз, да и то этого чуда приходится ждать слишком долго... Самки зеленых могут принести помет из двух-трех, но лишь один из них, возможно, будет красным и двуипостасным. Мы не можем определить, почему так происходит. Нам приходится зорко следить за своей непостоянной зеленой подругой, пока она не выносит наше потомство, чтобы не скинула плод или, родив, не бросила на произвол судьбы... Яйца зеленые не высиживают, они их складывают в общем гнезде, а потом подкармливают всем скопом вылупившееся потомство. Поэтому многие из зеленых драконов даже не знают, кто их истинные родители! А мы точно знаем и помним о них. От нашего союза с зелеными чаще рождается один младенец, иногда одно или два яйца. Младенец изначально рождается с двумя сущностями, а те, кто в яйцах... только зеленые и... такие как есть. Но они наши дети, какие бы они не были, и мы их любим. Может не так сильно и всепоглощающе как полноценных, но все же... Мы их выращиваем, а потом они иногда прилетают в место, откуда сделали свой первый прыжок в небо... Как Заак, ну или чтобы пожить, когда голодные...

Я ошарашено молчала, все еще пребывая в шоке от услышанного.

— Значит моя бабушка... зеленая??

Санренер кивнул, скорбно поджав губы.

— Понятно-о-о...

Мы еще долго разговаривали, а потом меня словно ребенка погнали спать. Дед сидел возле моей кушетки, заваленной подушками, в которых я соорудила себе 'гнездо' и впервые почувствовала, что так гораздо приятнее спать, и гладил меня по голове. Нежно, ласково.

— Спи, моя девочка! Завтра будет новый день, и мы будем учить тебя летать! Завтра в моем гнезде праздник — первая самка вылетит из этого гнезда. Моя внучка!

Я приподнялась и чмокнула его в щеку, а потом, зарывшись в одеяло, сонно пробормотала:

— Спасибо, дед, что нашел меня! Я дома и счастлива!

Он молчал слишком долго, лишь тяжело дышал, а потом моей макушки коснулись его горячие губы и тихий шепот нарушил тишину:

— Спасибо Стретеру, что ты есть!

Третий день моих полетов и четвертый — пребывания в драконьей долине закончился неудачно. Для меня! На следующий день после появления здесь, мне устроили торжественный вылет из гнезда... Так сказать!

На самом деле, полдня меня учили оборачиваться, создавая магический кармашек для одежды, чтобы каждый раз голиком не оставаться, а главное, на переодевание не отвлекаться. В первый раз, когда мой лифчик странным образом обвил весьма мощную шею и чуть не задушил меня, дед чуть не помер от страха. А потом смеха! Но попытки обучением продолжил. В итоге, первый полет состоялся лишь к вечеру. Внизу зажгли костры, и красный драконий народ столпился внизу, только семечек не хватает для традиционной картины сельского гулянья, а сверху парили несколько зеленых, которые то дрались, то практически над головами совокуплялись без смущения и тени сомнения, что всем тоже сие интересно.

Столпившиеся вокруг мужчины и даже несколько женщин, одетых в легкие летящие рубахи чуть ниже колена и широкие шаровары веселых расцветок плюс кожаные ботинки и жилетки, посмеивались над моим шокированным видом при виде сего неприличного действия над головами. Затем дед еще раз проинструктировал меня о правилах полета и дал отмашку. Сам же в этот момент обернулся огромным красным драконом. У меня при виде него дух захватило от красоты и мощи, я даже в ладоши захопала от восторга. Филя осторожно присел возле стены, хмуро наблюдая, а я повисла на мощной чешуйчатой шее своего деда. И было слишком хорошо заметно, как он счастлив. Его немного приплюснутая вытянутая голова боднула меня в плечо, подталкивая к краю пещеры. Длинный роговой нарост вдоль позвоночника кое-где топорщился от острых выростов, а хвост длинный и острый на конце словно кинжал. Янтарные глаза засветились удовлетворением, когда я, наконец, обернулась и выползла на свет под общий восторженный вздох мужчин. О-о-о, я даже поверила, что красотка...

Затем расправила крылья, как учил дед, и, глубоко вздохнув, начала. Взмахнула крыльями и оторвалась от поверхности, на мгновение зависнув над пропастью, и... ухнула вниз, охая, ойкая и визжа, покатила вниз, считая каждую ступень и взывая к Высшим. Хоть бы не сломать конечности. Так продолжалось несколько секунд, но тут меня подхватили мощные лапы, и в буквальном смысле как игрушку начали ощупывать, ворочая из стороны в сторону и проверяя на возможные повреждения. Как куклу, ей-богу! Забота дедушки выходит за рамки, но спасибо, что спас от позора рухнуть на головы толпы внизу.

Я думала, что мои мучения на этом закончатся, но не тут-то было. С переменным успехом экзекуция продолжилась дальше... К утру я была не красной, а скорее синей драконицей, от синяков и ушибов, грязная как свинарка, но зато парила над долиной и трубила нелегкую победу. А вместе со мной и сто двадцать членов моего клана! Горы, казалось, содрогнулись от их победного клича!

Правда гневный вопль моего дела перекричал всех, когда какой-то глупый и чересчур наглый зеленый попытался пристроиться ко мне сзади и снять первую пробу. В результате, наглецу попало по самое некуда, а его родителю, который не следит за своим любвеобильным чадом, сделали последнее китайское предупреждение с занесением в

личное дело. Ну это я такие выводы сделала, заметив как и сынок и его родитель быстро пришли в себя и каждый полетел по своим делам.

И вот на третий день полетов я нечаянно потерялась в горах. Хотела спрятаться от деда и пошутить над ним, как бы не так — оказалась одна. Летала я уже более-менее, если ни с кем не сравнивать... Поэтому потихоньку летела, поглядывая, нет ли где своих. Внизу показалось озеро и притянуло взгляд прозрачной голубой водой. Хочу! Я приземлилась, обернулась и растерла уставшие плечи ладонями. Искупаться сейчас самое оно. Разделась до нижнего белья и пошла в воду. Божественно!

И только я расслабилась, рядом со мной, что-то рухнуло в воду, обдав немаленькой волной. Отплевываясь, я выскочила на берег и охнула, пригнувшись от страха. Из воды всплыла зеленая драконья самка, судя по тонкой морде и мелким габаритам. Я быстро напялила одежду, по ходу обсушившись огнем и очень вовремя, потому что над нами пронеслась огромная тень, а в следующий момент рядом приземлился красный дракон. Буквально через секунду передо мной стоял мужчина с морковного цвета шевелюрой. Быстро оглядев меня оценивающим взглядом, очень вежливо кивнул:

— Приветствую, Алев Красную! Я Раневельс Рыжий. Моя... Самка не навредила вам?

Я отрицательно качнула головой, а затем резко повернулась, потому что зеленая, раздраженно пыхтя, выползла на берег, злобно глядя на мужчину.

— Вы ее обидели?

— Нет! — Он недоуменно посмотрел на меня. Потом, видимо что-то вспомнив обо мне, пояснил: — Она злится на меня, что привязал к себе и она, не может сбежать.

— Но зачем? Их же много? Зачем принуждать именно эту?

Раневельс поморщился, словно лимон съел, потом тяжело вздохнул и признался:

— Это моя последняя попытка... У меня уже двое сыновей и оба зеленые. От этой самки. Так получилось, что она вновь понесла от меня, а потом попыталась сбежать. Пришлось привязать к себе магически, а то она подкидывает яйца в общее гнездо, а там с трудом можно найти свое яйцо...

Я вновь испытала шок от этих признаний. Если нет избранной, они хотят детей, чтобы любить их! Тушите свет, сушите весла, а не жизнь у этих драконов... А несчастный, между тем, продолжил:

— Она опять испытывает раздражение и слабость. В этот раз гораздо раньше, чем в прошлый и выглядит слабее, чем обычно...

Я внимательно осмотрела самку, которая лежала на боку, раздраженно похлопывая хвостом по земле, было хорошо видно, что она слаба физически. В голову пришла мысль, и я ее тут же озвучила:

— Вы сможете ее проконтролировать, что бы она мне не навредила? Я целительница и могу посмотреть ее состояние.

Его глаза радостно вспыхнули. Не долго думая, он вновь обернулся в морковного цвета дракона. Мощной челюстью прижал самку за шею к земле, а лапами обнял сзади, сдерживая ее движения и хвост. Удовлетворенно кивнув, подошла к ней и приступила к работе.

Абстрагировавшись от всего, нырнула в свою магию с головой. Плыла по венам, сливалась с органами и тут натолкнулась на чудо. Два зародыша — девочки, явно испытывают дикое магическое голодание. Обе тянули все силы из матери, но та слишком бедна энергетически. Чувствовалось, что обеим зародышам необходима подпитка для правильного формирования и развития. Одна, почуяв мою энергию рядом, накинута

голодным драконом, а вторая только слабо потянулась ко мне. Странно, от нее исходила волна, что-то такое теплое, нежное, родное... Я усилила ток энергии в ее сторону, а еще заметила, что если первая более-менее борется с голодом, то эта девочка начала формировать вокруг себя словно защитный купол... Скорлупу! Скрючиваясь в ней и замирая в развитии. Получив от меня подпитку, она словно распрямилась и засияла, мне показалось, что даже в размерах увеличились обе. Они высосали из меня все, наполнив себя до отказа, и я почувствовала, что этого им хватит, чтобы сформировать правильно свою основу и даже чуть больше.

Я пришла в себя, лежа на чьей-то широкой груди. Открыв глаза, увидела нависшее надо мной испуганное лицо Санренера. Сильно я его своим состоянием напугала. Чуть повернув голову, заметила зеленую драконицу, блаженно жующую окровавленную тушу какого-то крупного животного. Ее уже ничего не волновало...

Раневельс сидел на корточках рядом с нами и с тревогой заглядывал мне в лицо.

— Вашим девочкам не хватало энергии для развития, вот они и тянули ее из матери, а она пустая. — Раневельс плюхнулся на землю, в шоке глядя на меня.

— Ага! Поздравляю, у вас две девочки. Если я не ошибаюсь, то зелеными они становятся, потому что им не хватает жизненной энергии или магии на определенном этапе формирования. Кому-то сильному хватает тех крох, что они наскребают из родительницы, а кто послабее, начинает формировать вокруг защитную скорлупу и... становятся зелеными, соответственно, утрачивая вторую сущность, на ее развитие им не хватает сил.

— Ты уверена в этом? — напряженно спросил Санренер, прижимая к себе сильнее.

— Ну, да! Первая страдала от голода, но все же развивалась, а вторая уже начала формировать яйцо, но как только я влила в нее сил, она словно выросла в размерах и расцвела... Не знаю как объяснить, что видела, но это похоже на чудо!

Раневельс прижал ладонь ко лбу и прохрипел:

— Ты хочешь сказать, что у меня две девочки... и обе красные? Будут!

— Ага! Но думаю, надо хотя бы еще раз их подкормить, чтобы регресса не было...

Он как сумасшедший уставился на меня.

— А я могу? Подкормить или кто-то из мужчин?

Я неуверенно покачала головой и поделилась своими сомнениями:

— Простите меня, но не уверена, что это может сделать любой... Целитель уж точно... Наверное, любой! Хотя... Я просто не знаю, Раневельс! Надо проверять, смотреть, наблюдать.

— А ты? Ты сможешь помочь моим девочкам? Подкормить их хотя бы еще один раз?

Только я открыла рот, чтобы согласно ответить, как раздался жесткий голос деда:

— Может, но что она с этого будет иметь? Она и так подарила тебе уникальную возможность получить сразу двух самок красных, Раневельс!

Морковный смерил деда яростным взглядом, потом теплым — меня, а потом глухо спросил:

— Ну и что ты хочешь, Повелитель? За помощь твоей внучки?

— По достижении ими совершеннолетия, одна из них уйдет в мой клан, если среди моих отыщется ее истинный! Без выкупа!

Рыжий задохнулся от наглости моего деда, но тут зеленая самка громко срыгнула, явно переев мяса, и это вернуло его к насущной проблеме. Он мгновение думал, потом выдал:

— Согласен, но твоя внучка поможет еще пятерым нашим самкам выносить красное

ПОТОМСТВО...

— Двум!

— Четверым!

— Трем!

— Хорошо, мы согласны!

Я зло глянула на родного дедулю, который меня так беззастенчиво использует, а тот пожал плечами и прокомментировал свой жест 'доброй воли':

— Ты моя внучка, это и твой клан тоже! И вообще, пора бы и тебе задуматься над брачными играми и начать присматривать себе пару!

Вот теперь и я начала задыхаться от гнева. Слезла с его колен, и, наверное, со злости выдавила, чтобы последнее слово непременно осталось за мной.

— А я его уже нашла!

Санренер встрепенулся. А Раневельс подался вперед, с любопытством вслушиваясь в наш разговор.

— И кто же он? Я не заметил, чтобы кто-то из моих драконов приглянулся тебе. Ты всех держишь на расстоянии. Или ты так хорошо умеешь скрывать свои мысли и чувства... хм-м-м, хотя этого я как раз в тебе и не увидел...

Как же меня это задело!

— А он и не из наших! Я вообще не знаю, кто он и как его зовут. Да этот паразит даже личность свою под иллюзией прячет. Но могу сказать точно — у него самые потрясающие золотые глаза!

— О-о-о, я тут как раз только сегодня видел одного обладателя золотых глаз... Все летал тут высматривал что-то. Караулил...

Раневельс задумчиво посмотрел на Санренера, а тот, похоже, понял скрытый смысл слов морковного. А вот я — нет! Дед вернулся в этот мир из своих мыслей и заискивающе спросил:

— А может, мы сегодня праздник устроим? Я тебя со всеми своими драконами познакомлю. Ты сможешь поболтать с ними... пофлиртовать, вдруг, кто приглянется...

Ядовитый 'хм' Раневельса прервало уговоры деда на самом интересном месте. А я не менее ядовито ухмыльнулась и заявила:

— Дед, ты забыл что обещал? — он нахмурился, а я продолжила, заканчивая эту комедию, — через три дня я отправлюсь дальше, мне надо закончить начатое, потом устроим праздник и многое другое. Уважаемый Раневельс, я посмотрю вашу... даму послезавтра, а остальных, когда вернусь из деловой поездки.

Оба сильно посмурнели, но, увидев непреклонное выражение моего лица, спорить дальше не стали. Раневельс, спросив разрешения навестить нашу долину послезавтра, пошел заниматься своей самкой, а мы, обернувшись, полетели домой. И лишь перед самым сном я поделилась с дедом своими ощущениями от той еще не рожденной девочки:

— Знаешь, дед, странное ощущение родства... может эта самка какая-то родственница наша... моя?

Он задумчиво смотрел на огонь в камине, а потом его глаза сверкнули от пришедшей мысли:

— Нет, в ее крови нет и толики нашей крови. Она чужая нам. Но ты как моя ближайшая родственница, можешь ощущать родственные нам... души. Или точнее одну... которая будет... которая, возможно, является моей половиной. Избранной! — По-моему, он сам еще

не понял что сказал. Слишком ошарашенный вид у него стал.

Молчание воцарилось в пещере, каждый из нас думал о своем.

— Неужели ты, правда, думаешь, что я могла почувствовать твою избранную?

— Не знаю, девочка! Но я очень внимательно присмотрю за этой малышкой. К сожалению, я об этом смогу точно узнать лишь в период ее полового созревания, но ты должна помочь мне... Указать на ту самочку, к которой чувствуешь родство. Мне нужна хоть какая-нибудь определенность.

— Дед, ты представляешь, что я буду чувствовать, если тебя в итоге постигнет разочарование от неудачи...

— О-о-о, родная моя, не переживай об этом. В моей жизни так мало повода для радости, а это ожидание и... событие только украсят жизнь новыми ощущениями.

Я скептически посмотрела на него, но спорить не стала. Вполне возможно, он прав. Лучше призрачная надежда на будущее счастье, чем полная безнадега впереди.

— Тогда, я думаю, последние три дня мы к ним полетаем, чтобы поддержать наших подопечных. Твоя девочка очень слабенькая, и ей необходимо усиленное питание.

— А ты уверена, что этого хватит, чтобы полностью закончить процесс формирования и обретения второй сущности? — заволновался дед.

— Уверена! Мы напитаем их до краешков, обеим надолго хватит.

Когда я уже засыпала, услышала тихий шепот деда над головой и робкое касание губами макушки:

— Благодарю тебя, Стретер, за эту девочку! И позаботься там.... о моем сыне!

— Скажите моему дедушке, что я буду ждать его на озере!

Импозантный рыжий дракон заинтересованно сверкнул в мою сторону зелеными глазами, но заметив мое бесстрастное лицо, сбавил обороты флирта и с улыбкой кивнул головой. Клан Раневельса кроме оттенка волос отличается от нашего лишь меньшим количеством особей, да более страстными глазами, которые сопровождали меня с того момента, как я прилетела сюда утром для лечения его зеленой самки. Столпотворение, возникшее с нашим появлением в долине их рода, быстро прекратилось, стоило деду гневно рыкнуть на окружающих мужчин и высказать угрозу, которую он ранее озвучивал нашим клановцам.

Как только закончила с его самкой, Раневельс тут же взял меня в оборот и притащил к другой самке одного из его драконов, причем похожего морковного цвета. Правда, на этот раз чуда не произошло — в утробе зеленой оказался один плод мужского пола, который и сам с успехом справлялся со своим развитием в красного дракона. О чем я и сообщила, вызвав невероятную радость у его будущего отца и умиление на лицах остальных.

Потом была еще одна самка, но у нее будет трое зеленых малышей, и я им помочь уже не в силах, а вот последняя на сегодня зеленая драконица, которая отличалась малыми размерами, но весьма скверным нравом, вновь порадовала. Она вынашивала девочку, но даже ей одной в утробе матери сил на правильное развитие и трансформацию явно не хватало. Плод начал обрастать скорлупой. Пришлось приложить много усилий, чтобы помочь ей пройти этот сложный этап и напитать достаточно, чтобы ей хватило на какое-то время, пока она не закончит формироваться. Дракон, державший свою зеленую самку, как только я закончила с ней, отпустил злючку и обернулся в невысокого, угрюмого, рыжего мужчину. Его мрачный безнадежный взгляд обеспокоил — страшно видеть живое существо с таким пустым безжизненным взглядом потерявшего всякую надежду. Раневельс застыл рядом, с тревогой проводив тут же удравшую зеленую, которая после проведенных процедур накинулась на приготовленное для нее угощение. А я все еще переваривала свое отношение ко всему этому.

Эти интересные мужчины, умные, необычные и к тому же — драконы... Как они могли идти на связь с животными... использовать этих зеленых самок, хоть и дракониц, чтобы получать потомство? Мне было сложно это понять и принять, но видя счастье на их лицах, благоговение с которым они воспринимали новость о скором рождении своих нормальных, разумных, красных детей — это невозможно просто так отбросить или не принять. Жить тысячами и не иметь возможности любить, заботиться о ком-то, а ведь это заложено в них природой...

Сейчас же я смотрела на этого отчаявшегося получить ребенка мужчину и, глядя ему в глаза, порадовала:

— Поздравляю! У вас будет девочка... Красная. Она слабенькая, но самое трудное мы сейчас преодолели и моей энергии ей хватит надолго.

Раневельс в восторженном ступоре пробормотал, глядя на друга:

— Это невероятно. Целых три самки красных прибавится в нашем клане...

Одинокая слеза скатилась по лицу второго мужчины, он молчал, но пустота в его глазах стремительно сменялась радостью. Медленно, словно одеревенел, он повернулся в сторону

своей самки, жадно заглатывающей куски мяса, отрываемые от туши животного. Потом снова так же медленно повернулся ко мне, а Раневельс с Санренером в едином порыве подхватили его под руки. То ли поддерживая, то ли удерживая.

— Это правда? Девочка — красная? — все еще не веря прохрипел он.

Я утвердительно кивнула, уже внутренне напрягаясь от странной реакции. Санренер же разрешил мое недоумение:

— Вот видишь, Карр, твой первый опыт отцовства, и сразу настолько удачный! А ты все нас ругал за слабость и связи с зелеными...

Этот самый Карр посмотрел тяжелым взглядом на моего деда и выдал:

— Это только благодаря твоей внучке, Санренер, я стану настоящим, полноценным отцом, а не буду плодить животных и страдать, зная это и... Небо, я так сильно устал от одиночества за пять тысяч лет, поэтому решил, но...

Он повернулся ко мне и бережно взял мою ладонь, заставив напрячься.

— Я благодарен тебе и никогда не забуду о помощи. Хвала Стретеру, он, наконец, вспомнил о своих детях и послал нам новую хранильницу.

Санренер и Раневельс пристально глянули на меня, словно заново увидев. Дед медленно протянул, со значением глядя на меня:

— А ведь ты прав, мой друг. Как никогда прав! Раневельс, нам нужно кое-что обсудить. Карр, прикажи накормить мою внучку, пока я немного занят.

Вот так я и осталась без дедова постоянного надзора и, быстро пообедав, по-тихому юркнула на свободу. Ну очень хотелось побыть одной в тишине.

Подо мной расстилался горный массив с редкими зелеными островками. Вершины устремлялись вверх, красуясь снежными шапками, а на их сверкающей белизне отражались голубовато-розовые тени облаков. Я даже засмотрелась на эти пушистые богатые перины.

Я летела, махая большими красными крыльями и, наслаждалась не только самим ощущением полета, но и кристально чистым, прохладным, горным воздухом, который порывами ветра касался моей сверкающей в лучах Дрива чешуи. Я упивалась не только полетом, но и собственным обликом огромного красного дракона. Никак не могла поверить, что это все же я.

Сначала окатила волна странного напряжения и томления, а потом я неожиданно заметила, что моя тень внизу значительно увеличилась. Ну, просто очень значительно! Медленно задрала свою драконью морду вверх, чтобы в шоке уставиться в наглые, самоуверенные, золотые глаза золотистого дракона, размерами раза в два превышающими мои и, конечно, гораздо больше уверенного в своих силах.

Мои глаза, наверное, из узких янтарных щелок превратились в суповые блюдца. Ошеломленно замерла, затормозила и в конце концов вертикально зависла на месте. Золотой, описав дугу, подлетел вплотную, чуть не снеся меня мощным потоком воздуха от своих крыльев и, так же как и я завис над землей. Мы парили в небе и смотрели друг на друга, медленно помахивая крыльями и поджав лапы. Золотой и пламенный драконы. Любопытно на это посмотреть со стороны, но в данный момент это касалось меня лично, и я откровенно запаниковала.

Золотой склонил огромную, украшенную шипами и многочисленными роговыми наростами вытянутую клыкастую морду, рассматривая меня. Если не ошибаюсь, это тот самый дракон, который спас нас в Астаке, а если ошибаюсь, значит, развелось тут этих золотых как зеленых...

Громко сглотнула и начала медленно отступать назад, но летун из меня аховый — чуть не кувыркнулась вниз. Золотой резко дернулся ко мне, и его мощные лапы — с когтями словно сабли — схватили мое тело, при этом не причиняя боли. Золотой держал меня поперек тела в подвешенном состоянии перед своей мордой. Заинтересованно обнюхал, его грудь ходуном ходила, пока я лихорадочно соображала, с какой целью он столь тщательно заполняет легкие моим ароматом, не съесть же хочет. Затрепыхалась в его лапах, пытаюсь вывернуться из захвата, но меня прижали еще сильнее, сминая крылья, опять-таки не причиняя боли. Длинный шершавый язык — метра два, не меньше (интересно, как долго он его отращивал), скользнул по моим ушным щелям и прошелся до самых крыльев. Золотые глаза в буквальном смысле закатились от удовольствия. Все понятно.... Зарычав, я усилила сопротивление, но эта наглая морда без усилий спеленал меня в мои же собственные крылья. Рывком, выправив свое тело в нужное положение, полетел в другую от нужной мне сторону.

Вот тут я уже дико занервничала. К счастью, заметила пару зеленых самцов и уже планировала побег, пока они будут меня делить с золотым. Но мои надежды не оправдались, потому что как только эти твари заметили нашу парочку, судорожно заметались, столкнулись, а потом быстро сменили направление. Я даже обмякла от разочарования и раздражения на этих безмозглых трусов.

Внизу показалась большая зеленая площадка, к которой мы устремились. Очень скоро дракон приземлился, осторожно положил меня на травяной ковер и отполз чуть в сторону. Оборачиваться не спешил — застыл рядом и пристально изучал. Словно впитывал образ навеки... Его золотой хвост с острой пикой на конце мелко дрожал, похоже, от с трудом сдерживаемых эмоций. Впечатляющее зрелище: дракон весь словно облит чистейшим сверкающим золотом, словно каждая чешуйка начищена до блеска. Но главное, от него во все стороны фонило сильнейшей магией, не чета моей. Да и кто я — мелкая красная ящерица, и кто он — огромный золотой дракон. Вот так и рождаются комплексы неполноценности.

Это сверкающее чудо, снова легко преодолев пару шагов пространства, подаренного в первые мгновения, чтобы я могла выпутаться из своих крыльев и твердо встать на ноги, снова оказался рядом. Уткнулся носом в мою морду, резко вытащил язык и снова лизнул меня в нос, в глаз, в подобие уха... Я отшатнулась, но странное дело — испытала невероятно приятное ощущение от прохладной влажной шершавости этого языка на моей шкуре. Внутри все затрепетало.

Чем дальше я отступала от него, приподнимаясь на задние лапы, тем ближе приближался золотой. Очень скоро мы оба стояли на лапах, тесно прижимаясь грудью друг к другу и поддерживая себя в стоячем положении легкими трепыханиями крыльев. От его мощи и роста я начала задыхаться от страха. Я слишком мелкая и слабая, чтобы суметь удержать его на расстоянии, более того, при всех своих габаритах теряюсь где-то в районе его груди, защищенной огромными костяными щитами-наростами. Сплошное орудие смерти!

Золотистое крыло мягко прошлось по моей спине и пламенным крыльям, лаская, поглаживая, успокаивая. Золотые глаза гипнотизировали, заглядывали в душу, не давая отвернуться... Он громко фыркнул небольшим язычком пламени, стоило мне упереться в его грудь лапами и вонзить от раздражения и страха когти в нее. Точнее, я попыталась, но чуть не испортила свой драконий маникюр о его каменную непробиваемую чешую. Даже

царапины не оставила...

Снова ласкающий язык на моей шее, а потом он начал медленно поворачивать меня спиной к себе, тяжело, яростно дыша, будто уже не мог себя сдерживать, и это меня еще больше напугало. Когда таких размеров дракон не может себя контролировать — это страшно.

Он уже практически забрался на меня сзади, когда я невероятно удачным хуком задних лап сбросила его с себя и, визжа от страха, по-пластунски рванула навстречу свободе. Точно ящерица! Я даже услышала, как клацнули его зубы возле моего хвоста, но вовремя поджала его и ушла вниз, рванув с обрыва. Дикий рев только добавил сил для ускорения и второго дыхания, а так же и третьего, и четвертого. Думаю, дедушка мною гордился бы... так быстро я еще не летала.

Его тень снова мелькнула надо мной, заставив задохнуться от страха и еще чего-то странного, загадочного... Я в ужасе поняла, что в этот момент захотела, чтобы он меня догнал... Словно я курица, бегущая от петуха и специально замедляющая свой бег, а то вдруг не догонит или устанет... Судорожно закрутила головой, но нигде его не увидела. А ощущение взгляда золотых глаз преследовало меня все время, пока я рыскала по округе в поисках злополучного озера.

Зато там меня уже поджидал дедушка. Причем, разгневанный и одновременно напуганный моим отсутствием. Слету нырнула в озеро, чтобы смыть с себя аромат золотого и избежать лишних вопросов. Я просто боялась на них отвечать, да и не знала, что именно рассказывать. Но дед, как только я вылезла из воды и обернулась, все равно подозрительно принюхался, но не задал ни одного вопроса.

— Предлагаю пообедать!

— Дома, дед?

— Нет, в предгорьях. Я покажу тебе ту таверну, откуда мы забираем еду.

Я уже успокоилась, и только радостно кивнула головой, соглашаясь. А еще посетила странная мысль, что смерть на Земле и новое рождение на Лайваносе изменили меня. Ушла вечная настороженность и отношение ко всему как у стариков. Душа помолодела и требовала веселья, и даже самых мелких и незначительных радостей. Вот даже от этой самой еды, за которой мы летим сейчас. А еще за эту неполную неделю я отметила, что драконы живут как могут, но полной жизнью. Используют любой повод для радости и праздника. И живут, восхищаясь не богатством, а самой жизнью.

Мы оба одновременно обернулись, стоило нашим лапам коснуться поверхности. В эту приличного вида и размеров таверну я заходила весьма уверенно. С большим чувством гордости, ведь рядом идет самый великолепный мужчина, из тех, кого я встречала в жизни — мой обожаемый дед. Он взял меня за руку, стоило заметить, незнакомых людей, весьма похожих на наемников, но его тревога оказалась напрасной, потому что стоило людям рассмотреть Санренера, как они быстро уходили с нашего пути, опасаясь даже взглянуть. Впрочем, так же поступали и все встреченные нами как люди, так и нелюди. Они усиленно нас не замечали и от этих усилий даже потели от страха.

Гном, хозяин таверны, завидев Санренера, выкатился из-за стойки и ринулся в нашу сторону, широко улыбаясь и поддерживая спасательный круг, которым служила внушительная жировая прослойка на его талии. И при этом с явным любопытством поглядывая в мою сторону.

— Приветствую вас, крылатый Повелитель! И...

— Моя внучка — Алев Красная!

Гном замер в удивлении, а потом, окинув меня уважительным внимательным взглядом, пробормотал:

— Поздравляю, Повелитель! Ваша внучка вылитая вы! Я так понимаю, вас можно поздравить с первым вылетом из гнезда?! — гном окольными путями пытался выяснить, как получилось, что обо мне никто не слышал.

— Ну, можно сказать и так, Вейрик! Нам как всегда, но в двойном размере и за мой любимый стол! — усмехаясь, ответил Санренер.

Гном, поклонившись дракону, суетливо кинулся выполнять, а мы неспешно пошли к угловому столу, стоящему сбоку от огромного камина. Я отметила присутствие нескольких драконов, которые завидев нас, вставали и кланялись Санренеру, мне же доставались голодные горячие взгляды самцов, страдающих смермотоксикозом. Даже возникло ощущение, что меня касаются этими взглядами физически, оставляя горячие пятна на коже. Бр-р-р!

Мы уселись за стол и нам тут же начали приносить еду в разных тарелочках, и в больших количествах. Все пережитое сегодня заставило в первые моменты заглатывать пищу, не глядя и практически не ощущая вкуса.

— Разве Карр тебя не покормил, родная?

— Кормил, — удивленный голос деда, заставил прожевать очередной кусок и, проглотив его, ответить: — Но у меня, как оказалось, нервы ни к черту и разные, хм, неприятности вызывают стресс. А когда я нервничаю — становлюсь голодная.

— И какие неприятности с тобой произошли, Алев? Я обязан знать! — зарычал дед.

— Я впервые вижу, чтобы ты рычал на женщину, Санренер! Чем же она тебе не угодила?

Гнев обеспокоенного за меня деда испарился, стоило ему заметить рядом с нами мужчину, который, ухмыляясь, но при этом явно испытывая недовольство, обратился к нему с вопросом. А я пропала для окружающих, стоило поднять на него взгляд. Причем снизу вверх пропутешествовав по его телу.

Высокие тяжелые ботинки на шнуровке, в которые заправлены облегающие штаны из черной плотной ткани, но даже сквозь нее видела, как перекачиваются сильно развитые мышцы длинных ног. Узкие бедра и талия, переходящая в мощный торс, который обтягивала черная рубашка без единого украшения. Поверх нее расстегнутая куртка до середины бедра. А стоило посмотреть ему в лицо, замерла и потерялась в золотых глазах. Он тоже смотрел только на меня, игнорируя все остальное. Вытянутые к вискам раскосые глаза, в которых полыхал огонь. На миг показалось, что едва мы скрестились взглядами, пламя вспыхнуло миллионом золотых искр, осыпавших нас двоих, и медленно угасая, осыпалось вниз.

Мои глаза погружались в чарующую золотую глубину, заставляя терять связь с реальностью, а сердце — стучать с немыслимой скоростью. Дышала я урывками, а кулаки сжимались, впиваясь в ладони когтями. И его запах почему-то показался странно знакомым — меня вновь окутал свежий запах луговых цветов, немного отвлекая от дурманящего мускусного аромата.

Я отметила, что с каждым разом все с большим трудом могу оторваться от этих глаз, отстраниться от них. Вынырнула на поверхность из золотых озер, делая глубокий судорожный вдох.

— Что с тобой, Алев?

Я рассеянно посмотрела на Санренера, который уставился на меня встревоженным, загадочным, но странно тоскливым взглядом, и это привело меня в чувство.

— Э-э-э, ничего! Все нормально, просто задумалась...

Вот сейчас я, наконец, смогла в полной мере оценить его внешность. Голова покрыта черным платком на манер арафатки бедуинов на Земле, который скрывая волосы и открывая лишь мочки ушей, плавно спускался под подбородком несколькими черными складками на шею, часть груди и спину. В ухе блестит тонкое золотое кольцо с ярким желтым камнем, и оно явно не для уха, а чтобы носить на пальце. Светлые брови, чуть приподнятые в усмешке, знакомые притягательные золотые глаза, в которые я теперь боялась заглядывать. Римский нос и чуть впалые щеки с четко очерченными скулами, квадратный подбородок, со слегка поблескивающей легкой светлой щетиной на смуглой коже. А еще тонкие циничные губы, наверное, с намертво приклеенной холодной усмешкой, с которой он взирал на этот мир. В этот раз глаза точно подходили его лицу, о чем я, не думая, сообщила:

— Похоже, в этот раз лицо настоящее! — Ухмылка стала более широкой, открыв белоснежные крупные зубы. Зато Санренер уже недоуменно уставился на меня, услышав замечание. Поэтому я добавила: — Да это так, мысли вслух.

Золотые глаза сверлили меня напряженным взглядом, а еще заметила, как он глубоко дышит. Мужчина проигнорировал недовольный взгляд деда, присел рядом со мной на лавку, откинулся на спинку и положил на нее свою руку, касаясь при этом моих волос. Своим внушительным телом он занял все свободное пространство и, как мне показалось, специально устроился слишком близко ко мне. Санренер угрожающе посмотрел на него. Я сидела, не двигаясь, лишь чувствуя жар от тела незнакомца, и этот жар диверсантом проникал в мое тело, рождая самые странные и непредсказуемые желания.

Дед прорычал, сверля яростью своих янтарных глаз мужчину:

— Алев — моя внучка, и даже ты, Скайшер, не смеешь к ней прикасаться, пока я либо она не позволим тебе.

Это его 'и даже ты' весьма заинтриговало. А еще я мысленно произнесла имя мужчины — Скайшер! На языке драконов оно означает 'избранный', хотя чаще употребляли 'последний'. Неужели он дракон? У всех встреченных мною драконов глаза похожи на змеиные с тонким серпом зрачка. И только я как полукровка с обычными глазами, в смысле эльфийскими, но мои спутники отмечали, что при сильном волнении или перед тем как обернуться, глаза становятся драконьими. Может он тоже полукровка? Хотя, как пояснял Санренер, полукровки могут быть только от союза эльфов и драконов, другие расы с нами не сочетаются, и именно по этой причине красные спариваются с зелеными, чтобы получить потомство. Эльфа к этому так просто не принудишь и не заставишь силой. И опять же, именно по этой причине я настолько уникальна. Полукровка. Моя мать — одна из очень немногих эльфиек, которые пошли на подобный союз. Можно было подумать, что Скайшер — светлый эльф из-за смуглой кожи, но я не видела цвета его волос, а брови вполне могли выгореть на солнце... Загадочный тип...

И этот тип, услышав заявление деда, странным образом успокоился и расслабился. Словно из него злость и ярость испарились. Он незаметно для деда коснулся пальцами основания моей шеи, от чего дрожь побежала по всему телу. Пальцы помассировали седьмой позвонок, а потом будто когтем прошлись, не царапая и не причиняя боль, но ощутимо воспаляя. У-у-у-у, гад!

— Ну что ж, я рад поздравить... нас... с появлением у тебя внучки!

От его слов у меня, наверное, глаза снова превратились в блюда, зато у деда — полыхнули пламенем. Санренер продолжал сверлить яростным взглядом Скайшера и говорил рубленными фразами, словно вколачивая их в стол:

— Моя Алев свободна, но под моим крылом, Скайшер. Я потерял Суорена, ее не отдам никому.

— Как ты правильно отметил, Санренер, она свободна в своем выборе... А мой выбор уже сделан! — жестким голосом заявил Скайшер, нечто понятное только им двоим, наверное, чтобы не ставить в известность меня.

— Ты хочешь сказать, что... — удивился и хрипло выдавил дед. Впился взглядом в мужчину, который вновь напрягся.

— Да! Поэтому никому не позволю встать у меня на пути, Санренер. Даже тебе! Думаю, ты понимаешь меня, мой друг.

— А может, вы включите меня в свой междусобойчик?! А то я чувствую себя лишней здесь.

Оба повернулись ко мне. Санренер смотрел на меня по новому, а еще отметила в его взгляде смирение. Очень необычно для деда, насколько я поняла за последние несколько дней нашего общения. Зато золотые глаза вспыхнули удовлетворением и еще каким-то неведомым чувством, которое я пока не смогла распознать, стоило ему уставиться на меня. Оба молчали мгновение, затем дед осторожно произнес, снова обращая взгляд на Скайшера:

— Алев — хранительница красных, она помогла нескольким нашим самкам... зеленым, чтобы те в будущем произвели на свет полноценных двуипостасных. И скоро целых три девочки появятся на свет красными!

Золотые глаза вспыхнули еще ярче, пробежались взглядом по моим губам, шее и спустились на грудь, прикрытую длинной голубой рубахой с небольшим вырезом, заставив меня вспыхнуть. Затем он хриловато ответил деду, не отрывая от меня своего горящего взгляда:

— Я учту это... в будущем!

— Скажи, ты дракон? — я вклинилась в разговор.

Скайшер двусмысленно ухмыльнулся, прижимаясь ко мне горячим бедром, а его пальцы погладили ямочку у меня под затылком. Р-р-р, меня все же проняло, даже дыхание участилось. Он же наклонился чуть ближе ко мне, от чего черные складки платка на шее сместились вбок, и вкрадчиво спросил:

— Ты хочешь, чтобы я был драконом? Так понравился?

Я фыркнула, передернув плечами и сбрасывая его руку, он же чуть потемнел лицом и прищурился. А мне дико захотелось стащить эту тряпку с его головы, чтобы увидеть без, на мой взгляд, ненужного предмета одежды. А главное, какого цвета его волосы! А дед в этот момент решил продолжить разговор:

— Я надеюсь, ты понимаешь насколько важно для моего народа...

— Я сказал, что учту это! — Золотые глаза замерзли, стоило ему перевести взгляд на моего деда.

— Очень надеюсь!

Я впервые видела, как золото превращается в камень, но именно так сейчас выглядели глаза Скайшера, пока он смотрел на моего деда. Я занервничала и решила, что пора уходить, пока тут чего доброго, драка не вспыхнула.

— Дед, нам пора! У меня остался всего день на все про все...

— Куда-то собралась, сладенькая?

Этот наглый тип так напрягся, словно к прыжку приготовился и всем своим внушительным авторитетом и массой давил, заставляя отодвигаться к краю лавки. Дед устало, но твердо произнес:

— Я должен вернуть Алев в ее отряд послезавтра... — и вот зачем он его предупредил?

— Дед, я не думаю, что этот чужак...

— Они отправляются в древний город марханов, чтобы вернуть этим синюшным долголетие, а ушастым — возможность заводить потомство.

Я встала и гневно смотрела на деда, выложившего все мои секреты непонятно кому. Но Санренер сейчас смотрел лишь на этого загадочного мужчину, который в свою очередь, перевел внимательный взгляд на меня. И хоть он сейчас сидел, а я стояла, все равно ощущала, что смотрит сверху...

— Хм-м-м, тогда понятно, откуда такой набор компаньонов...

Еще сильнее нахмурилась, чувствуя себя утопающей в загадках и намеках. Понятия не имею, о чем эти двое разговаривают. Дед продолжил:

— Я отправлюсь со своими драконами, чтобы...

— Я сам отправлюсь, Санренер. Мне по пути! А ты... со своими драконами... — двусмысленно замолчав, он предложил нам с дедом самим додумывать окончание его фразы.

А я уже бесилась, поэтому настойчиво и мрачно спросила:

— Так ты дракон или нет?

Снова насмешливый прищур золотых глаз и хриловатый заигрывающий голос, от которого мурашки разбегаются по всему моему телу:

— А ты хочешь, чтобы я был драконом?

— Ты уходишь от ответа!

— А почему это тебе так важно знать, сладкая моя?

— Не твоя! Понял?! Мне важно знать, что ты собой представляешь, чтобы знать чего от тебя ожидать в будущем!

Первые два высказывания он проигнорировал, зато на последнее утверждение заметил:

— От меня можно многое ожидать, сладенькая! Особенно тебе!

— Интересно, почему именно мне?

— Жизнь покажет, Алев!

— Мы можем идти? Или вы еще что-то не обсудили? — повернувшись к деду, зло спросила в попытке закончить уже порядком бесивший разговор.

Санренер бросил многозначительный взгляд на этого самоуверенного типа и кивнул головой. Я обошла лавку со стороны деда, но не удержалась и повернулась к Скайшеру:

— Прощай!

— До встречи, сладкая моя! До скорой встречи!

— Надежда умирает последней, разве ты не слышал подобного? Мне сомнительные личности в отряде не нужны.

Скайшер поднялся одним угрожающим движением и навис над столешницей массивным телом, опираясь большими ладонями. На мгновение показалось, что он зарычит от ярости, но он лишь сузил свои глаза в узкие гневные щелочки и выдавил ледяным тоном:

— Я пойду с тобой или...

— Или что? — насмешливо хмыкнула, глядя на него. — Я свободна, Скайшер, и сама выбираю себе спутников.

Его голос потеплел, но холод из глаз не ушел, как и поза не стала менее напряженной.

— Мне понравилось, как ты произносишь мое имя, Алев!

В нашу перепалку вмешался твердый голос Санренера:

— Алев, или Скайшер идет с тобой, или ты остаешься в гнезде!

Скайшер, гад желтоглазый, ухмыльнулся, заметив, что я потеряла дар речи от заявления деда. Спорить не стала, коротко кивнула и напряженной походкой направилась на выход, не глядя на этих двух... один из которых — мой собственный дед.

В гнездо мы летели молча, каждый думая о своем, но ночью, уже засыпая, я спросила:

— Деда, а почему ты требуешь именно его присутствия рядом со мной?

Долгое тяжелое молчание, а потом он ответил:

— Выбор уже сделан за нас, девочка моя! Его не изменить, но поверь, лучшего спутника и телохранителя тебе не найти. Скайшер убережет тебя от любых опасностей. И равных ему на Лайваносе вряд ли можно найти!

Я удивилась такой характеристике для несносного мужлана, не выдержала и пробормотала:

— Ага, а кто меня от него защитит?

— Не думай о нем плохо, родная, со временем ты изменишь свое мнение. Поверь, я знаю о чем говорю. Недостойного я бы не подпустил к своей внучке. Несмотря на последствия...

Вот так, гадая о возможных последствиях, я и заснула, зарывшись в подушки и сворачиваясь клубком. Филя сопел рядом, он обиделся на меня, за то что мало уделяю ему времени и не беру с собой. Но я боялась брать его в драконьи лапы и взлетать вместе. Я сама еще летаю криво, а с ним... Береженого бог бережет, а в нашем случае — Стретер!

На утро, мы с дедом опять слетали к Раневельсу и подкормили самок и их не рожденных детенышей. Я отметила, что Санренер особенно выделяет самку своего друга и все время выспрашивает о ее самочувствии. Более того, по дороге мы поохотились и приперли в их клан знатную добычу — огромного горного козла! И эту еще теплую животину, мой дедуля самолично преподнес зеленой самке, вызвав некоторое недоумение на лицах морковных. Мы же с дедом ничего объяснить не стали.

Вернувшись домой, я, зайдя издалека, попросила деда научить меня открывать порталы. Якобы на всякий, самый безвыходный опасный случай, и дед купился на мою преданную умоляющую моську. Полдня я ломала пальцы, пытаюсь выучить, как сказал дед, очень простое движение, но когда у меня, наконец, получилось, с победоносным видом завершала от счастья и бросилась обнимать деда. Санренер улыбаясь, глядел на меня, впрочем, как и остальные наши соклановцы. Вечером собрала вещи и завалилась спать, с нежностью поцеловав деда в щеку.

Но стоило услышать его ровное дыхание в другой стороне пещеры, как я осторожно выкарабкалась из подушек и, растолкав разжиревшего от спокойной жизни мархуза и прихватив рюкзак, выбралась из пещеры. Суар ярко освещал все вокруг, а его красная корона отражалась невероятно загадочным светом на белоснежных шапках горных вершин. Мы с Филей быстро спустились вниз по дорожке, пару раз я шипела, спотыкаясь и кляня слишком крутой спуск. А потом нарисовала в воздухе выученный знак, открывая портал на знакомую поляну. Со страхом, все-таки впервые пространство раздвинула, скользнула в пролом, светящийся голубым светом, и вынырнула возле того самого ручья. К сожалению, как сказал дед, портал можно открывать только в то место, которое знаешь и видел лично, поэтому я и переместилась сюда. Филя легко отыщет следы моих спутников, и очень скоро мы их настигнем. Пора нам попробовать полетать вместе. Идти в компании Скайшера я не хотела, он вызывал слишком неоднозначные чувства, чтобы я могла позволить ему так близко к себе подобраться. Или к моей душе! Да и если честно признаться, боялась его!

— Далеко собралась, сладкая моя? — от этого хриповатого голоса я вздрогнула, резко разворачиваясь вокруг своей оси и упираясь взглядом в скрытое темнотой лицо Скайшера. Вот вспомни черта... Филя глухо ворчал, но впервые, удивительное дело, смиренно сидел и не вмешивался.

— Далеко! И нам не по пути!

— Хочешь вернуться в гнездо?

— Ты не посмеешь!

Ответом были лишь сверкнувшие золотые всполохи в глазах. А мне было удивительно как я смогла их разглядеть в этой темноте.

— Проверишь? — прозвучало через несколько секунд нашего молчания.

— Послушай, чего тебе от меня надо?

— Слишком много и в тоже время ничего!

— Мне надоели твои загадки, Скайшер...

— Ум-м-м, мне нравится как ты злишься, а уж как ты произносишь мое имя — еще больше, сладкая!

— Я не сладкая и...

— Позволь об этом судить самому...

— А если не позволю?

Он оказался слишком близко, и я заметила, как насмешливо приподнялась его бровь, а мой вопрос остался без ответа.

— Ну и фиг с тобой! Иди куда хочешь... — обреченно буркнула я.

— Только с тобой, единственная моя!

Я фыркнула, но препираться с ним устала. Зато, вспомнив кое-что, хитро усмехнулась:

— Хм, сладенький ты мой... У нас с Филей есть крылья, а вот как ты...

— Ты уже мечтаешь попробовать меня на вкус, это радует... но предлагаю сделать все гораздо быстрее с помощью портала. В этом я хорошо разбираюсь и знаю где твои спутники. Да и до Эйнера могу помочь вам добраться...

Услышав первое заявление, смутилась, но потом отвлеклась и поняла преимущества присутствия рядом этого Скайшера. В ожидании устала на него. Он же гораздо быстрее меня открыв портал, подхватив меня под локоть шагнул внутрь, правда, свистнув мархузу и проследив, чтобы мы втроем вместе вошли в проем.

С той стороны нас встретил вооруженный ряд мужчин и испуганное лицо Юмихии, выглядывающей из-за спины Юдера. Как только нас с Филей опознали, оружие опустилось вниз, зато все облегченно и счастливо выдохнули и заулыбались. Даже морщинистое лицо Ксиона разгладилось, освещенное светом костра. Подозрительно оглядев Скайшера, подполз ко мне, а я, выдрав локоть из хватки нахала, подошла к старому шаману и обняла его.

Неожиданно почувствовала разливающееся вокруг меня напряжение и, отстранившись от Ксиона, огляделась вокруг. Подошедшие было ко мне светлые, да и остальные спутники резко замерли, настороженно глядя на Скайшера. Я тоже оглянулась. Мужчина стоял, широко раздувая ноздри и сверля всех золотыми глазами, губы усиленно изображали насмешливую ухмылку, но по мощному магическому возмущению вокруг него, я поняла, что он едва сдерживается. Только почему? А еще в голову пришла одна запоздалая мысль, заставив похолодеть, но этот вопрос я оставила на потом. Надо разрядить обстановку и я хмуро произнесла:

— Дедушка навязал мне этого телохранителя, ничего не поделаешь — Скайшер пойдет с нами до конца!

Ксион молчаливо и внимательно смотрел на мужчину. Зато Юдер не сдержался и выпалил:

— Госпожа, он не сможет пройти сквозь границу...

— Ну, это мы проверим на месте, хвостатый!

— А ты, крылатый, слишком самоуверенный...

Скайшер скептически поджал тонкие губы и приподнял брови в недоумении, заставив Юдера замолчать и пристально его осмотреть. Наверное, Юдер его бы по кусочкам разобрал, чтобы проверить на крылатость, впрочем как и я. Мы с ним оба синхронно пробормотали, но я мысленно, а он вслух:

— Порталы могут открывать только драконы... это всем известно.

Скайшер непринужденно прошел к костру, присел на один из пней, расставляя мощные ноги в стороны и, уперев подбородок на внушительный кулак, усмехнулся, цинично ответив:

— Тебе виднее, наверное...

Юдер потемнел лицом, а я вновь осталась без ответа. Харель подошел ко мне под сразу заледеневшим взглядом Скайшера и, не прикасаясь, спросил:

— Все прошло хорошо, Повелительница?

Ага, вот тут мне очень интересно было увидеть, как недоуменно взметнулись белесые брови, стоило ему услышать мой титул. И в ему свойственной манере озвучил тут же:

— Сладкая моя, неужели я что-то пропустил... Ты настоящая Повелительница Светлых? Я-то думал, эту корону ты просто для красоты нацепила...

Я смутилась от его хриповатого 'сладкая моя', но не смогла удержать ехидную усмешку, услышав высокий титул. Прикусив губу от его наигранного удивления и последующего насмешливого замечания, чтобы не сказать какую-нибудь гадость в ответ, так же наиграно весело заметила:

— Да, сладенький, ты слишком много пропустил. Я Повелительница Светлых, помимс внучки Повелителя Красных Драконов. И уж точно украшать себя не стремлюсь!

Мансель нахмурился, вспомнив встречу с Санренером недельной давности. Харель смотрел на огонь с бесстрастным лицом, а Ксион, приблизившись ко мне, настойчиво произнес:

— Госпоже надо отдохнуть! Завтра мы выдвигаемся в путь, наша миссия не ждет.

Скайшер хмыкнул, стряхнул с брючины жука, нагло взбравшегося по нему, и произнес:

— Шаман, на этот счет можешь не волноваться! Завтра утром ты будешь с отрядом в Эйнере, так что можешь не торопиться.

— Скажи кто ты, чтобы мы не волновались и не торопились. А главное, ответь, почему ты здесь? — вполне мирно и уважительно спросил Ксион, подползая ближе к златоглазому.

— Шаман, ты так стар, и в тоже время для меня ты даже не младенец — лишь мгновение жизни. Ты будешь знать ровно столько, сколько я сочту нужным сообщить. В данный момент жизни мне по пути с тобой, и поверь, тебе бы только радоваться этому факту, а ты нервничаешь... Но чтобы исключить лишние вопросы, просто знай, я ее хранитель. И надеюсь, это запомнит каждый из вас.

К нам ближе подошел Сиурей, и свет костра заиграл на его гладкой зеленой коже.

— Я хранитель этого отряда, и мне не нравится, когда один из элементов плохо вписывается в общую картину. Это означает, что он может ее разрушить в самый сложный и опасный момент...

— Тебе придется либо смириться с этим, либо нет. Что решил?

Скайшер продолжил расслабленно сидеть на пне и насмешливо смотреть, как хмурились и злились окружающие. Еще немного понаблюдав за ситуацией со стороны и убедившись, что все мои старые товарищи, похоже, уже всем скопом готовы навалиться на этого нахала и затоптать, решила — пора вмешаться. И защитить, но скорее свой отряд от Скайшера, чем его от моих спутников. В этом я твердо уверена и нутром чувствовала.

— Уважаемые! Это мой телохранитель, одобренный дедушкой, и лучше нам всем успокоиться и подружиться, чтобы проблем в коллективе не возникало. Мой дед плохого не посоветует, а он сказал, что Скайшер — лучший телохранитель, и я ему верю. Давайте уже укладываться, а то завтра трудный день.

Я не стала смотреть, что они там дальше делать будут. Подхватила свой рюкзак и направилась к Тихоне с Серым, здороваться. Порадовала их лакомством, поглаживая холки. Сначала они испуганно фыркнули и запрядали ушами, затем по моей спине прошла горячая волна, смешанная с дрожью. Скайшер приблизился вплотную, нависая надо мной, заставляя чувствовать его слишком сильную ауру и мужское начало. Огромная шершавая ладонь легла

поверх моей, лежащей на холке Серого. Вторая рука обвила мою талию, слегка прижимая к телу мужчины.

— Это твой конь? — хриплый голос раздался над моим ухом, усиливая дрожь, а ноги стали ватными.

У меня пропал голос, поэтому я только согласно кивнула.

— Ну что же, значит завтра я поеду на нем! — Я задохнулась от его наглости, а он лишь крепче прижал к себе, не давая отстраниться или вырваться.

— Ты... Ты наглый, самоуверенный... — прошипела я.

— И красивый? Желанный?

— Противный! И отвратительный мужлан!

— Значит я поеду на твоей лошади... Вместе с тобой! Бежать рядом с Филей как-то не солидно.

— А где твоя лошадь? Ты еще возле ручья был без коня! Как ты там очутился так вовремя? — Его золотые глаза впивались в мои, стремясь навязать свои силу и право на доминирование, а я замерла от пришедшей в голову мысли. — Ты следил за мной? Но как?

Потом прищурилась и с силой уперлась в его грудь руками, пытаясь оттолкнуть так, чтобы не устраивать концерт при моих и так настороженных спутниках.

— Ты дракон, Скайшер! По-другому это не объяснить! Убери от меня свои лапы и держись подальше.

— Моя пламенная девочка... Сильные маги способны открывать порталы как и драконы... просто люди это не афишируют! Среди темных и светлых эльфов тоже есть парочка магов с такими способностями, и я даже знаком с одним из них...

Он замолчал, позволяя домысливать его ответ дальше самой. Прищурилась и, шлепнув его по груди, раздраженно заметила:

— Ты не похож на эльфа...

— Ну, ты тоже не особо похожа...

— Знаешь, Скайшер, ты первый в жизни мужчина, который настолько меня раздражает, что все время хочется тебя прибить.

— Надо же с чего-то начинать... И мне приятно, что хоть в чем-то я у тебя первый.

Я замерла, напряглась и разозлилась до чертиков.

— На что ты намекаешь?

Он молча стоял, и лишь короткий взгляд, брошенный в сторону сверлящих нас злыми взглядами светлых эльфов, подсказал направление мысли этого несносного мужчины.

— А теперь послушай, не то дракон, не то эльф, а может тролль недоделанный. В этом отряде нет ни одного претендующего на мое тело и душу, — вырвалась из его рук и яростно прошипела, — и вообще, в мою постель попадет один-единственный, кого я буду любить до гробовой доски. А ты... — захотелось послать его лесом, но я закончила по-другому, шипя как рассерженная кошка, — бери Серого! И больше не прикасайся ко мне.

— Так чиста?

— Нет, просто максималистка. Хочу все и разом, а главное, сама готова платить тем же, — буркнула в ответ на его притворное удивление.

Он смотрел на меня с бесстрастной миной на лице, в то время, как палантин на его шее и груди медленно, красиво шевелился под прохладным ветром. Зараза!

Укладывались мы недолго, но обладатель золотых глаз улегся максимально близко ко мне, криво усмехнувшись, когда Филя привычно потоптался на моем плече и улегся на бок, а

я привалилась в нему спиной, так же привычно утопая в тепле.

— Может, лучше я тебя ночью согрею, маленькая? Ведь как-то не солидно Повелительнице спать в обнимку с мархузом. Что твой народ подумает... решит, что кроме мархуза никто не польстился?

Я заскрипела зубами и отпарировала:

— Не волнуйся, сладенький, у меня среди светлых уже и жених имеется... первый наследник, так что вряд ли кто-то усомнится в моей привлекательности.

Золото глаз полыхнуло яростью и чем-то еще, мне пока неизвестным. Он оторвал голову от своего мешка и, приподнявшись на локте, от чего все его мышцы заиграли под рубашкой, прошипел:

— Не думаю, что эти отношения долго продлятся... Эльфы такие непостоянные, а еще такие уязвимые...

Замерев, глядя на всполохи огня в его глазах, настороженно спросила:

— Угрожаешь?

— Нет! Просто констатирую факты!

— Скажи, это ты нас спас в Астаке? — Он молча сверлил меня взглядом, а я уже гневно продолжила: — Уверена, что это ты! Ты точно был в той таверне, а главное, твоя наглость вполне в духе того хама... золотого дракона, который пытался забрать без спроса у меня самое ценное... облизывал меня, бе-е-е, своим длиннющим противным языком и...

— И он так запал тебе в душу, что теперь никак не можешь о нем забыть!

Снова задохнулась от его слов, резко опустила голову на рюкзак и закрыла глаза, отгораживаясь от этого золотого огня, который, казалось, проникал в душу и до дрожи пугал. Пугал скорее тем, что я доверюсь ему, растворюсь окончательно в этом огне, а потом, сгорев дотла, останусь... А с чем я останусь? Ну, уж точно не одна, ведь теперь у меня есть надежный и обожаемый дед. С утешительной мыслью, что я больше не останусь в одиночестве посреди чужого мира, уснула.

Всю ночь во сне видела золотые глаза, ощущала мужской мускусный аромат, явно не Филин, а еще ласковую горячую ладонь, отгонявшую все мои ночные страхи и дарившую покой и умиротворение. Но все равно, выспаться я так и не смогла, а когда проснулась, оказалось, что лежу одна и даже Фильки нет. Через несколько минут они появились вдвоем: этот мохнатый предатель, довольно трусивший рядом со Скайшером и этот... о-о-о, этот фантастический мужчина в расстегнутой рубашке, в вырезе которой виднелась грудь, и как показалось в первый момент, она отливала золотом. Поймав мой напряженный подозрительный взгляд, мужчина резко запахнул рубашку, при этом улыбнувшись так откровенно искушающе, что все подозрительные мысли и вообще мысли вылетели из головы, остались только смущение и раздражение.

— Та-ак, похоже молодая кровь играет, да, малышка? И хочется, наконец, вкусить запретного плода?

— Ты о чем, недотроль? Плохо спалось, а теперь всякая чушь в голову лезет?

— Ну что ты, сладкая моя?! Эта ночь для меня была одной из самых прекрасных, — заметив мои приподнятые в недоумении брови, закончил, — ведь я спал с тобой!

Покачав головой и поджав губы, собралась идти к ручью поплескаться в воде, обернувшись, оставила этот раунд за собой:

— Спать рядом не значит вместе.

Филю окинула таким взглядом, что он сразу понял — я обиделась на него. Скользнул ко

мне и, виляя хвостом, встал, положив внушительные лапы мне на плечи. Хм-м-м, да он уже выше меня! Лизнув щеку, заглянул в мои глаза и одарил такой любовью и преданностью, что мое настроение тут же подскочило. Сама чмокнула его в розовый нос, и как только он опустился на четыре лапы, направились к ручью. И все это под пристальным внимательным взглядом золотых глаз.

Глава 18

Завтракали в напряженной тишине, все поглядывали на Скайшера, а тот совершенно невозмутимо ел кашу. Несмотря на мои гримасы, помог сесть в седло, а сам, нарисовав в воздухе знак, открыл портал. Дождавшись пока в портал зайдет последний из нашей компании, согласно кивнул мне и, взяв под уздцы Тихоню, прошел вместе со мной и Филей. Наш отряд оказался на зеленом пригорке возле рощи. Деревья удивительно похожи на дубы на Земле. А впереди, чуть в низине, лежал город.

С виду небольшой, но так органично вписавшийся в окружающий ландшафт, буквально вросший в землю, что сразу стало понятно — это очень древний город. Драконьи горы остались далеко позади на западе в легкой туманной дымке. Зато сейчас, когда горы и леса не застилали вид, Дрив с Суаром предстали во всей своей красе. Суар буквально нависал своей серебристо-голубой массой над Эйнере, грозя свалиться на него целиком, по крайней мере, у меня создалось такое впечатление, а Дрив заливал все окружающее пространство красновато-розовым светом, искажая истинный цвет предметов или даже их теней. По розоватому небу плыли пушистые, довольно низкие облака. Раскинувшийся перед нами пейзаж производил впечатление пасторального и мирного. Марханы, выстроившись в ряд, низко склонились перед своим последним древнейшим городом, где царили их предки, и до сих пор чтит традиции и нравы. Ксион тайком стер синей суховатой ладонью слезу, побежавшую из уголка черного глаза. Юдер весь напрягся, вытягиваясь в струнку. Прижавшись к его спине и положив голову ему на плечо, замерла Юмихия, тоже тоскливо глядя вдаль. Спрат повернулся в мою сторону, в его глазах застыла боль.

— Госпожа Алев, если вы сможете... закончите миссию Камоса Который Всегда Идет до Конца и поможете нашему народу, я присягну вам на верность.

Я заметила, что уже каждый стоящий рядом со мной мархан готов дать подобное обещание, поэтому поспешила с ответом:

— Спрат, это не моя заслуга! Я лишь курьер. Мой учитель подарил знания, помог обрести смысл жизни и исполнил заветную мечту. Я всего-навсего отдаю долг, а вот он отдал за свой народ даже душу. Вы должны чтить его имя и помнить его заслуги!

Спрат кивнул, вновь устремляя свой взор на Эйнере. Скайшер стоял рядом со мной молча, а потом, не спрашивая, подхватил на руки, на миг прижав к своему телу и глубоко вдыхая запах моих волос, и вновь закинул в седло Тихони. Ксион чуть улыбнулся, опуская лицо вниз. Скорее всего, ночью он кое-что обдумал, потому что с утра стал гораздо более благосклонным к Скайшеру, что не укрылось от остальных. А так как Ксион имеет непререкаемый авторитет среди марханов и даже гоблинов Илисвурга, это изменение отметили остальные и тоже успокоились, и кажется, приняли этого циника в свой круг. Остались, конечно, настороженность и легкая напряженность, но скорее к манере общения Скайшера со мной, нежели как проявление недоверия к нему. Опять же, поведение Фили утром тоже сыграло в пользу Скайшера, повлияв на отношение к новенькому. И лишь светлые по-прежнему смотрели на него холодно, неприязненно и с легкой опаской. Странно! Хотя, наверное, если я пришла к выводу, что Скайшер все же дракон, то эти двое ушастых гораздо старше и опытнее, и больше моего в этом вопросе разбираются.

Ударив по бокам кобылы каблуками, тронулась в сторону города, все еще не в силах

отделаться от ощущения его сильных рук на себе. Вся наша вереница быстро выстроилась в уже привычное положение, и лишь Мансель теперь ехал позади нас, недовольно сопя и посматривая в спину Скайшера, который восседал на Сером словно государь. Он действительно великолепно держался в седле. Легко, непринужденно и с большим достоинством. А я засмотрелась на его руки, лежащие на луке седла, придерживая поводья. В свете Дрива на этих больших смуглых руках золотились тонкие волоски, еще больше подсвечивая темную кожу и завораживая мой взгляд, не отпуская внимания. Я неосознанно представила, как сильные золотистые руки пройдутся по моему телу, коснутся рук, груди, ног...

Судорожно вздохнула, ощущая как во мне родилась жаркая волна, которая омыла все тело изнутри. Все еще не отойдя от пережитого смущения и волнения, наконец, оторвала взгляд от ставших вдруг напряженными привлекательных рук и подняла взгляд на лицо Скайшера, и вновь задохнулась, забывая дышать. Его ноздри трепетали, а глаза горели золотым огнем, и даже лицо в обрамлении черного палантина словно окаменело. Он с трудом удерживал контроль над собой, и это очевидно, даже при моей неопытности.

Жар смущения залил лицо, лошади продолжали движение, а мы смотрели друг на друга. Какая-то мысль пробежала по его лицу. Мне показалось, что я слышу звук рвущихся канатов, с таким трудом он отвернулся. Я посмотрела в ту сторону, куда он уставился, прищурился глазами.

Навстречу двигалась группа марханов. Дрив слепил им глаза, находясь за нашими спинами, и пока неожиданно появившиеся хвостатые толком не могли рассмотреть нас. Но очень скоро мы сблизились настолько, что теперь они пристально и напряженно рассматривали нас, особенно меня с мархузом. Ксион подобрался ко мне ближе и негромко сообщил:

— Это нас встречают, госпожа, не стоит волноваться.

Я сначала пожала плечами, а потом с легким удивлением спросила:

— А как они о нас узнали? Ну что мы именно сегодня утром появимся?

Ксион замялся с ответом, зато Скайшер хохотнул и ответил вместо него, заставив мархана смутиться и пожалеть о своей заминке:

— Оказывается, доверие к тебе, сладкая моя, все же ограниченное! Если наш шаман скрывает секреты своего хвостатого народа. Они, пламенная моя, могут общаться через естественные источники воды. Вчера вечером он в отражении ручья пообщался с главой свода Эйнере и сообщил о нашем прибытии сегодня утром.

Я перевела взгляд со Скайшера, с циничной и слегка презрительной усмешкой смотревшего на шамана, на Ксиона. Старый мархан действительно смутился и прикусил клыкком нижнюю губу, явно не зная, как выпутаться из неловкой ситуации. А Скайшер продолжил:

— Сколько веков живу, а все остается по-прежнему. Глупые игры, пустячные мелочные дразги, бессмысленные войны, и даже в казалось бы, такой серьезной ситуации попытка скрыть, утаить суцую ерунду.

— А ты, Скайшер, весь такой открытый как на ладони?! Секретов не имеешь, игры не ведешь...

— Девочка моя, поверь, я как никогда серьезен и с тобой не играю. А если и умалчиваю о чем-то, то лишь чтобы не усложнять и так непростые обстоятельства. А этот мархан тайком...

— Я прошу прощения, Алев! Это старая привычка, которая въелась в кровь, от нее сложно отвыкнуть. Не думай, что я нарочно...

— Я все понимаю, Ксион, и не обижаюсь. У каждого из нас есть свои маленькие и не очень тайны, и эта поездка не повод, чтобы выворачивать душу наизнанку друг перед другом, да секретами делиться, доказывая дружеские отношения. — Прервала расстроенного мархана, который явно чувствовал себя не в своей тарелке, пытаюсь объяснить мне свою тайную переписку с сородичами.

Пожала плечами и тронула лошадь, проскальзывая мимо Скайшера, в глазах которого светилось непонятное удовлетворение: то ли он рад, что я приняла новость о секретах спокойно, без лишних истерик и обид, то ли что смог на какой-то момент посеять сомнения в наши сплоченные ряды... Но его замечание о прожитых веках засело в памяти. Полуторатысячилетний возраст Делиаля я приняла с удивлением, но не более. К пятисотлетнему Манселю отношусь скорее как к младшему избалованному брату, а Хареля воспринимаю как солидного дядьку. А вот возраст Скайшера задел и очень, а еще я почувствовала неуверенность. Возраст — это дополнительный опыт, знания, сила и уверенность. Мне их очень не хватало, я чувствовала себя рядом со Скайшером глупым капризным ребенком, а теперь и вовсе... Он таким образом оказался на ступеньку выше, старше меня и... я внутренне сделала шаг назад, теперь сложно будет ему хамить, а другой защиты от эмоций и чувств, которые он у меня вызывает, я не видела.

К нам приблизились незнакомые марханы, чинно поклонились мне и самый старший из них, судя по его поведению и отношению к нему остальных, выдвинулся вперед. Одернул длинный черный камзол с серебристой вышивкой по краям, сильно расклешенный книзу и напоминающий пальто, и обратился ко мне:

— Приветствуем вас, досточтимая госпожа, на земле Эйнере. Я главный шаман свода Эйнере, мое имя Заус Который Всегда Впереди. Мы счастливы услужить той, что несет на себе столь большое обязательство и ответственность! Вы можете уже здесь попрощаться со своими спутниками, мы организуем не только вашу охрану, но и достойный эскорт до конечной цели вашего путешествия.

С недоумением выслушав речь напыщенного мархана, посмотрела на Ксиона и остальных, отметила, что они явно не ожидали подобной встречи, да и вообще такого расклада. Марханы потемнели от гнева, гоблины яростно задергали носами, Мансель с Харелем поглаживали рукоятки мечей в ножнах, и только Скайшер вновь язвительно хохотнул:

— Понятно! Знаешь, шаман, твоя маленькая оплошность не идет ни в какое сравнение с этими зажавшимися снобами-интриганами. Они твоими руками решили загрести себе всю славу спасителей хвостатых, а этот, скорее всего, и возвеличить свой подвиг... на века. Клянусь Стретером, таких хитрецов еще поискать надо.

Ксион прищурил черные глаза, глядя на помрачневшего Зауса, который, тем не менее, выжидающе смотрел на меня. Я пожала плечами, повернулась к Ксиону и, наклонив голову, спросила:

— А что, Ксион, нам обязательно спрашивать разрешения, чтобы зайти в город? И так ли необходима помощь... этого? Может, мы как-нибудь сами разберемся и найдем жрецов...

Ксион расслабился, лица других скривились в ехидных усмешках, когда они посмотрели на еще больше нахмурившихся встречающих, и наш шаман, медленно растягивая слова, ответил:

— Нет, Алев, их разрешения нам не требуется, как и помощь. А жрецов мы и сами найдем, причем довольно быстро. Они нас сами найдут в гостинице, я предупредил их о нашем прибытии.

— Я в тебе не ошибся, шаман, и это меня радует в кои-то веки. — Негромко произнес Скайшер, улыбнувшись глазами.

Мы с ним синхронно тронули бока лошадей, посылая их рысью в сторону города и объезжая застывших встречающих. Заус, быстро сориентировавшись, стремительно скользнул к Ксиону и, пристроившись рядом с ним, заговорил. Не заискивающе, нет, на это он вряд ли способен, но чувствовалось, что главный шаман очень досадует на себя за эту ошибку и просчет.

— Уважаемый Ксион, я наслышан, насколько вы радеете за правду и готов принести извинения за... неправильную позицию, но уверен, что мы все должны действовать сообща, учитывая важность грядущего события...

— Чего вы хотите, Заус?

— Я и мои марханы отправимся с вами к пределам...

— А зачем нам лишние? — Юдер, который скользил с другой стороны от Ксиона, спросил насмешливо, и судя по скрежету клыков Зауса, тому это явно не понравилось.

— Ты... — он уже начал шипеть что-то ядовитое, но был остановлен старым шаманом.

— Он один из самых сильных шаманов последнего поколения марханов, Заус, так что будь с ним повежливее. Он не отличается терпеливостью и скоро получит новое имя — Разящий Бич Марханов.

Заус прикусил язык, но снова рассчитывая на внимание Ксиона, продолжил:

— Вы же понимаете, насколько это серьезная... жизненно необходимая миссия для всех марханов. Лишняя помощь вам не помешает...

— Я сформировал отряд и организовал путешествие в целом. — Ксион ухмыльнулся впервые замеченной мной на его лице мерзкой, пакостной ухмылкой. — Но вот с некоторых пор за состав отряда отвечает уважаемый Скайшер, он решает, кто достоин или кому позволено находиться рядом с досточтимой Алев.

Заус, раздувая плоский нос, спросил, уже обращаясь ко всем сразу:

— И на каком основании...

Надоело мне слушать этого напыщенного мархана, и так уже искренне порадовалась, что судьба свела меня вначале с Ксионом, а уж потом — с Заусом, поэтому жестко заявила:

— Потому что так решил мой дед — Санренер Красный, Повелитель драконов, и я поддерживаю его мнение, на сей счет.

Про корону светлых промолчала, с ней пока все так зыбко и не точно... Да и межрасовая ненависть мне сейчас ни к чему. А про родство с драконами скрывать нечего. Это теперь моя гордость, моя семья. Харель, смерив меня понимающим взглядом, одобряюще улыбнулся. Мансель с большим любопытством за всем следил, чисто ребенок в цирке. Остальные довольно ухмылялись. Зато Скайшер схватил мою ладонь, слегка наклонившись и поднеся к своему лицу, лизнул в запястье. От этого влажного места разбежались горячие волны и электрические искры, а от хрипловатого голоса волосы встали дыбом по всему моему телу.

— Я рад, что ты, наконец, проявила ко мне благосклонность и приняла верное решение... Практически приблизила к своему телу...

Едва стерпела, чтобы не ерничать, но Заус, следящий за нами хитрыми черными

глазками, сам того не ведая, своим присутствием помог удержать лицо. Лишь поэтому, прилагая усилия, без комментариев выдернула руку из захвата этого циника и нахала. Скайшер, с делано печальным взглядом выпустив мою ладонь, повернулся к Заусу и уже жестко и безапелляционно припечатал:

— Состав отряда менять не будем! И вообще, вы слишком задержали нас... Уважаемый.

Хлопнул по крупу Тихони ладонью, переводя ее в галоп, он пристроился рядом, и мы направились в сторону главных ворот Эйнера. Остальные поторопились за нами, вон даже Юмихия, похлестывая лошадей, гремит колесами повозки, ускоряясь и с гиканьем стараясь обогнать нас. Стало легко и весело, и я неожиданно для себя поискала глазами золотой взгляд Скайшера.

А посмотреть было на что. В отличии от меня, неловко подпрыгивающей в седле, он словно парил, едва придерживая поводья. И как только мой восхищенный взгляд настиг его, золотое пламя вновь вспыхнуло, нежданно подарив радость. Я смутилась, а через секунду довольно и широко улыбалась ему, от чего его смуглое лицо странно просветлело, даже брови вспыхнули золотом, а тонкие губы дрогнули не в циничной усмешке, так присущей ему, а в теплой щемяще-трогательной улыбке, потрясшей меня до глубины души. Клянусь Высшими, с этим мужчиной я ни в чем не уверена. Заставила себя отвернуться от него и впериться, взглядом в приближающуюся крепостную стену города с воротами в виде огромной арки, украшенными коваными прутьями.

Добравшись до ворот, решила подождать остальных, но Скайшер, подмигнув Юмихии, от чего мы обе удивились — уж очень несвойственный для него жест — сказал:

— Я знаю здесь одно неплохое место, так что давайте двигаться туда, нас догонят.

— Но дедушка и Юдер...

— Нас догонят!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В итоге, мы обе смирились с его твердой настойчивостью и направили лошадей за ним. Филя трусил рядом с Тихоней, она совсем привыкла к присутствию мархуза рядом, не пугалась даже завываний диких животных в лесах. С Филей она чувствовала себя защищенной, добродушно кося на него черными глазами.

Ехали мы медленно, и обе во все глаза рассматривали город. Ни я, ни Юми здесь не были, хотя, как смущенно призналась девушка, она кроме Илисурга нигде не была. Ее и в этот раз взяли только из-за меня, чтобы соблюсти возможные приличия, или если бы мне потребовалась компаньонка или горничная. Дедушка Ксион слишком боялся за единственную внучку.

Город идеально чистый, здания низкие, а еще дома необычной странной формы. Словно в землю вонзали глиняные заготовки, а потом поворачивали вокруг своей оси, превращая в нечто, напоминающее песочные часы с крышами а ля грибные шляпки. Как пояснила Юми, это традиционная старинная схема строительства домов марханов. Первые этажи занимают гостевые или лавки, а вторые — жилые помещения, и с первого на второй поднимается витиеватая пологая дорожка без ступеней. Хвостатым марханам проще скользить по ней, чем преодолевать ступени, именно по этой причине дома имеют такую странную форму. По этому поводу у меня возникла куча вопросов, но я не решилась задавать их Юми, чтобы ненароком не обидеть.

Разноцветные низкие палисадники, возле каждой калитки низкие мостки перекинута через неглубокие канавы-арыки, по которым с веселым журчанием текла вода, смешиваясь с

нечистотами. Но запаха не было, как и чувства гадливости при виде этих грязных ручейков. Как поясняла все та же Юми, это специальная система очистки, и вода непрерывно циркулирует. В результате, город чистый, а воздух свежий и постоянно смешивается с ароматами свежей выпечки и цветов. Мимо скользили местные жители, окидывая меня презрительными взглядами, и я не сразу осознала причину столь нелестного внимания. Внешне я светлая эльфийка, вот они и выказывают мне 'доброжелательность' и 'гостеприимство'.

Настроение немного упало, а уж когда мы добрались до нужной таверны, и Скайшер помог мне спешиться, а Юми — вылезти из повозки, отдавая лошадей в заботливые руки пары молодых марханов, и зашли в зал, оно совсем упало.

— Светлых не обслуживаем! — голос хозяина за стойкой сочился презрением и злостью.

Скайшер напрягся. На его лицо снова вернулось циничное выражение, глаза блеснули яростью, и он пружинящим шагом направился к стойке. Разношерстная компания, сидящая в зале, с любопытством следила за происходящим, и напряженно — за мархузом, который пристально следил за всеми. Мы с Юми так и застыли возле двери, обводя взглядом людей, гномов, марханов и... темных эльфов. При виде них я вздрогнула от неприязни, они же, прищутив глаза, с пристальным вниманием разглядывали меня и Фильку.

Тем временем, Скайшер, ухватив за воротник сопротивляющегося хозяина, довольно крупного и плотного мархана, практически вытащил его из-за стойки, а потом что-то прошептал, только очень тихо, но явно угрожающе. В следующее мгновение мархан побледнел до голубого цвета и закивал головой, соглашаясь с похоже очень убедительными доводами Скайшера. Он медленно брезгливо разжал кулак, практически отбрасывая от себя испуганного хозяина, и направился к нам.

Я во все глаза смотрела, как он, плавно скользя, двигается с грацией красивого крупного хищника. И сейчас этот хищник приближался ко мне, не отрываясь, спокойно глядя в глаза. За ним, нервно подрагивая хвостом, следовал хозяин, который достигнув нас, проблеял:

— Приношу свои извинения, уважаемая! Моя скромная таверна к вашим услугам, постараюсь сделать все, чтобы вам было здесь уютно и комфортно. Вам и вашим друзьям.

На последнем слове он бросил короткий взгляд на Юми и подобострастный — на Скайшера. В этот момент в зал ввалились наши спутники. Первыми шли гоблины, они быстро рассредоточились по залу, при этом одарив нас не очень доброжелательными взглядами. Затем Юдер, который тут же взволнованно прижал Юми к своему телу, а потом и пара видимо все еще торгующихся шаманов. Заус, заметив хозяина таверны, приосанился и приказал, настойчиво стараясь добиться нашего одобрения и придать себе больше веса.

— Диркус, нашим гостям самые лучшие апартаменты и самой вкусной еды. И не мешкай, ты еще будешь рассказывать внукам об этом знаменательном дне, когда в твоей таверне останавливалась рожденная огнем.

Услышав этот эпитет, вздрогнула, вспомнив разговор с Высшими, зато Скайшер, стоявший рядом со мной, придвинулся вплотную и тихо пояснил:

— Так марханы в старину называли драконов...

— Скайшер, ты дракон? — спросила, подняв к нему лицо.

— А ты хочешь, чтобы я был драконом? — снова завораживающий шепот с тем же ответом, а рука ласково опустилась на мою талию.

Ну, сколько можно разговаривать намеками? Недовольно выпуталась из его рук и тихо

прошипела:

— Почему ты не можешь сказать правду? Зачем эти игры?

— Сладкая моя, уверен, что если бы я был драконом, то ты бы меня держала на расстоянии, способном охладить любой пыл... Хотя никто не гарантирует, что эльфа и других ты бы тоже не послала в длительное приключение. Поэтому на данный момент я для тебя просто Скайшер, твой хранитель.

Выразительно закатила глаза, а потом почувствовала тишину вокруг. Все смотрели на меня и Скайшера, откровенно ожидая продолжения нашего занятого разговора. А я от злости и испытанного ранее унижения мрачно сказала:

— Здесь меня отказались обслужить, так что пойдете искать другое место, где меня с ходу не захотят выкинуть за дверь как последнее ничтожество.

Хозяин был готов упасть в обморок, то ли ему всю ситуацию Заус обрисовал, то ли испугался угроз Скайшера, а может расстроился, что внукам нечего будет рассказывать. Он буквально прохрипел, приближаясь ко мне под осуждающими взглядами моих спутников. А я невольно вспомнила первый диалог и знакомство с марханами в Илисвурге: 'Эх, опять меня понесло, а все этот блондин загадочной наружности, все-таки нельзя так на него реагировать, давая повод думать о себе как об избалованной девочке.'

— Госпожа, я приношу свои глубочайшие извинения за высказанные по глупости слова... Клянусь, в моей таверне вам предоставят все самое лучшее...

— Да ладно, чего уж там... Кто старое помянет, тому глаз вон, — тут он снова стал голубым, бросив испуганный взгляд на Скайшера, а я решила уже заканчивать с приветствиями. — Спасибо за гостеприимство, надеюсь, моего мархуза здесь покормят...

Филя вывалил розовый язык, потом громко сглотнул и пристально, плотоядно уставился на бедного мархана, который отпрянул назад, все еще пытаясь сохранить лицо и не потерять столько клиентов. Заус потемнел лицом, похоже прибавил очередной прокол с таверной к своим просчетам. Скайшер же, подхватив меня за руку, потащил к столам. Все вздохнули с облегчением, а я почувствовала себя тираном и деспотом с манией величия. Так, надо быть проще, и марханы ко мне потянутся...

После обеда, хорошего, надо сказать, оставив вещи в таверне, мы направились в местный храмовый комплекс, посвященный всем богам. Как пояснила Юми, которая в очередной раз заняла одну со мной комнату, в Эйнере чтят всех богов, но поклоняются только одному. Просто остальных стараются тоже не обижать, ведь все знают, что злой бог даже чужака наказать может...

Большая часть марханов и гоблинов разбрелась по своим делам, а со мной и Скайшером пошли Ксион с Юдером, Юми, Сиурей, ну и конечно Заус... Куда ж без него. Он не воспринимал (или не хотел воспринимать) вежливые советы идти по своим делам, а весьма невежливые — просто игнорировал, старательно переводя тему на что-нибудь другое и обращаясь исключительно ко мне и Скайшеру, что ожидаемо бесило остальных спутников. Скайшер лишь усмехался, а я не знала что предпринять, чтобы сгладить общее недовольство. А потом плюнула на все и решила плыть по течению, пусть марханы сами между собой разбираются! А позади всех белобрысыми тенями следовали Мансель с Харелем.

В одном из переулков случился небольшой переполох. Понесли лошади, запряженные в телегу, перевозящую, судя по дальнейшим разбирательствам, ценности одного из банков. Гномы в деловых костюмах, размахивая портфельчиками, бежали за лошадьми с громкими ругательствами, криками предупреждая об опасности прохожих. Но мы с Юми,

задержавшись возле одного из открытых прилавков, чуть отстали от сопровождавших, которые так увлеклись спорами за место возле досточтимой Алев, которая будет возлагать Священное Сердце на его ложе, что забыли о нас. И лишь Скайшер остановился чуть поодаль и пристально следил за нами. Мархуз развалился рядом, лениво поглядывая на шокированных прохожих, а мы, наконец, оторвались от созерцания множества ленточек и украшений для волос и двинулись догонять своих.

И вот как раз в этот момент сначала услышали за углом испуганные крики и гневные вопли, а потом увидели, как из переулка прямо на нас несутся лошади, запряженные в груженную ящиками телегу. Это оказалось столь неожиданно и внезапно, что мы на мгновение замерли, а потом обе поняли, что нам не уйти. Магия огня в этом случае не поможет, а уж исцеления — только мне самой и то если выживу...

Мелькнула огромная тень, и прямо перед нами выросла спина Скайшера, который, вытянув ладони вперед, выкрикнул пару слов, и все замерли, как будто время остановилось. Только мы с Юми прижались друг к другу. Девушка, уткнувшись мне в плечо, плакала навзрыд, обвив синим хвостом мои ноги. Скайшер так и стоял спиной к нам. Потом он медленно повернулся, а я непроизвольно вздрогнула.

Его глаза пылали золотом и теперь стали типичными для любого представителя драконьего племени. Жуткие змеиные глаза, в которых полыхали ярость и страх. Смуглое лицо в обрамлении черной арафатки побледнело и осунулось, словно он сейчас пережил невероятное потрясение. Черты лица заострились и стали хищными, прямо-таки излучающими животную опасность, но самое главное, по подбородку зазмеилась золотая полоска чешуи.

Он сделал резкий шаг вперед, подавляя своей мощной, тяжелой для восприятия аурой, потом, бросив раздраженный взгляд на рыдающую у меня на груди Юми, которая совсем сникла от его влияния, но, по всей видимости, пока не понимала от чего ее так плющит. Скайшер, подойдя вплотную, прижался к моей спине, наклонился и, обхватив голову своей лапицей, сминая волосы, уткнулся мне в висок носом. Черная ткань палантина накрыла мое плечо, а меня окутал его яркий чувственный аромат, от чего я непроизвольно глубоко вздохнула. Потом его длинный язык скользнул по моей коже, лаская скулу и очерчивая контур лица. Я задохнулась сначала от невероятного облегчения, что еще жива, потом, что он меня сейчас не прибьет от злости — явно испугался, а потом эта ласка напомнила об одном инциденте, произошедшем совсем недавно, и я, ткнув его локтем в бок, обличающе зашипела:

— Так это ты тот обнаглевший дракон, который обслюнявил меня недавно и хотел...

Мужчина напрягся, одновременно с этим придерживая, чтобы не вырвалась, и, заглядывая в глаза, выдал хриплым голосом:

— Я рад, что та встреча не оставила тебя равнодушной и...

— Да я... да ты... я вообще... — в кои-то веки мне не хватало слов!

— О-о-о, настолько равнодушной... Ну что ж, я могу гордиться собой и лелеять...

— Свое эго ты можешь лелеять и ничего больше... — наконец-то сумев найти слова, выпалила я, — ты меня тогда до чертиков напугал!

— Значит мы в расчете, сладкая моя, потому что сейчас ты меня до этих самых чертиков напугала.

Юми в процессе перепалки отклеилась от меня и теперь стояла, с любопытством наблюдая за нами. Я же уже практически лежала на сгибе его локтя, пока он держал мой

затылок, но странное дело, вырваться сил не было, впрочем, как и желания. Пережитый страх забрал силы. Черты его лица смягчились, исчезли проблески чешуи и вертикальный зрачок, а потом он задумчиво спросил, разглядывая меня из-под полуопущенных век и золотистых ресниц:

— Почему ты отталкиваешь меня, Алев? Я не нравлюсь тебе?

Я смутилась от такого пристального золотого взгляда, а потом тихо ответила:

— Находясь между жизнью и смертью, я плакала о том, что так и не познала любви, и сама никого не любила. Когда меня вернули сюда... И когда я узнала о судьбе своих родителей... Я поклялась себе, что моя жизнь будет наполнена любовью, моей и кого я выберу себе. Ну или того, кто выберет меня... Короче, это не важно. Важна любовь. Наверное, я многого хочу или вообще запредельного желаю, но свяжу свою жизнь только с тем, кого буду любить, и кто так же сильно будет любить меня.

— Девочка, что ты знаешь о драконах?

Я замаялась, но ответила честно. Мне вообще не хотелось врать этому мужчине даже в мелочах.

— Очень мало, к сожалению, но я наверстаю утраченные годы, как только закончу с этой миссией.

Золотые брови приподнялись чуть выше, но особого удивления не заметила, похоже этот дракон многое обо мне выяснил.

— Любовь дракона принадлежит его избранной с того момента, как он ее почует...

— В каком смысле почует?

— Это сложно объяснить, просто все во мне, хм-м-м, в самце настраивается на свою избранную. Образуется незримая связь и разорвать ее уже ничего не в силах. С каждым мгновением, проведенным вместе, она усиливается настолько, что утратив ее или разорвав, дракон умирает. Потому, что душа погибает сразу.

Я слушала его с замиранием сердца, припомнив тоскливый взгляд деда и их весьма загадочный разговор, а потом не выдержала и спросила:

— А самка как чует?

Скайшер тяжело вздохнул, а потом медленно провел пальцами второй руки по моему лицу, следя за их движением.

— Природа, Огонек, просто так своими ресурсами не разбрасывается. Самки — это основа продления рода, гарантия выживаемости вида... Избранная самка выбирает и отвечает сердцем на зов души самца. Отвечает или нет... Так что нам приходится крутиться, чтобы заставить... Хм-м-м, увлечь самку настолько, чтобы она ответила любовью и связала свою линию жизни с нашей.

Слово 'заставить' от моего внимания не ускользнуло, поэтому я ехидно заметила:

— А ты скорее относишься именно к тем, кто заставляет и охмуряет своими достоинствами, а не увлекает или ухаживает...

— Алев, а можно уже их всех разморозить? — неожиданно раздавшийся голосок Юми прервал мою обличительную речь.

Я посмотрела на Юми, а она тоскливо рассматривала все еще замерших окружающих и тройку лошадей. Скайшер выпустил меня из захвата, томительно медленно проведя ладонью по затылку, шее и спине, от чего меня вновь бросило в жар и смущение, а потом, довольно хмыкнув, вновь возвратил обычное отстраненно-циничное выражение лицу и принялся за дело. Приказал нам отойти в сторонку, а сам забрался в повозку и, намотав поводья на руку,

снял заклинание.

Все в мгновение пришло в движение, лошади, всхрапнув, понеслись было дальше, но Скайшер яростно рыкнул и дернул поводья, от чего напуганные животные словно на стену налетели. Поднялись на дыбы, жалобно, испуганно заржали, а потом встали как вкопанные, мелко трясясь всем телом. Как раз в этот момент подбежала пара гномов в дорогих деловых костюмах и еще пяток — в костюмчиках попроще. Они сразу перехватили под уздцы лошадок, а деловые громко извинялись и благодарили моего дракона.

Как только мысль о 'моем' драконе пришла в голову, я так же как недавно лошади словно на стенку наткнулась.

— Что-то случилось? — испуганно спросила Юми.

Я же нахмурилась и ответила, быстро топая в сторону бледно-синих от стресса марханов, которые прониклись случившимся и возможными последствиями того, что могло бы произойти...

— Просто всякая дрянь в голову лезет!

— Это не про меня ли, единственная моя?

— Скайшер, — снова запнулась, смутилась, а потом, стараясь не смотреть дракону в глаза, произнесла: — Благодарю тебя за наше спасение, если бы не ты, нам бы пришлось худо.

Он посмотрел на меня, слегка нахмурившись, и бесстрастно ответил:

— Не стоит, это моя работа как предполагается...

Я недоуменно посмотрела на него, золотые глаза не пылали, они были пустыми и безразличными, а у меня в душе шевельнулась странное чувство потери. Утраты этого огня в его глазах, когда он смотрел на меня. И 'сладкая моя' он тоже не добавил...

Марханы обступили нас троих и наперебой стали благодарить Скайшера и беспокоиться о нашем самочувствии. Юдер совершил беспрецедентный для любого мархана поступок — подхватив Юми на руки, прижал к себе. Ведь они весьма щепетильны в проявлении чувств при свидетелях, а сейчас Юдер слишком сильно испугался за нее. Вон, как его трясет. Ксион тоже удивил, приобняв их обоих, удрученно и подавленно смотрел на меня, потом произнес:

— Простите нас, Алев, мы не справились со своей задачей, и ваша безопасность... Вы могли пострадать...

— Все обошлось и давайте уже не будем об этом.

Ксион облегченно кивнул, Заус тоже перевел дух, и мы продолжили свой путь. Юми сейчас скользила ведомая Юдером за руку, а перед этим он неохотно выпустил ее из объятий. А я тоскливо смотрела на их соединенные руки. Зато Мансель с Харелем выглядели загадочно задумчивыми, они хоть и заметно напряглись из-за случившегося, но как мне кажется не сильно. Вполне возможно, например, Манселью выгодна моя смерть, ведь корону может надеть и он, в случае моей скоропостижной кончины, а что касается потомства и проклятия, то жизнь эльфов та-а-а-кая длинная... Всякое может произойти.

Глава 19

Из-за поворота показался невероятного вида комплекс зданий, между которыми песчаные площадки чередовались с петляющими полосками травы. При ближайшем рассмотрении я сразу провела аналогию с японскими садами банзай. Здания такие же 'скрученные' посередине с крышами-шляпками, но только на них высились столбики, сплошь увешанные колокольчиками, которые на ветру или еще по какой-то причине издавали мелодичный перезвон. А так как этих домов-грибов было множество, то и звенело довольно громко. Низкая ограда позволяла все хорошо рассмотреть, и мы, кто с любопытством, кто с благоговением, наконец, подошли к арке-входу, странно низкой, всего в половину роста любого мархана. Я недоуменно уставилась на это сооружение и только собралась двинуться вперед, как Ксион шикнул на меня.

Он скользнул в странную каменную ванну с бортиками не выше моего колена и, приподняв подол камзола, покрутил там хвостом, омывая его водой. После ванны сразу вылез в начало зеленой дорожки травы. Причем я опять удивилась, заметив множество монеток, разбросанных по песку. Как только Ксион оказался на траве, повернулся ко мне и тихо сказал:

— Сними обувь, омой ноги и ступай только по траве. Трава снимет напряжение и откроет путь истинным мыслям.

А я подумала, что хорошо лето сейчас... Разувшись и ополоснув ноги, тоже ступила на дорожку из травы, поразившую мягким упругим покровом и теплом, которым она поделилась с моими ногами. Похоже, это место действительно живое и святое, раз оно намолено тысячами, а может и миллионами марханов и не только, сюда, как говорила Юми, ходят и представители других народов, раз здесь есть святилища всех богов Лайваноса.

Через арку по тропинке мы заходили, согнувшись в три погибели, особенно Скайшер, но он проделал эту процедуру с такой грацией и пластикой, что я даже засмотрелась на него, и сие снова не укрылось от его внимания. Стоило ему поймать мой заинтересованный взгляд, как его глаза вспыхнули удовлетворением, и вновь родилось золотое пламя. По спине прошла возбужденная дрожь понимания — между нами просто ничего не будет и не закончится. Так что надо сейчас решать — давать ситуации развитие или предпринимать решительные шаги к отступлению. Хотя, понаблюдав за Скайшером в течение даже небольшого времени, я понимала, что вряд ли тут что-либо сама решаю...

Мои мысли прервались при виде идущего навстречу... наверное, жреца-мархана. В отличие от остальных, он практически полностью обнажен, лишь узкая 'набедренная' повязка немного прикрывала тело. На груди с хорошо развитым мышечным каркасом красовался круглый желтый кулон на толстой цепи. Черные жесткие волосы до пояса стянуты несколькими металлическими зажимами, а в глазах не было кротости, всепонимания и всепрощения, как мне казалось, должному быть в лицах монахов или священнослужителей. Эти глаза говорили об остром уме, силе и готовности в любой момент вступить в смертельную схватку.

Воин-жрец не спеша приблизился и пристально окинул нас взглядом, остановившись на мгновение на Скайшере, а потом замерев на мне. Очень темным, не предвещающим ничего хорошего взглядом мазнул по светлым, но промолчал. Он не произнес приветствий или еще

чего-нибудь, просто скользнул чуть ближе ко мне и спросил мрачным холодным голосом:

— Почему мы должны тебе верить, рожденная огнем?

Я удивилась, что он сразу опознал мою принадлежность, а потом пожала плечами, все еще раздумывая над ответом. Сейчас это очень важно сделать правильно. Мужчина напротив — не торговец, не шаман, а жрец, которого годами готовили к служению и защите их главной святыни. Он поджал тонкие губы, от чего острые клыки блеснули в лучах Дрива, затем спросил:

— Как выглядит 'Сердце Марханов'?

— Ну, очень похоже на твой кулон, мархан!

Меня задело пренебрежительное обращение на 'ты', поэтому ответила в том же духе, но стоило замолчать, как его взгляд и поза изменились. Глаза в момент осветились внутренним светом — их чернота стала полупрозрачной, лицо потемнело, а тело напряглось словно для прыжка.

— Где оно?

Я склонила голову вбок, рассматривая его и произнесла, отметив едва уловимое смещение Скайшера в мою сторону:

— В надежном месте. Его положит на свое ложе Камос Который Всегда идет до Конца. Хоть и моими руками. Это мое перед ним обязательство как ученицы и мой долг.

— Город окружен куполом, в котором магия не действует, как ты собираешься его добывать...

— О, не волнуйся за него. В этом месте всегда подействует моя личная магия, ей внешние ресурсы не нужны...

— Ты не понимаешь, крылатая, там вообще не действует магия.

— Я точно знаю, что как только туда попаду, Сердце окажется у меня в руках! — Посмотреть бы на себя со стороны, чешуя не проступила от постоянных споров со всеми?

Видимо он уловил нарастающую злость в моих глазах и уступил:

— Как знаешь! Тебя мы проведем, остальные останутся здесь!

— Мы три недели вели ее сюда и тоже заслуживаем этого чуда! — Ксион аж подпрыгнул от негодования.

Жрец прищурился, посмотрел на Юми, Юдера и сказал как отрубил:

— Ты пойдешь шаман, но твои дети — нет! Потом ты поймешь почему! Остальных мы не возьмем, потому что далеко они не пройдут, а возвращать и оберегать их будет некому...

— Это наша Повелительница, и мы однозначно идем с ней.

Жрец презрительно усмехнулся, лишь слегка приподняв уголок губ:

— Вас грань не пропустит и вы, это хорошо знаете...

Оба светлых замолчали, с трудом пережевывая насмешку, но продолжили изучать недобрым взглядом жреца. Что же замышляет младшенький? Ох, и не нравится мне это!

А еще я испугалась перспективы остаться одной. Без своих спутников. Сделала шаг и, оказавшись вплотную к Скайшеру, твердо заявила:

— Скайшер пойдет со мной и это не подлежит обсуждению! Он мой...

— Я уверен, этот мархан и не думал, что ты пойдешь без меня. — Перебил хрипловатый, слегка насмешливый, слегка предупреждающий голос дракона.

Жрец прищурился, очень внимательно оглядывая его взглядом, и выдал, заставив меня смутиться и раздраженно поджать губы.

— Хм, я понимаю, что это было бы невозможно... связь уже видна невооруженным

глазом, да, ты пойдешь с нами, прости за невнимание.

Отрицать его слова не стала, несмотря на удивленные взгляды моих спутников. Если я начну сейчас отнекиваться от нашей мифической связи, то еще чего доброго, пойду в компании Ксиона и незнакомых жрецов. Нет уж — мне страшно... И честной надо быть с собой хотя бы... Я хочу, чтобы он пошел со мной.

Между тем, наглющий Скайшер усмехнулся и прилип ко мне основательно, положив лапищу на талию и притягивая все ближе, прожигая своим теплом и рождая во мне что-то странное. Посмотрела на него, заглядывая в лицо. Ехидства или превосходства нет. Лишь бесстрастная маска, но глаза светятся теплом и... нежностью. Так непривычно, но так приятно. А главное, почему так сердце защемило?

Дракон неохотно оторвал взгляд от моего лица и вновь посмотрел на полуголого мархана, который смотрел на нас оценивающим и уже напряженным взглядом. И как только Скайшер открыл рот и заговорил ледяным бесстрастным голосом, даже меня пробрало, хотя вроде и угрозы прямой не было, но похоже, он долго тренировался говорить таким мертвым и пустым голосом, от которого мурашки по коже бегают.

— Невнимание прощу на первый раз, а потом тебе, жрец, придется всегда и везде учитывать мое мнение, прежде чем выдвигать свои условия! И принимать любые решения по нашему поводу тоже. Надеюсь, мы друг друга хорошо понимаем?

Жрец прищурил глаза до тонких щелочек, обдумывая свои дальнейшие действия и слова. Потом он, видимо, решил все для себя и согласно кивнул. Я спиной почувствовала, как все облегченно выдохнули, я же только слегка пожала плечами. Но хорошо, что хорошо кончается! Поэтому спросила:

— Когда мы выходим в путь?

Мархан бросил осторожный взгляд на дракона, отвечая:

— Планируется завтра утром... — Молчание Скайшера и нейтральный вопрос жреца, больше адресованный ко мне: — Вы хотите что-то узнать?

— Нет, просто погулять здесь хотела и посмотреть. Очень красиво и любопытно тут все устроено...

— Это общая обитель для богов. Так что к нам приходит всякий, кто нуждается в помощи, защите или наставлении. Вы можете спокойно гулять здесь, где захотите...

Снова вкрадчивый прохладный голос Скайшера:

— Как далеко мы сможем пройти порталом?

Жрец замер, нахмурился, а потом слегка устало, но явно не от физических нагрузок ответил:

— Вы сами все увидите. Боюсь разочаровать вас, но почти весь путь мы пройдем сами. Там искажено пространство, и грань приближается к Эйнере с каждым столетием все ближе... Территория тьмы наступает. Хм, ваш огонь, крылатый, пригодится нам гораздо больше, чем ваша магия.

От этих слов все посмурились, и я в том числе, ведь мне туда идти...

После завершения разговора жрец, удалился, оставив нас размышлять о дальнейшем. Ксион тихо убеждал расстроенного ученика не падать духом и лучше присматривать за невестой. Юми тоже расстроилась, но скорее из солидарности с любимым и страха за дедушку, но услышав про невесту, смутилась, опустив черные глаза долу. Юдер же в этот момент взял себя в руки и, подхватив ее ладонь, попросил старого шамана:

— Прощу, учитель, перед вашим отбытием засвидетельствовать обряд единения, раз уж

мы в священном храме. Думаю, жрецы нам не откажут, учитывая ваше завтрашнее путешествие...

Юми потемнела от волнения, Ксион тоже, он скользнул к теперь уже фактически родственнику и крепко его обнял со словами:

— Я горжусь тобой, мальчик мой! И с радостью отдам самое дорогое, что у меня осталось от всей семьи.

Мне Юми еще в самом начале пути рассказала трагическую историю гибели ее отца и матери от рук грабителей, и сейчас я растрогано наблюдала за всей этой сценой. Над ухом раздался тяжелый вздох, заставив меня вздрогнуть. Затем прошелестел мягкий, обволакивающий сердце и душу голос Скайшера:

— Жаль, эти слова произносит не твой дед Санренер... Это бы сделало меня самым счастливым мужчиной на свете.

Приятно, если бы не насмешка в его голосе, которая опять заставила меня принять боевую стойку и отбросить сентиментальное настроение.

— Ты просто шут!

— И что это за зверь такой? — в голосе дракона прозвучало недоумение.

— А это тот, кто народ постоянно смешит!

— Поверь, девочка, я меньше всего похожу на шута! Я ласковый и веселый только пока ты рядом, остальные же не решатся назвать меня шутом...

— Потому что за последствия не отвечаешь?

— Нет, сладкая моя, за последствия я отвечаю всегда. Просто именно эти самые последствия тем, кто посмеет так меня назвать, вряд ли понравятся, если конечно они не самоубийцы...

— Ты у нас такой грозный и опасный, да?

— Не нарывайся, девочка...

— А что ты мне сделаешь? Покусаешь?

— Зацелую, Огонек! А может и кусну пару раз... легонько, уверен, тебе понравится.

— Ну, уж нет, скорее я тебя сама покусая, если ты меня как в прошлый раз вылизывать будешь...

— Ум-м-м, девочка, похоже прошлый раз на тебя оказал неизгладимое впечатление, а знаешь, покусай, — и такой довольный вид, что я обреченно закатываю глаза.

— О боги, ты неисправим, все играешь в крутого мачо?

— Э-э-э, мачо?

— Ну, это те, кто настолько крут, что круче только яйца...

— Ну, радость моя, я не против, если ты лично проверишь крепость моих яиц.

— Пошляк! Ко всему прочему! — Выпалила, отшатнувшись от нависающего надо мной огромного Скайшера, с тянущимися ко мне загребущими руками.

— К красоте, уму и сексуальности...

— Нет, к наглости и повышенному самомнению.

Нашу перепалку прервали Мансель с Харелем. Они подошли ко мне, но при этом бросив осторожный взгляд на дракона, который враз посерьезнел и напрягся, буравя их злым змеиным взглядом. Теперь он от меня свои такие занимательные зрачки не прятал. Мансель начал первым, а Харель следил за выражением моего лица.

— Повелительница, — и вновь ехидный смешок дракона, — мы пойдем с вами, но сможем добраться только до границы со светлыми землями. Там мы покинем вас. — Я

улыбнулась и согласно кивнула. Слова сейчас были излишни. Снова бросив на Скайшера настороженный взгляд, спросил: — Мы до завтра вам еще нужны?

Я удивилась их вопросу, но отрицательно помотала головой, а оба эльфа, как мне показалось, с тщательно скрываемым облегчением кивнув мне, ретировались со святой территории — уж точно они не грехи замаливать пошли или наставления искать, судя по четкому направлению к выходу и прямым напряженным спинам. Вот интересно, куда они так торопятся....

Скайшер отвлек меня от тревожных мыслей, подхватив под локоть, и повел в сторону зданий. О каждом божестве или алтаре он рассказывал так красочно и интересно, что я, открыв рот, с горящими глазами ловила каждое его слово... Мне никогда не рассказывали сказок, или точнее, я не помню, рассказывали ли мне их родители, а сейчас этот мужчина на годы вперед выполнил план по сказкам. В какой-то момент я сама взяла его за руку, и мы так и переходили от одного места к другому. Потом вышли в город, не обращая внимания на Сиуррея и Филю, которые шли позади нас и охраняли мою скромную персону. Потом просто гуляли по улицам с забавными зданиями. Поглазели на ярмарку, поели сладких пирогов с ягодной начинкой, накормили Филю под насмешливые взгляды гоблина, который с загадочным выражением на зеленом лице наблюдал за нами тремя.

Меня не смущали любопытные прохожие, которые провожали нашу компанию взглядами, я слушала тягучий хрипловатый голос и растворялась в нем. Забыла обо всем, кроме этого глубокого голоса и золотых глаз. В один из моментов в голову закралась мысль, что он меня приворожил, но решила быть честной с собой. Просто он мужчина с большой буквы.

Утро наступило слишком быстро, я явно не выспалась, потому что мы поздно вернулись в гостиницу, после чего, быстро перекусив, я пошла спать и пока поднималась на второй этаж, спиной чувствовала горячий голодный взгляд Скайшера, который, как мне почувствовалось, осязаемым прикосновением прошелся по мне сверху до низу.

Сейчас же я уселась в кровати, пытаюсь проснуться, а рядом ворчал мархуз. Огляделась вокруг, Юми, скорее всего, в этой комнате не ночевала. Ах, ну да, вспомнила! Обряд! Она наверняка с Юдером. Но заметив на второй кровати слишком большой отпечаток тела, озадачилась. Миниатюрной марханке он точно принадлежать не мог, а вот тот факт, что мой мархуз не пикнул и не рыкнул за всю ночь, подсказал, откуда ноги растут у этого отпечатка.

— Р-р-р, Скайшер, гад ползучий!

Быстро привела себя в порядок, слава богам, как и в Илсвурге здесь имеется нечто похожее на душевую и унитаз, затем оделась и, собрав все свои пожитки, спустилась в столовую. Там меня уже ждал наглый дракон в компании Сиурея и Ксиона. Поздоровавшись с последними двумя, села рядом со Скайшером и прошипела:

— Тайком пробрался ко мне...

— А ты, правда, думаешь, что я позволю своей избранной спать за стенкой вне моего поля зрения? Ты можешь играть и дальше в независимость, но о твоей безопасности я буду заботиться как считаю нужным и возможным.

Я задохнулась от твердости и незыблемости утверждения, что я его избранная, а так же от последовавшего 'можешь играть...'. Поэтому буквально выплюнула:

— Я прожила без тебя двадцать семь лет и ничего, жива, как видишь. И в этом мире очутилась голая и босая посреди леса... — перевела дыхание, а вот нечего меня постоянно опекать как малое дитя, — ... не думай, что этот мир ласково встретил меня, и со змеем пришлось справляться и с вампирами, и в пути уже три недели и...

— И две недели я постоянно слежу за вами, начиная с того момента как увидел тебя в Тизиулике, не выпуская из виду ни на мгновение.

А я замерла, широко распахнув глаза и глядя на его враз потемневшее лицо и глаза, заплывшие расплавленным золотом.

— Значит, я не страдаю паранойей, это твой взгляд все время ощущала...

— Хвала чистому небу, моя малышка не страдает головой...

Прищурившись, бросила на него задумчивый взгляд. В этот момент принесли еду, и мы отвлеклись от столь трудного разговора, но я заметила, как Ксион очень внимательно рассматривал столешницу, а Сиурей — окружающих, из чего сделала вывод, что напряжение еще витает между нами, и присутствующие не хотят провоцировать дракона на необдуманные поступки.

Я уже заканчивала завтракать, когда смутное чувство мазнуло по сердцу холодком. Без резких движений осмотрелась и натолкнулась взглядом на парочку темных. Двое белокожих мужчин с темными длинными волосами сидели за самым дальним от нас столом и поедали меня взглядами. Они сидели слишком далеко, чтобы точно определить какие чувства их одолевали, но внезапно появившийся внутренний дискомфорт подсказал, что ничего хорошего у них для меня не было. Я отвела от них взгляд, передернувшись, и тут же услышала тихий вопрос:

— Что случилось?

Я только качнула головой, но постаралась быстрее закрутиться и отправиться в дорогу. С отрядом гоблинов мы прощались коротко, но мне было до боли жаль с ними расставаться, и они это отметили и оценили. Каждый поклонился, прежде чем уйти. Юдера я обняла как и Юми, которой подарила на свадьбу одно из украшений, преподнесенных мне в Илисбурге благодарными родителями тех, кому я помогла выйти из того проклятого леса. А Мансель и Харель — подозрительно спокойные и довольные — отправились с нами.

Рельеф местности постепенно выравнивался, и все чаще стали появляться островки низкорослого леса. Филя бежал впереди, с радостной мордой встречая очередные признаки леса, ему явно надоели городские пейзажи. Впереди скользили жрецы, правда теперь они одеты в холщовые простые рубахи, подпоясанные толстыми ремнями, на которых крепилась куча колюще-режущего оружия. А за плечами у них висели жидковатые рюкзаки. Похоже, эти жрецы очень непритязательные ребята, в отличие от меня, с моей любовью к комфорту и огромному нежеланию бросать хоть часть своих вещей на произвол судьбы. Детдомовские годы сказываются... В итоге, часть моей поклажи с легкостью тащил на себе Филя, а другая — была приторочена к седлу Тихони.

Ксион ехал впереди и оживленно беседовал с одним из десяти жрецов, которые отправились с нами. А светлые ехали самыми последними, как мне показалось, их словно вычеркнули из нашей чертовой дюжины. Марханы даже двигались таким образом, чтобы между мной и светлыми все время кто-то из них находился. И яркие довольные всполохи в золотых глазах подсказали, что дракон их весьма в этом поддерживает.

— Я думаю, надо остановиться, чтобы ты пообедала...

— Я ела пару часов назад, ты что меня на убой откармливаешь?

— Нет, просто вижу, что ты выматываешься и хочу...

— Скай, я знаю тебя меньше недели, а ты уже ведешь себя как тиран!

— Ты не права, малышка!

— Хорошо, две.

— Гораздо дольше... — его голос прозвучал странно отстранено и хрипло.

— О чем ты говоришь? Мы встретились в Тизиулике и...

— Души драконов после смерти возрождаются вновь драконами и ни кем иным.

— Даже полукровки?

— Чтобы родиться драконом, надо принять его душу, а не только его сущность.

— Я не совсем понимаю, к чему ты ведешь.

— Я не веду, я говорю прямо. Избранная не появляется из ниоткуда, единственная моя. Наши души связаны навечно, и каждый раз возрождаясь в новом теле, мы просто ждем друг друга в очередной жизни. И ждать зачастую приходится очень, очень долго...

— А как же зеленые и тем более черные драконы?

Скайшер потемнел лицом, всматриваясь вдаль.

— Знаешь, почему твои соплеменники не все одобряют связи с зелеными самками? — я отрицательно качнула головой, а он продолжил: — Черные бездушны, а у зеленых лишь кусочек души, но они истинные животные. Лишь те драконы, которые обретают вторую сущность имеют душу. Те, кто не сумел, не выдержал и оброс скорлупой в утробе матери, теряют не только сущность, но и душу. Она идет на второй виток ожидания достойнейшего и сильнейшего. А остальным приходится ждать возвращения своей половинки, ждать и надеяться на невероятную удачу и счастье обретения, и новой встречи...

Мне в глаза заглянули два золотых бездонных скорбных омута, и хрипловатый голос пояснил:

— Я ждал тебя пять тысяч лет, любимая, так долго, что уже потерял счет времени и связь с реальностью. — Потом снова резко отвернулся от меня и безэмоционально продолжил.

— Вот поэтому твои красные соплеменники и делятся на два лагеря: одни красные готовы закрыть на это глаза, другие — не могут смириться и пойти на связь с животным, у кого лишь частичка души — ее пародия.

— А вы... золотые... бывает, что и вы с зелеными... хм-м-м, ну это...

— Тупое спаривание возможно, когда припечет, конечно, а дети у нас рождаются только от полноценных драконов. Чем выше уровень развития и сильнее магия, тем хуже совместимость, полное отсутствие возможности подобного смещения и продолжения рода Ты думаешь, почему золотых осталось так мало?

— Мало? Я думала ты один?

Скайшер усмехнулся и, подведя Серого вплотную к Тихоне, тихо сказал, при этом запуская свою пятерню мне в волосы и обхватывая затылок:

— Нас немного, по моим последним данным драконов десять осталось, но тебя я им представлю только после единения и спаривания. А еще лучше, когда ты понесешь от меня... Во второй раз!

'Хорошенькое дело, без меня, меня женили' — чуть не рывкнула я, но захлебнулась собственным негодованием. Затрудняюсь сказать, что у меня на лице было, зато его физиономия засветилась довольной усмешкой и наиграно недоуменным поднятием бровей в стиле 'что это с вами, мадам?'

Освободилась из его рук, но со страхом поняла, что делаю это неохотно, лишь бы досадить. И даже отвечать на его наглое заявление не стала, все равно проиграю в словесной перепалке. А потом все же не удержалась:

— А ты не рассыплешься от старости... В свои-то пять тысяч лет потомством обзаводиться?

— Я же тебе уже предлагал проверить на крепость как всего меня так и мои яй...

— О, все-все, я поняла тебя, продолжать дальше не стоит.

Я поджала губы от очередной насмешки, при этом чувствуя, как мое лицо заливают краска стыда и смущения. Не знаю, чего больше... Эх, это в прошлой жизни среди людей я была самостоятельной, даже солидной и самодостаточной дамочкой, а здесь действительно девочка среди умудренных жизненным опытом мужчин и Юми в качестве няньки.

Еще час езды в полнейшем молчании, и каждый из нас замечает, как Дрив целует Лайванос и сливается с Суаром, рисуя ему привычную красную корону. Жрец по имени Дезей, который нас встречал в обители, объявил привал возле узкого стремительного ручья на небольшой прогалине. После вчерашних долгих прогулок и длительного пути, который мы сегодня преодолели, ноги гудели, поэтому на землю я опускалась медленно и морщась от неприятных ощущений в икрах.

Талию обхватили большие сильные ладони, и я повисла на руках Скайшера, хватаясь за его плечи. Он прижал меня к себе, в очередной раз глубоко вдыхая мой запах, что уже даже не пугало и не раздражало. Мои ладони скользнули по черному палантину, покрывающему его голову и немного натянули тонкую ткань, складками свисающую на груди и спине.

— Зачем ты его носишь?

Скайшер, не торопился выпускать меня из своих рук, так и прижимая к телу. Прищурился, взглядываясь в мои глаза, затем медленно, неохотно ответил:

— Лишнее внимание мне ни к чему, родная! Если только твое, но не окружающих...

— Сними его! Для меня! — я игриво поджала губки и с улыбкой посмотрела на мужчину.

— Сниму, как только примешь меня как избранного, — ровный голос слегка задел — моей игры не принял и на предложение не откликнулся.

— Ты под ним такой страшный или такой красивый? — мое подначивание тоже не подействовало, он только пожал мощными плечами, от чего мои руки приподнялись вслед за ними, а я ощутила игру стальных мускулов.

— Узнаешь в любом случае, но когда я сказал, и никак иначе.

— Любишь всегда быть наверху? — ехидно спросила.

— Ну что ты... под тебя готов лечь хоть сейчас! — я вновь вспыхнула от его двусмысленного замечания, ей-богу, как невинный ребенок, а не бизнес-леди, что одним взглядом мужчин и женщин на место ставила.

А он, заметив это, еще крепче прижал к себе и, наклонившись, провел носом по моему виску, а затем медленно, со вкусом прошелся языком от подбородка до виска, заодно и по моему эльфийскому уху.

Внутри все затрепетало от возбуждения и неуверенности в себе. Слишком сильный и своевольный, однозначно привык все контролировать и меня, в том числе. А я не готова отдать контроль за моей жизнью кому-то другому и не знаю, буду ли когда-нибудь. Я привыкла всегда и во всем полагаться только на себя, а с этим мужчиной так не получится. Резко повернулась к нему и заметила невыразимое удовольствие на его лице, которое он еще не успел стереть или спрятать от меня. Как и тот золотой дракон, он так же закатил глаза и пребывал в нирване, держа меня в объятиях и уткнувшись в мое ухо носом. Хм-м-м, потрясающе...

Двинула его локтем в ребра, возвращая в этот бранный мир разом, а затем высвободилась из его рук. Снова недовольный яростный взгляд, как будто я у него любимую игрушку отобрала... Я уже готова была повернуться и пойти заняться приготовлением ко сну, как он остановил меня:

— Поедим и потом полетаем!

— В каком смысле 'полетаем'? — я недоуменно уставилась на него, золотистая бровь взмыла на лоб в притворном удивлении.

— А что, ты уже так хорошо летаешь, и учиться больше не надо? Сможешь поднять мархуза? Или кого-то из спутников? И при этом не убиться сама? — отметив мое молчаливое отрицательное покачивание головой, закончил. — Значит будешь учиться, мой маленький колючий дракончик! Это поможет в будущем, возможно не столько тебе, сколько твоим спутникам.

С этим не поспоришь, но летать сегодня...

— Скай, у меня после вчерашнего все болит. Можно я завтра начну?

Дракон быстро шагнул ко мне, вновь прижимаясь всем телом и захватывая мои локти, а потом тихо, лишь для меня сказал:

— Мне дико нравится, как ты сократила мое имя. До тебя этого не делал никто! Только ты, это имя только для тебя, избранная! За это я отсрочу тренировку на сутки, но завтра — без отговорок.

Мы молча стояли, выпивая взглядом друг друга, а я удивлялась, как он это делает? Быстро и полно забирает мою душу себе? От этой мысли даже страшно стало. Испуганно распахнула глаза, уставившись на него. Он тут же нахмурился, сводя золотистые брови к тонкой переносице и яростно раздувая крылья носа. Тонкие губы подергивались, пока он выдавливал из себя:

— Ты боишься? Меня? Ты никогда не должна меня бояться, я ни за что не причиню тебе вреда и не сделаю больно!

Мотнула головой, пряча страх внутри, и все же честно ответила:

— Я себя испугалась, дракон, не тебя!

У меня сложилось ощущение, что сильно натянутая струна внутри него резко ослабла, потому что он заметно расслабился, скользнул по моей руке вверх, лаская ладонью.

— Все готово! Может, вы все же отвлекетесь и поужинаете...

Скайшер бросил быстрый взгляд на Ксиона, светлых и жрецов, которые, как оказалось, с большим удовольствием наблюдают за нами. Причем Харель одобрительно хмыкнул, а вот Мансель явно переживает за своего братца, так помрачнело его лицо и гневно сузились черные глаза. Скайшер подвел меня к костру и, усадив на бревнышко, обратился к Ксиону, жестко приказывая:

— Мне нужно ненадолго отлучиться. Ты отвечаешь за ее безопасность головой, шаман, и не только своей, но и всей своей пополнившейся семьей... Ты меня понял?

Ксион побледнел, вернее, поглубел и лишь кивнул головой. Скайшер же, бросив короткий взгляд на остальных, быстро ушел в подлесок. Уже через пару мгновений с той стороны я почувствовала всплеск магии, а затем и шум крыльев, и треск ломаемых веток. Огромная тень скользнула над нами так быстро, что я не успела ее отследить.

Странное дело, стоило ему улететь, как я сразу почувствовала себя неуютно и одиноко. Дезей поднес мне тарелку с едой и чашку с горячим напитком, заставив удивиться их проворности в приготовлении пищи... Или мы так долго прощупывали друг друга с драконом. Едва закончила есть, как жрец обратился ко мне с вопросом, при этом и все остальные наострили ушки, особенно светлые.

— Расскажите, госпожа, как вы познакомились с магом Камосом?

Я помялась, потом бросила короткий взгляд на Мансея и Хареля и ответила:

— Простите, но я вам потом расскажу, а сейчас я очень устала и хотела бы отдохнуть...

Светлые нахмурились, откровенно гадая, что я там утаила от них, марханы поняли мое нежелание говорить именно сейчас и без суеты, приготовили лагерь для ночевки. Теперь я лежала на коврике, укрывшись небольшим походным одеялом, а остальные расположились вокруг меня. Весьма надежная защита, тем более Филя, уже как обычно вернувшись сытым с охоты, устроился рядом, подвинув на коврике и прикрывая мою спину от ночного холода.

Кто-то своим неожиданным появлением разворошил мои сны, спутал их и заставил выплыть на поверхность из серого омота. Сквозь сон слышала треск поленьев в костре и разливающееся вокруг напряжение, а потом меня прижали лицом к горячей груди. Желание вырваться из неожиданного захвата, совсем распрощавшись со сном, испарилось, стоило знакомому и странно родному запаху укутать словно одеялом. Расслабилась в теплых руках. Погружаясь в новый сон, поерзала, устраиваясь поудобнее на широкой груди, отчего под своим ухом слышала довольный рокот, и эти уже необходимые мне руки только крепче прижали к пышущему жаром телу. Телу Скайшера!

Проснулась, разом открыв глаза и прислушиваясь к своему бьющемуся сердцу. Прохлада наступающего утра, проникшая под одежду, заставила быстро прийти в себя. Села и, оглядевшись, заметила, что лагерь уже проснулся, только мархуз дрыхнет, зарывшись в мое одеяло и безмятежно сопит оттуда, иногда подергивая лапами.

Кивком поздоровалась со всеми и с неудовольствием отметила отсутствие своего дракона. С неудовольствием, потому что вообще заметила, а еще хуже — испытала разочарование и холод внутри, да и снаружи тоже. Всю ночь он обогревал меня лучше всякой грелки и, по резкому ощущению потери тепла, покинул меня недавно.

Вытряхнула из рюкзака туалетные принадлежности и в сырой дымке подкрадывающегося рассвета отправилась умываться, и приводить себя в порядок. Заплетая косы, заметила серый просвет между деревьями и, пока не желая возвращаться обратно, решила пройтись и окончательно избавиться не столько от сна, сколько от грез об одном слишком привлекательном драконе.

Положив ладонь на шершавый ствол дерева, подняла взгляд от земли и восхищенно выдохнула. Впереди лежала небольшая полянка, усыпанная яркими просыпающимися цветами. Задрала голову вверх и снова задохнулась от восторга. Еще серое, пограничное между ночью и утром небо покрыто пылинками звезд, а Дрив медленно заступает на свою вахту, отнимая красную корону у Суара и возвращая ему первоначальный голубовато-розовый цвет.

Легкий ветерок трепал мои выбившиеся из кос волосы и ветки деревьев. Все вокруг просыпалось навстречу новому дню. Ночной сумрак живым покрывалом странно осязаемо опускался вниз, а сверху на него наступал яркий прозрачный свет Дрива. Завороженная этой красотой, протянула ладони и словно золотистую прозрачную розоватую патоку собирала рассвет в ладони под шелест ветра, разносящего аромат распускающихся цветов.

Я отрешилась от всего, наблюдая, как пробуждается Лайванос, но краешком сознания уловила приближение Скайшера. Я не почувствовала его запах или звук шагов, просто в какой-то момент моя душа подсказала, что он здесь и стоит позади. Мгновение, и его ладони лодочкой подхватывают мои, а его большое тело сливается с моим, прижимаясь к спине. Подбородок ложится на мою макушку, и мы какое-то время стоим вот так, наслаждаясь друг другом и рассветом.

Последние капли рассвета соскользнули с моих ладоней, я уже хотела разорвать наш контакт и опустить руки, но мужчина не дал мне этого сделать. Приложив небольшое усилие, сграбастал мои ладошки и, накрыв их своими, скрестил мои руки на теле, еще сильнее прижимая, словно спеленав собою. Чувствуя, как нечто твердое все сильнее упирается мне в поясницу, увеличиваясь в размерах, хрипло прошептала:

— Нам пора возвращаться!

— Да! Но не хочу... не могу выпустить тебя из рук!

Не смогла удержаться и спросила, продолжая стоять:

— Где ты вчера был?

Казалось бы, еще больше и ближе невозможно приникнуть, но после моего вопроса он расслабился и, буквально обтекая меня со всех сторон, произнес:

— Я рад, что без меня тебе уже неуютно, значит наша связь усиливается... Огонек мой,

я, хм-м-м, золотой, и привязка идет полным ходом... Мне необходимо сбросить напряжение, иначе ты станешь моей без твоего согласия. — Он почувствовал, как я насторожилась, поэтому, зарывшись в мои волосы на макушке, игриво поводит носом и продолжил: — Не волнуйся, Алев, мне помогает охота. Пока! За этим и покинул тебя ненадолго, чтобы поохотиться. И еда свежая и пар выпустил... Но советую быстрее ко мне привыкать и вообще к мысли, что я твой избранный...

Вырвалась из его рук и, пыхтя слово ежик, двинула в лагерь.

— Не в ту сторону идешь, любимая...

— Не смей меня так называть! Ты явно не знаком с истинным значением этого слова...

— А ты знакома, чтобы судить об этом?!

Я резко развернулась и зло уставилась на него. Скайшер же стоял, расставив ноги и сложив руки на груди. Ветер шевелил черный палантин на голове. Потрясающее зрелище — он сейчас походил на ангела мести или что-то необъяснимое, страшное и опасное, но я абсолютно уверена, что его бояться не следует.

— Я видела, как горят глаза дракона, когда он смотрит на свою избранную, как светится его лицо...

— Но ты точно не знаешь, как твой отец добился твоей матери.

Я замерла, услышав его мрачный комментарий о моих родителях. Как он, вообще, догадался, что сейчас я говорила о них...

— Девочка, ты росла не в этом мире и только начинаешь жить... Драконы не люди и даже не эльфы, они не умеют и не будут действовать как другие. Мы живем по другим законам, а они очень далеки от общепринятых. И любовь у нас другая... Да, возможно, она эгоистичная и немного деспотичная... Просто я теперь, не могу даже представить свою жизнь без тебя. Твой аромат — это мой воздух, твое тело — это живительные лучи Дрива, без которого вся жизнь на Лайваносе прекратит существование, ты... ты моя необходимость... нужда.... Ты теперь моя жизнь, Алев, и этого уже не изменить! Никому! Любой из нас, драконов, сделает все возможное чтобы обрести и присвоить свою избранную. Похитит, спрячет, отвоюет, убьет за нее любого, независимо от последствий... Мы не люди, Алев. Мы — драконы! И живем по своим законам! Я принял во внимание твое происхождение и образ жизни, не давлю на тебя. Не заявляю свое право на тебя сразу как встретил, а слежу и... берегу от других, даю возможность привыкнуть ко мне, принять добровольно. Не хочу сломать, а пытаюсь завоевать тебя, но поверь, я узнал, что такое любовь. Знаю, что значит быть одержимым любовью и своей женщиной, что значит найти, наконец, свою избранную.

— Ты не давишь?! Да ты танком напролом прешь и все время насмехаешься...

Резко рванул ко мне и прижал к себе, большой рукой притянув мою голову к груди, поглаживая и успокаивая, затем хрипло прошептал:

— Пытался тебя зацепить хоть таким способом, заинтересовать, а то ты холодная, недоступная и всех держишь на расстоянии. А мне необходимо было заставить тебя реагировать на меня любым способом... Прости, если обидел. Мой самый сладкий светлый сон, моя сказка, в которую я уже перестал верить... А что такое танк?

— Огромная, тяжелая, металлическая махина. Под него попадешь — живым не останешься!

— Алев, когда ты попадешь под меня, поверь, я сделаю все возможное, чтобы ты почувствовала себя живой как никогда...

— Клянусь звездами, но ты самый большой пошляк, которых я встречала...

— Нет, просто это пока слишком занимает голову и не дает спокойно мыслить и... жить. Хочу тебя, Алев, так сильно хочу, что болит все тело.

— Может подлечить? Так я... — ехидно пробурчала, пытаюсь вытащить свою голову из черных складок палантина.

Мой сарказм и ехидство утонули в смущении и горячей лавине стыда и... желания, когда он перехватил мою ладонь и приложил ее к своему паху. Накрыл и удерживая своей, прижал, заставляя прочувствовать все его самые твердые намерения и горячее желание подлечиться... Бугор под моей ладонью неожиданно дернулся, потом еще раз, и Скайшер сдавленно застонал, прижимая своей рукой мою и начиная ими двигать вверх-вниз. Другая рука зарылась в мои волосы на затылке, приподнимая голову, заставляя смотреть в его замутненные страстью глаза, а потом он склонился надо мной и начал усиленно вылизывать мое лицо, подбираясь к губам. Рука уже довольно сильно двигала мою ладонь по его... бугру. А я так и стояла как дура в нерешительности, стораю от ответного желания. Наконец, его твердые губы добрались до моих и накрыли, выпивая мой вздох.

Он сминал и поглощали мои губы, прикусил более полную верхнюю, тут же зализал, а потом его язык ворвался в рот и хозяином прошелся по небу, зубам, обвил мой язык и погладил его. Я застонала, вставая на цыпочки и приныкая ближе, теснее, наши руки двигались в унисон, а моя — уже без всякого давления со стороны Скайшера, я уже сама хотела доставить ему удовольствие. Я горела — пламя, оглушая, стремительно понеслось по моей крови, стонала в голос, принимая свое полное поражение и, отдаваясь его рукам... Он, неожиданно резко отскочил от меня, глаза горели безумным пламенем, кожа золотилась, а брови сверкали чистейшим золотом. Окинув меня жутким, жадным, голодным взглядом, и буквально через мгновение немного в стороне от меня выросла махина. Золотой дракон ракетой устремился в небо, с огромной силой оттолкнувшись от земли, чтобы не задеть. А я застыла одинокой фигуркой, неудовлетворенно обнимая свое трепещущее, жаждущее его страсти тело. Зар-р-р-раза!

Рассветное небо огласил жуткий, трубный, драконий рев и, судя по интонациям, явно неудовлетворенный... Хоть это меня примирило с его бегством, а потом в голову пришло понимание, зачем он сейчас так поступил. Похоже, опять контроль потерял и испугался меня отпугнуть...

Руки скользнули вдоль тела, и хотя я еще дрожала от волнения, испытанных эмоций и сексуальной встряски, так и оставшись неудовлетворенной, но моя счастливая моська задралась вверх, и уверена, в глазах появилось удовлетворение. Ведь мой дракон прав, к такой страсти надо постепенно готовиться, а то убьет ненароком от интенсивности счастья-то...

Развернулась и, чуть ли не насвистывая, пошла в сторону лагеря. А в голове пронеслась неожиданная мысль. Возможно с трудом, шаг за шагом и не так быстро, как ему хотелось, но я иду к нему. Прокладываю дорожку от своего сердца к сердцу Скайшера.

К лагерю вышла неожиданно и сразу заметила, как все наши спутники напряженно и внимательно уставились на меня. Мансель совсем смурной от мрачных подозрений, Харель уж слишком бесстрастный, зато все марханы с большим любопытством и оценивающе. Дезей же, медленно скользнув ко мне, глубоко вдохнул, а потом с легкой безобидной насмешкой сказал:

— Я впервые наблюдаю за брачными играми драконов... Очень интересное

зрелище. У тебя мудрый мужчина и сильный, раз смог остановиться на ТАКОМ этапе. Хотя вашу связь он очень упрочил, значит, ты тоже не против...

— От вашего всевидящего ока, я смотрю, ничего не укроется... — мой саркастический тон прорезался скорее из-за смущения и слишком пристального внимания ко мне остальных.

— Я не всевидящий, — поспешил продолжить Дезей, — но я шаман и вижу, что еще немного, и ты свою свободу потеряешь...

— А что есть истинная свобода, Дезей? Разве вы ее где-нибудь встречали? Даже духи не свободны, что уж говорить про живых...

— Ты не истинная драконица, Алев, те совершенно другие, хоть я и встречал их на своем пути не часто, но они другие. Более сильные, более отстраненные, и как это ни странно звучит про ваше племя — более холодные. В твоей крови буквально гудит огонь, и от того ты слабее их. Я вижу, что твой дракон лишь за это утро привязал тебя сильнее, чем многие другие достигают неделями брачных танцев. Он любым касанием, словом и делом связывает тебя, лишает свободы, опутывает собой и забирает право выбора. Рождает зависимость... от него. Он вплетает свою ауру в твою, и я вижу, что до полного слияния осталось совсем чуть-чуть, затем ты растворишься в нем и его огне. Ваш огонь объединяется как пожары в лесах, и ничто не сможет его потушить, кроме высшей силы. Ты потеряешь себя, Алев, если полностью отдашь себя золотому.

Я молчала, с опаской слушая жреца, потом сбросила это наваждение и тихо ответила:

— А вполне возможно, Дезей, что я не потеряю себя, а обрету что-то новое и прекрасное... Любовь быть может...

Сглотнула, увлажняя сухое от волнения горло, и закончила более уверенно, почувствовав, как в ладонь ткнулся носом Филя, решивший меня морально поддержать, и привалился к моим ногам.

— Я не верю ни во что, Дезей, кроме одного... Я верю, что любовь побеждает все: пространство, время и любые невзгоды. Она соединяет на веки, и даже когда тьма окружает, дарит необходимый лучик света, чтобы найти путь или помочь справиться с болью и одиночеством. Я верю в любовь, потому что мои родители показали мне ее и умерли за нее. Дезей, если я откажусь от нее и потеряю веру в нее, тогда предам своих близких, которые отдали за меня свою жизнь.

— Ты любишь, Алев?

— Я иду к ней, Дезей, и очень близка.

— Я благодарен и уважаю искренность, но ответь, ты сможешь закончить начатое? Пойдешь до конца, даже если золотой позовет за собой? Сможешь сказать ДА, если он скажет тебе НЕТ, потому что дальше идти опасно для твоей жизни?

— Значит весь этот разговор — лишь прелюдия к главному вопросу, да, Дезей? Смогу ли я дойти до конца, невзирая ни на что?

— Драконица, завтра ты увидишь причину, по которой сегодня я веду этот разговор. Поймешь! Мой народ вымирает и утрачивает все с каждым прожитым годом, это проклятье высасывает из нас все силы... Грань расширяется и приближается, вовлекая все новые земли. И марханов, и светлых, а возможно и любые другие... Территория Тьмы уже слишком подобралась к Эйнеру, за последние полсотни лет недвижимость в Эйнеру подешевела в два раза, и практически никто новый не селится, лишь покидают давно обжитые земли. Все боятся! Мы пять сотен лет ждем свою реликвию обратно, ищем ее по всему свету... Безрезультатно. Светлые не приносят потомства, но они живут долго, у них еще есть время

ожидать, у марханов — нет. Последний оплот государства марханов Эйнере скоро поглотит Тьма, и мы утратим последнее, что имеем. И тут появляешься ты... Никто, кроме грабителей не знает, как выглядит наша реликвия, никто из чужаков не видел 'Сердце Марханов' ни разу, но ты знаешь, как оно выглядит. Из-за своего возраста и того, что ты полукровка темной и дракона, возможно к грабителям отношения не имеешь, но Светлая корона на голове заставляет нервничать и сомневаться... А уж золотой в процессе связки и запечатления с тобой, совсем ни в какие разумные рамки не вписывается. Прости госпожа, но ты или одна сплошная проблема, или загадочный уникам, но я надеюсь, что ты — невероятная удача или прощение, посланное нам Высшими. Для всех!

Снова мои глаза напоминают суповые тарелки, и я толком не знаю, то ли меня сейчас похвалили, то ли опустили ниже плинтуса... И теперь мне спасибо говорить или послать подальше...

— Так как, рожденная огнем, пойдешь ли ты до конца?

Только открыла рот, чтобы закончить столь важный разговор, но в этот момент почувствовала присутствие Скайшера, моя душа потянулась к его за теплом, и я это отчетливо осознала. Вслед за этим над нами блеснула золотая молния, которая, подняв тучу пыли и листьев и заставив, всех зажмурится от ветра, приземлилась в виде потрясающего в своей красоте и мощи золотого дракона. Уже через секунду к нам размашисто и твердо шел Скайшер, а у меня перехватило дыхание от его вида. Я уже даже к этому чертову черному палантину привыкла, но его грация хищника, мощь и внутренняя сила, которая, казалось, выплескивается через край, перевешивала все, любые внешние достоинства. Ур-р-р, мой дракон!

Он поймал мой янтарный взгляд своим золотым, и в его глазах тут же вспыхнули искры. Добрался до меня и, не заморачиваясь разрешениями или приличиями, прилип к моей спине, обхватывая руками и с шумом зарываясь в мои волосы на макушке. При этом еще умудрившись отодвинуть недовольно ворчащего мархуза от меня. Я же, вспомнив его утренние пояснения о причине ночной вылазки, с притворно невинным видом поинтересовалась:

— Как охота прошла?

Шумный вдох и хриплый голос над моим ухом:

— Боюсь тебя напугать, но скоро ни одна охота не спасет, надо заканчивать с этим твоим мероприятием.

Я напряглась в его руках, марханы поголубели, учитывая наш еще так и неоконченный разговор, а светлые застыли памятниками. Комедия Гоголя 'Ревизор', действие пятое, немая сцена в лучших традициях. Золотой тоже напрягся, еще сильнее сжал меня в руках, словно защищая от всех, потом я отметила, как по очереди замирают марханы, причем мне не видно, что позади творится, но похоже, дракон обводит каждого золотым сканирующим взглядом...

— Ну и что вы тут решили, пока меня не было?

От его ледяного мертвого голоса даже меня до костей пробрало, что уж говорить про остальных. Но жрецы — молодцы, они лишь слегка дрогнули, остальные сделали шаг назад, отодвигаясь от нас. Я же, ой-ой-ой, глупая, решила пошутить не вовремя:

— Решили, что ты плохо на меня влияешь, свободой увлекали, но не поддалась я им... — Глухой яростный рокот в груди, и стальные руки стискивают так, что весь воздух из груди вышибает. Мысленно отвечаю себе подзатыльник и из последних сил сиплю,

вцепившись когтями в его руку, отвлекая внимание от уже совсем бледно-голубых марханов и с серым оттенком светлых: — Да пошутила я, ты мне сейчас ребра сломаешь, дракон спятивший...

Резкое ослабление и хриплый предупреждающий голос Скайшера у меня над ухом:

— Плохая шутка, любимая... для твоих спутников. Если они тебе еще нужны, больше так не шути.

Затем прошелся языком по моему уху и скуле, вновь начиная дрожать всем телом, а заодно и я тоже. А после, наверное, уже любимой процедуры вновь прозвучал его хриловатый голос, только уже не сексуальный, а скорее как наждак:

— Я сказал пора заканчивать с этим делом, имея в виду, что в наших общих интересах поторопиться к конечной цели нашего путешествия. — Небольшая заминка и презрительное окончание, которое, тем не менее, позволило всем марханам облегченно выдохнуть. — Моей избранной важно закончить ее дело и отдать долги учителю. Я помогу ей в этом, чтобы ее душа была спокойна, а сердце счастливо. Пока мой интерес совпадает с вашим.

После этого мы занялись сборами и завтраком, но не только Дезей заметил изменения в наших отношениях с драконом. Теперь этот тиран постоянно отирался возле меня, касаясь, трогая и притягивая к себе хоть на мгновение. Сначала я дергалась, но потом даже привыкла. Ехали мы рядом и разговаривали обо всем. Выяснила, что его родители — оба золотых — погибли жутким образом. Мать поймали люди и растащили на части, пока отец караулил их детеныша Скайшера, давая своей самке время поохотиться. Но ее смерть он прочувствовал, и сам погиб от тоски, с трудом дождавшись, пока его сын совершит свой первый вылет из гнезда. После этого я оказалась сидящей на коленях Скайшера, вторым седоком на бедняге Сером. Поплакала о его родителях и одиноком детстве, уткнувшись ему в грудь, а потом поняла, какое охраняемое будущее ждет меня... Да, тут похоже, даже не о свободе говорить, а о шаге в сторону разрешения спрашивать придется. Это здесь, под защитой столько заинтересованных в моей безопасности и жизнеспособности товарищей он более расслаблен и спокоен, но стоит этим воинам нас покинуть, и ожидает меня...

— А кстати, что меня ожидает? — подумала я вслух, оказывается.

— В каком смысле, любимая?

— Ну, что будет после проклятого города?

— Я покажу тебе наше гнездо!

— А оно далеко от дедушкиного? — озаботилась я.

— Порталом всего один шаг!

— Понятно... значит без портала за три девять земель...

— Любимая, я не очень жалую соседей... И гостей тоже!

— Мой дед не гость... он мой дед! И имеет право летать к нам в гости без приглашения! — уж лучше сразу решить все остро стоящие вопросы.

Сначала Скайшер нахмурился, готовясь возразить, а потом расплылся в довольной хищной ухмылке. Змей!

— К НАМ в гости... Конечно может летать! Сладкая моя, я счастлив, что ты уже ассоциируешь себя с нами!

— Помнится, ты обещал деду еще кое-что учесть, — припомнила я, уточнив, — ну, мне же нужно за самками красных наблюдать.

— Я учту это, как обещал.

Прикусила нижнюю губу от легкого раздражения на себя... Ну никакой

самостоятельности, уверенности и твердости. Этот гад все время вертит как ему вздумается и верховодит.

— Я еще ничего не решила, Скай...

— Хорошо, мы обсудим Санренера чуть позже...

— Я не об этом, и ты прекрасно меня понял!

Глаза вспыхнули гневом, который, впрочем, тут же растаял, стоило ему заглянуть в мои неуверенные.

— Не бойся, Огонек, я сделаю тебя счастливой! Я рожден для этого и приложу все усилия.

— Тогда просто не дави на меня, дай хотя бы привыкнуть к тебе...

Золотистая кожа потемнела, а глаза потускнели, но лишь согласно кивнул головой. До вечера он поддерживал со мной разговор о других расах и забавных случаях из его долгой жизни, а я мотала все на ус и от души хохотала над самыми забавными случаями. Во время таких моментов он весь словно светился изнутри, а у меня щемило сердце от этого восхищенного голодного взгляда.

С наступлением сумерек, соскользнув на землю, он уже привычно перетек ко мне, чтобы подхватить, пока я слезала с Тихони и потискать своими лапищами. После сытного ужина встал, поднимая меня, и приказным тоном выдал:

— Сейчас полеты!

Наши спутники разом встали, забыв об ужине. Я их хорошо понимала, летать они не умеют, и если золотой решит умыкнуть меня по-тихому, вряд ли кто ему помешает и уж тем более не догонят...

— А вы расслабьтесь, если бы я решил ее забрать, тайным побегом бы точно не озадачивался!

Скайшер больше не произнес ни слова, и надо отметить, что даже брошенные презрительным тоном слова успокоили народ, и все кроме Мансея тут же занялись своими делами. Светлый таким ненавидящим взглядом уставился в спину дракона — у меня с испугу по спине даже пробежалась волна дрожи. Догнала дракона у кромки прогалины, возле которой начинался лес. Он неожиданно подхватил меня на руки и пошел дальше, раздвигая локтями ветки.

— Я, когда подлетал, заметил здесь неподалеку поляну, так что место для оборота и взлета у тебя будет свободное. Не хочу, чтобы ты поранилась ненароком.

Я уютно устроилась у него на руках и обнимала за шею, закутанную в палантин. И пока он шел, рассматривала его лицо. Благо что эльфы, что драконы неплохо видят в сумерках. На первый взгляд чересчур суровое и жесткое, и лишь яркие золотые глаза оживляли это каменное лицо, придавая ему живых ноток. Но стоило ему взглянуть на меня, резкие черты смягчались и оживали, дыша удовольствием и теплом, даже когда он злился или насмехался надо мной, бесстрастная маска исчезала.

Не удержалась и положила ладонь ему на щеку, чтобы просто ощутить под своей рукой его кожу со светлой щетиной. Слова жреца о зависимости всплыли в голове. Нахмурилась от того, что действительно сейчас ощутила не просто желание дотронуться, а именно зависимость, нужду в этом прикосновении. Испытывая тревогу, спросила хрипловатым от волнения голосом:

— Если все случится как ты хочешь и планируешь, что будет дальше? С нами?

Придерживая меня одной рукой, осторожно спустил вдоль своего тела, остановившись

на краю полянки, а другой — накрыл мою ладонь, так и лежащую на его щеке. Согрел горячим взглядом и слегка передвинул мою ладонь. Сердцевинки ладони сначала нежно коснулись его губы, вызвав во мне трепет, затем он лизнул ее языком, прикусил и снова лизнул. Томление разливалось по всему телу, и я не спешила отрывать свою ладонь, скорее как привязанная медленно тянулась к нему. Пламенная коса скользнула по сгибу руки и упала ему на грудь, а я положила голову ему на плечо. Голос Скайшера был хрипловатым от сдерживаемых эмоций и звучал глухо из-под моей ладони, потому что он так и не отнял ее от лица.

— Тогда хотя бы в этой жизни, я буду счастлив... мы будем счастливы! Всегда и во всем будем вместе. У нас будет семья, дети... Светлое счастливое будущее.

— У тебя и без меня было будущее...

— Нет, любимая, без тебя у меня было лишь бессмысленное существование, а сейчас начинается жизнь. Всю свою жизнь драконы готовятся к встрече с избранной. Ждут и готовятся, и лишь надеются, что судьба подарит им жизнь с любимой. Огонь в наших жилах выжигает все живое, пока не обретет пару и не успокоится, направив свое тепло на созидание, на формирование новой жизни, и только ты можешь успокоить мой огонь, сделать меня живым, Алев.

— Да, но чем я буду заниматься? Не все же время в твоём гнезде сидеть...

— Ну, можешь и к деду в гости летать... изредка... раз в год, думаю, достаточно... — что-то озорное мелькнуло в его глазах, или мне показалось.

— Ты шутишь?

— Нет, любимая, просто мое терпение не безгранично, и один раз в год я еще смогу пережить похотливые взгляды на тебя других драконов, а чаще вряд ли... — ну и как это понимать?

— А если я захочу открыть, например, свое дело в каком-нибудь городе?

Лицо дракона потемнело, глаза сощурились, а по мышцам словно пробежалась волна. И какая же мысль ему в голову пришла?

— Ну, хочешь, значит откроем. Я не против, если твоя деятельность не помешает нашей семье... — не то успокоил, не то бдительность притупил.

— Вот что-то мне подсказывает, ей помешает любая моя деятельность... вне гнезда.

Мой ироничный тон мимо Ская не прошел, но он лишь пожал плечами и отвернул свою наглую тиранскую физиономию.

— Мы пришли, любимая!

Меня с неохотой отстранили, при этом его рука опять скользнула по моим ягодицам, слегка помяв их. Раздался тяжелый неудовлетворенный вздох, затем последовало серьезное:

— Запомни, малышка, делай как я показываю и не переживай, сегодня своей тебя делать не буду, так что расслабься.

Я с подозрением покосилась на дракона, но он как ни в чем не бывало развернулся и отошел чуть дальше. Миг, и передо мной пускает огненные пузыри из больших носовых щелей золотой дракон. Прежде чем оборачиваться, с опаской подошла к нему, все же чувствовала себя неуверенно перед этим огромным животным, ну уж очень хотелось потрогать великолепное сверкающее чудо природы. Стоило мне приблизиться, чудовище вытянуло длиннющий язык и лизнуло так, что хоть выжимай рубашку. Шлепнула его по морде, а потом погладила по яркой, сияющей даже в сумерках чешуе. Хм-м-м, она только на вид гладкая, а на ощупь весьма шершавая.

— Если у меня такая же шершавая чешуя, то для меня загадка, как ты в прошлый раз свой язык до дыр не стер, вылизывая?

Резкое покашливание и громкое насмешливое фырканье, от чего язычки пламени вырвались из его ноздрей. Я даже отскочила на пару шагов с воплем.

— Эй, поосторожней! Тебе жена прожаренная нужна что ли?

Длинный остроконечный хвост змеей стремительно метнулся ко мне, обвивая от ступней до талии, а затем этот наглый дракон снова начал меня облизывать, довольно закатив глаза.

— Скай, я сейчас разозлюсь, и тогда твоему языку не поздоровится...

Раздраженный взгляд дракона, а потом его язык и хвост неохотно и медленно освобождают меня. Еще раз потрогав его великолепную чешую, отошла от него подальше и обернулась. Пока настраивала зрение и привыкала к новым размерам, топчась на месте, ко мне скользнула туша золотого. И снова излюбленная драконья ласка и флиртующее рокошущее воркование. Прямо как брачные игры голубей, когда самцы распускают оперение и воркуют, танцуя перед самками. Даже хрюкнула огнем от смеха, чем привлекла заинтересованное внимание Ская, который отвлекся от моей шеи и пару секунд рассматривал собственническим взглядом. Затем продемонстрировал стремительность и ловкость в управлении столь крупного тела, не то что я, неуклюжая и неповоротливая, даже будучи в два раза меньше его. Он снова оказался позади меня, как и в тот злополучный раз и навис надо мной, заглядывая в морду сверху.

Испугавшись, прижалась к земле, пытаюсь подтянуть хвост и прикрыть им все самое важное. Снова насмешливый рык с его стороны, а затем он накрыл мои крылья своими и попытался их поворачивать в разные стороны. Я, наконец, поняла смысл его действий и, прибодрившись, встала, полностью расправив крылья, позволяя начать обучение. Не меньше получаса он показывал различные маневры с крыльями, потом с хвостом, прыжки, чтобы лучше и правильнее оттолкнуться от земли. Все показывал без суеты, нервов и раздражения. Терпеливо до состояния сфинкса. И я в определенный момент растрогалась, на миг представив, что вот так же он будет учить наших детей. На этой эмоциональной волне повернулась к нему и сама лизнула его в золотую крупногабаритную морду, с набором во рту кинжалов для разделывания добычи.

Он замер всего на мгновение, затем ответил, неуверенно сплетаясь длинным языком. А я прислушивалась к своим ощущениям от вкуса его языка и чешуи. Интересно, а какая на вкус его человеческая кожа? Обвив меня крыльями, он всем телом начал неистово тереться о мое, и как в прошлый раз, потеряв контроль, забираться на меня сверху... Гад!

Змеей выскользнула из-под него и, с силой оттолкнувшись, взмыла в небо, он — за мной, стало очевидно, что мне с ним не тягаться. Наши возможности и скорости — как 'ока' в сравнении с 'порше', и уж я точно не последний из них. Вот так и укрепляются комплексы...

Но похоже, прохладный воздух вернул ему разум, потому что он лишь тенью скользнув надо мной и брюхом едва коснувшись спины, так и летел сверху. Теперь вновь началось обучение. Мы ловили воздушные потоки, парили и купались в них. Взлетали свечкой вверх и пикировали вниз. Зависали над лесом, иногда соединяя лапы и глядя друг другу в глаза, мы впитывали образы друг друга, запоминая навечно.

Играли в догонялки, и вот, застыв в один из таких моментов, я смотрела на Скайшера, замершего на фоне окрашенного красной короной Суара, предупреждающего о наступлении

ночи, и почувствовала, как перехватило дыхание.

Всем своим существом почувствовала, как моя душа, трепеща, рванула навстречу душе золотого, а может это я... Он ощутил такой же необъяснимый порыв, потому что мы едва не столкнулись, и он обхватил меня мощными лапами и прижал к себе, спеленав в мои собственные крылья. Так и висели в небе на фоне меркнувшего Суара и уходящего Дрива, Скай медленно кружил вокруг своей оси, и казалось, мой дракон убаюкивает меня или успокаивает себя...

На поляну мы прилетели спустя некоторое время, умиротворенные и еще больше сблизившиеся духовно. Как только мы обернулись, он взял мое лицо в ладони и поцеловал, кажется, каждый его сантиметр и только потом на мгновение соприкоснулся с губами. Я потянулась к нему всем телом, вставая на цыпочки, но он с тяжелым вздохом отстранился.

— Я не смогу остановиться, любимая... больше не смогу. Надо немного потерпеть, всего лишь еще немного потерпеть... — Последнее он говорил, скорее убеждая себя, чем меня, я же уткнулась лбом ему в грудь, а потом крепко обняла. — Люблю тебя, девочка моя! Невыносимо люблю...

Снова подняла к нему лицо, а Скайшер обнял крепче и зарылся в мои растрепанные на макушке волосы, тяжело дыша и пытаясь успокоиться. В лагерь мы вернулись под мрачными взглядами остальных, которые заснули только по нашему возвращению. А мне было хорошо от того, что мой дракон рядом и одновременно стыдно за натянутые нервы моих спутников. В сон я провалилась сразу, как только ворчавший Филя приник к одному боку, а дракон — к другому, тесно прижимая к себе.

— Да что же это такое? — прозвучало в полной тишине мое сдавленное от увиденного восклицание.

Мы стояли на обрыве и мрачно взирали вниз на узкую стремительную реку — последний оплот света перед тьмой. Сразу за водным потоком начинался густой дремучий лес, который уже в паре километров от реки резко менялся. Если начиная от берега, росли темно-зеленые со светлыми шершавыми стволами деревья, и над ними бойко летали пернатые, ведя свою повседневную жизнь, то затем, без плавного перехода, словно кто-то большой взял кисточку и провел большую черную полосу, начиналась Тьма.

— Это то место, которое нам придется преодолеть, госпожа! Еще не передумали?

Вновь тревожным взглядом окинула невероятное, пораженное проклятьем пространство леса. Искореженные стволы невероятных причудливых форм, потемневшие коричневые кроны, создается впечатление словно деревьям больно, да и ни одного движения в той зоне я не заметила. Но как меня сегодня предупредили, пока мы сюда ехали, это обманчивая и весьма опасная для жизни иллюзия. Животные там есть, и все оказавшиеся по ту сторону — обычные для этих мест звери — под действием Тьмы стали агрессивными и нападают на любого, кто встретится на пути. Нам же придется идти по узкой тропе, которая защищена магией многих поколений марханов-паломников, последние пятьсот лет посещающих святой город. Однако на ней мы будем избавлены только от пагубного влияния Тьмы на наш разум, но увы — не от зверей и это весьма тревожило.

— Нет, Дезей, я не передумала, права не имею. Так что давайте спускаться.

Мужчина окинул меня взглядом, в котором смешались одобрение и благодарность, и первым скользнул вниз по неширокой, хорошо утопанной, пологой тропинке. Тропа петляла словно ее скрывающийся от погони заяц протапывал, и Тихоне с Серым было довольно сложно идти, а мне — ехать, все время отклоняясь назад, чтобы не сползти вместе с седлом на холку. Я осторожно спешила и, взяв лошадь под уздцы, пошла чуть впереди, ведя ее за собой. Сразу позади меня шел Скай с Серым, за ним — Ксион и остальные марханы. Мансель с Харелем замыкали нашу цепочку.

Когда вышли к реке, я со страхом посмотрела на стремительный полноводный поток, несущий свои воды в долину Эйнера. В непосредственной близости река выглядела еще более опасной. Через нее был перекинут деревянный мост, подвешенный на переплетенных между собой канатах, которые крепились на мощных каменных столбах, вбитых в землю. Сглотнув горькую от страха слюну и сделав усилие над собой, чтобы успокоиться, расправила свою тонкую, зеленую, украшенную незатейливой вышивкой по вороту и краям разрезов тунику, до голеней прикрывавшую ноги в замшевых легинсах. К слову сказать, уж очень в них удобно, а разрезы по бокам туники не мешают двигаться или ехать в седле.

Бросила неуверенный взгляд на шаткий мост, потом неосознанно перевела глаза на дракона, и он, тут же шагнув ко мне, обхватил за талию, прижимая к своему телу. Я выдохнула, принимая его объятия и защиту, но тут же услышала мягкий голос Дезея:

— Наш мост будет дальше, там, — он показал в сторону излучины реки, — за поворотом.

— А чем тебя мост эльфов не устраивает, жрец? Или брезгуешь? — голос Манселя переполнен ядом.

— Все равно придется идти к излучине, наш путь начинается оттуда, так что не вижу смысла торопиться перейти на ту сторону. — Жрец ответил спокойно, лишь в его черных глазах под кустистыми бровями полыхнули ненависть и презрение.

— А я вижу! Мы пойдем вдоль обрыва, и нас запросто может накрыть сорвавшимися камнями, и небо, вон, мутное и тяжелое от кучевых облаков... А наш мост гораздо крепче, чем ваш, полностью веревочный, как мы лошадей переведем?

Последний аргумент раздраженного Манселя оказался главным при принятии решения, и мы направились к эльфийскому мосту. Скай по-прежнему шел рядом, держа одной рукой мою ладонь, а второй — Серого. Я так же вела Тихоню, но у моста замерла, испытывая непреодолимый страх перед водной стихией.

— Светлый, на тебе наши лошади! — резкий, беспрекословный тон дракона позади, заставил обернуться и посмотреть, зачем передавать мою лошадь кому-то. Но в этот момент меня подхватили на руки, и хрипловатый глубокий голос Ская воркующе произнес у меня над ухом:

— Закрой глазки, мечта моя легкокрылая, а еще лучше поцелуй меня... куда-нибудь...

— Нашел место миловаться, — ответила беззлобно, но глаза закрыла и даже уткнулась ему в грудь лицом. Видеть я не видела, но хорошо слышала рев воды под нами и все сильнее цеплялась за своего дракона.

— Ты помнишь, я сказал, что люблю тебя?

— Угу!

— А ты меня?

— Угу!

— Я счастлив, девочка моя! Что ты, наконец, осознала свои чувства ко мне.

Я забыла про реку, про страх, опешив от такой наглости и того, что меня так беспардонно провели.

Стукнула по широкой груди, но лишь отбила себе ладонь и досадливо прошипела:

— Ты наглый, самоуверенный...

— Но ты, как выяснилось, меня все же любишь?! Да и пришли мы уже...

Я покрутила головой и отметила, что мы действительно на другой стороне, поэтому заскользила по его телу змейкой вниз, но он тут же прижал меня к себе, и я ощутила, это самое свидетельство любви в полной мере, опять краснея.

— Ты не ответила на мой вопрос...

— А ты не спрашивал, ты как обычно утверждал, и так во всем...

— Хорошо, спрашиваю, ты меня любишь?

В золотых глазах проскользнула тревога и... тоска. И я сдалась именно из-за глубины чувств в его глазах, поэтому потянулась к его уху и выдохнула:

— Еще нет, кажется, но очень близка к этому!

Хитрый блеск стер те чувства, на которые я клюнула, и в этот момент показалось, что он показал мне то, что я хотела увидеть... Гад чешуйчатый!

— Значит, я двигаюсь в правильном направлении... Младшенький, дырку у меня на спине протрешь своим злобным взглядом, не прекратишь — покусая. И думаю, в отличие от вашей Повелительницы, тебе это вряд ли понравится...

Сначала меня сбил с толку этот резкий переход от заигрывающего к ледяному, угрожающему тону, а последнее двусмысленное замечание разозлило, но потом я не выдержала и рассмеялась, повиснув на шее дракона. Потому что выпускать меня из своих

рук он был явно не намерен. Марханы ехидно оскалились, с насмешкой поглядывая на Мансея. Однако Харель стоял невозмутимым изваянием и почему-то посматривал по сторонам, как будто выискивая что-то.

Наконец, меня усадили в седло Тихони, и мы дружно продолжили путь. Но стоило нам добраться до излучины, как мои подозрения насчет наследника с телохранителем подтвердились. Нас встречали, и как я поняла чуть раньше, мы все еще находились на территории светлых, но стоило завернуть за излучину и достигнуть второго моста, начнутся земли марханов.

Нас поджидали не меньше сотни светлых и по виду — настоящие воины. Они перекрывали нам путь дальше и были без лошадей. Трое впереди, а остальные — охрана, но все с шаури, выходит — из высокородных домов. Мансель с Харелем тут же спешили, и если первый с многозначительной усмешкой бросил взгляд на нас с драконом и быстро пошел им навстречу, то Харель задержался, чтобы тихо сказать:

— Моя кровь ваша, Повелительница, честь принадлежит старшему Эс Севери. Но я в вашем распоряжении, только прикажите.

Я мотнула головой, отпуская его, он резко, коротко кивнул и, подойдя к своим низко склонился. Видимо, самый главный светлый, окинув взглядом Хареля, что-то тихо ему сказал и жестом отпустил. Он гордо выпрямился и отошел немного дальше, присоединяясь к остальным, тоже внимательно изучавшим его новое лиловое шаури. Высокородная троица направилась к нам, а марханы окружили плотным кольцом нас с драконом, от чего последний, весело хмыкнув, помог мне спешиться с лошади, натянул пониже палантин и с любопытством продолжил следить за светлыми.

Я же во все глаза рассматривала приближающихся. Один из них выглядел типичным светлым: серебристые волосы, заплетенные в косу до самой земли с зеленым шаури, смуглая кожа и надменные черты лица. Одет в темно-серый балахон, струящийся вдоль тела, из-под которого виднелись белые штаны и серые кожаные мокасины. Вторым оказался Делиаль, сверливший меня пристальным взглядом черных глаз. Гневно сжимал кулаки, поглядывая на дракона. Эх, и красивый же этот первый наследник, даже сейчас на мгновение перехватило дыхание от его красоты, но лишь с эстетической точки зрения, как женщину он меня уже не трогал. Поэтому вернула ему бесстрастный и такой же надменный взгляд вместе с презрительной ухмылкой. А вот первым шел высокий мужчина с косой до земли, с голубым шаури. Черты лица слишком знакомы, чтобы я сразу догадалась — передо мной, теперь получается, бывший Повелитель Светлых, отец Делиаля и Мансея — Тасель Эс Севери. И отец, и сын одеты в черные походные костюмы с голубой вышивкой и обуты в голубые высокие сапоги. Пижоны!

Тасель окинул всю нашу компанию долгим взглядом, а потом, игнорируя нас с драконом, обратился к Дезею.

— Это правда, что она может снять ваше проклятье?

Дезей, раздувая ноздри от с трудом сдерживаемой ярости, произнес, цедя слова:

— Правда! Возможно!

Тасель проглотил 'возможно' слегка поморщившись. Затем повернулся ко мне, и в его глазах я увидела внушительную силу. Делиалю еще расти и расти до своего папаши, а обо мне и говорить нечего, но задрала подбородок и стерла все эмоции с лица. Эксповелитель пристально окинул меня взглядом, уделив особенное внимание кольцу и короне и, как мне показалось, даже вздрогнул.

— Что ты намерена с ней делать, девочка?

Я промолчала, продолжив держать паузу и холодно смотреть ему в глаза. Это как со зверем, опустишь взгляд первым — проиграл сразу.

— Послушай девочка, Делиаль рассказал о вашей встрече... и первой, и второй, я сделал выводы и согласен с ним. Совет тоже против вашей законной связи не будет, но корону ты передашь ему.

Вот тут моя выдержка затрещала по швам. Выходит, он мне сейчас таким незамысловатым образом предложил замуж за своего сына выйти... Одолжение сделал... Я откровенно нагло рассмеялась, причем с издевкой глядя ему в глаза, и он это оценил. Лицо вон как застыло, а я почувствовала, как рядом напряглось тело моего дракона. Этот светлый быстро и доступно прояснил всю ситуацию в целом, даже дальнейшую мою жизнь скорректировал, направив в нужном направлении, отбрасывая все наносное и неправильное. На свой взгляд! Сделал то, чего долго пришлось бы добиваться Скайшеру. Я с очаровательной улыбкой посмотрела на него, утерев слезы от смеха, и произнесла:

— Уважаемый, а ты вообще кто такой, чтобы со своей Повелительницей так разговаривать? — Все эльфы опешили, причем охрана больше всех. А я продолжила. — Взрослый дядька, вроде, а подошел, не поздоровался прежде всего с дамой, а потом с мужчинами. Делаешь странные двусмысленные предложения, да еще условия ставишь... Нехорошо это... не по-человечес... Хм-м-м, неправильно, в общем. Или твое шаури на голову давит, так не проблема, спроси у Хареля... Я его как одеть могу так и снять... Какой из тебя повелитель-то будет с такой-то фамилией... Эр Севери. Теперь понятно, в кого у вас дети такие невоспитанные и хамоватые.

— Послушай девочка, корона это...

— Да! Твой старшенький мне уже рассказал.

Тасель изменился. Вот только что стоял, со снисходительной физиономией взирая на меня сверху вниз, а сейчас напряжен и выражение лица иное, как с равным встретился.

— Прости... Мои дети ввели меня в заблуждение... Можем, говорить на равных?

Я спрятала презрение и молча, заинтересованно уставилась на него.

— Что ты намерена с ней делать? Действительно хочешь править? Думаешь, справишься?

— До нашей встречи, Тасель пока еще Эс Севери, я честно хотела ее вернуть... Возможно вам. Но очередное знакомство с членом семейства Эс Севери показывает, какая это была бы опрометчивость с моей стороны. Так что всерьез подумываю открыть конкурс, дабы найти претендента, достойного оказания такой чести...

Тасель побледнел. Напряженным взглядом умных черных глаз вцепился в мое лицо, сделал еще один шаг вперед, от чего дракон напрягся сильнее, но продолжал изображать статую. Затем светлый тихо произнес:

— В тебе течет часть нашей высокородной крови... Иначе корона бы тебя не признала. Мне потребовались три сотни лет, чтобы объединить кланы после исчезновения Сиалареля, погибли сотни светлых. С тех пор прошло много лет, но недостаточно, чтобы восстановить нашу численность, а сейчас... Сейчас мы не можем иметь потомство, и даже если ты снимешь проклятье, на то чтобы вырастить достойную смену уйдут столетия. Если ты сделаешь, что задумала.... Это будет катастрофа, мы слишком трепетно относимся к внешним атрибутам власти, девочка. Для драконов нет ничего важнее любви, как я слышал, для эльфа нет ничего важнее власти...

— В каком смысле вашей высокородной крови? — вмешалась, услышав заинтересовавшую информацию.

Тасель нахмурился, ведь его прервали, да к тому же из-за мелочи. Но для меня это важно знать, и ему этого не понять.

— Моя троюродная кузина была отдана твоему деду в жены для укрепления мира между темными и светлыми, в то время между нами существовали некоторые проблемы...

С ехидством посмотрела на Делиаля, который тяжелым взглядом сверлил меня и поливал ненавистью Скайшера, пока безрезультатно пытаюсь рассмотреть его подробнее, и показательно возмутилась:

— Так ты, можно сказать, мой брат? А тебя совесть не беспокоила, когда угрожал мне? Жениться пытался?

Тасель разозлился.

— Девочка...

— Алев Красная! И никак иначе!

— Алев Красная, неужели все, что я тебе сейчас сообщил, менее важно твоих обид и...

— Ну что вы, какие обиды между родственниками, как свои дела закончу, так и подумаю над вашими словами, а пока мне некогда. И вообще, вдруг захочу войти в историю Светлых как Повелительница, которая спасла расу эльфов от вымирания... и от войны. Как думаете, ваши сородичи это учтут?

Тасель промолчал, все так же стоя с идеально прямой спиной, он явно не привык прогибаться, не будет этого делать и впредь. Зато выступил Делиаль. Он вышел из-за спины отца и, не обратив на его тихое протестующее 'Делиаль!', подошел ко мне. Еще чуть-чуть, и вокруг заискрит от напряжения, ведь его источник за моей спиной готов выпустить свой огонь. Но Делиаль магическому предупреждению не внял:

— Алев, я же сказал, ты получишь меня навечно, если согласишься на наши условия!

— Делиаль, а я тебе ответила еще тогда, что ты меня не интересуешь. Я уже сделала свой выбор. И вообще, белый не мой цвет, другое дело — золотой...

— Ты изменишь свое мнение, стоит мне только...

— Это я сейчас изменю, свое решение по вашему поводу, если ты дотронешься до моей избранной хоть пальцем. — Злой, угрожающий рык позади меня, заставил вздрогнуть.

Делиаль на рык не среагировал, продолжая стоять рядом и прожигать меня взглядом, раздумывая, что сказать. Зато Тасель холодно спросил, обращаясь к дракону:

— Назови себя!

Злое фырканье, мимолетное движение, которое я почувствовала спиной, и шелест ткани, а затем напряженный выдох Таселя:

— Клянусь Светлой Алоис, Скайшер! Давно не слышал о тебе!

— Думаю, ты был только рад... — от голоса Ская мороз побежал по спине, даже зябко пожалала плечами.

— Не скрою! Ты изрядно попортил мне нервы в свое время. — Тасель окинул меня новым взглядом, в котором промелькнуло сильнейшее волнение. Затем снова посмотрел на дракона. — Зачем тебе корона, Скайшер, или твоей избранной? Уверен, в ближайшее время вы будете слишком заняты... чтобы развлекаться за счет светлых.

Взбешенный Делиаль прошипел:

— Отец, о чем ты вообще говоришь с этим чешуйчатым? Он отобрал у тебя корону, а у меня хочет забрать мою женщину...

— Заткнись, щенок! — резкий окрик отца заставил побледнеть первого наследника. Затем Тасель перевел взгляд мне за спину, а я все еще не решалась повернуться. — Прости его, Скайшер, он еще глуп, хоть его юность уже давно прошла. Но золотых уже давно не видели...

Молчание дракона и снова вкрадчивый голос Таселя:

— Корона...

— Моя избранная любит блестящие побрякушки, поэтому пока она ей не надоест, пусть играет... И еще, Тасель, ты плохо воспитываешь своих детей... Я постараюсь учесть твои ошибки, когда займусь воспитанием своих.

Тасель побледнел и, сжав челюсти до хруста, молча смотрел на нас, а я тем временем хотела было уже повернуться. По недавнему шелесту ткани предположила, что Скай, наконец, снял черный палантин и очень хотела взглянуть, но тоже чуть не закричала зубами, услышав слова в свою поддержку, вернее, какими именно он ее выразил...

— Алев Красная... — осторожный, вкрадчивый голос отца прервало гневное и яростное шипение сына.

Делиаль сделал резкий шаг ко мне и протянул руку с явным намерением вырвать меня из рук Скайшера, которые легли на мои плечи. В следующее мгновение перед моим носом скользнула рука дракона, и он резко распрямил пальцы, выталкивая из ладони голубой сгусток, который в оглушительной тишине ударился в грудь Делиаля и отбросил его метров на десять, не меньше, в сторону обрыва у реки. Эльф мгновение потратил на то, чтобы вскочить на ноги, но этого мгновения хватило Скаю, чтобы задвинуть меня за спину Ксиона и нарисовать перед нами прозрачную упругую стену.

Я в нее даже пальцем потыкала, сроду не видела, но она не поддалась спружинив руку обратно. Забавно! Зато теперь я увидела Скаю со спины и восторженно выдохнула — посмотреть было на что. Невероятно яркие, золотые, блестящие как чешуя волосы забраны в толстенную косу, которая даже завязанная под затылком длиной до пояса. А вот если бы он ее развязал... расплел... Непременно надо попросить! Но теперь, понятно, зачем ему куртка и палантин.....

Делиаль с перекошенным лицом бросил заклинанием в дракона, но серое марево буквально стекло по защитному куполу, которым укрыл себя Скайшер. Так они и кидали друг в друга различные заклинания, проверяя на прочность, но если дракон банально развлекался, выматывая своего противника, то эльф выкладывался по полной, с явным намерением убить крылатого.

— Делиаль! Опомнись! Он просто играет с тобой. — Гневный отчаянный крик Таселя не смог остановить поединок.

— Он забрал себе все! Я не позволю ему этого, в отличие от тебя...

— Не будь глупцом, он гораздо сильнее... Нас!

— А мне плевать, отец, за свое я буду драться до последнего!

— Значит, ты умрешь, светлый! — Прервал перепалку сына с отцом Скайшер. — Потому что твоего здесь нет и никогда не было! Женщина моя, а корона — ее небольшая прихоть, которую я, в отличие от тебя, могу позволить ей.

— Скайшер, позволь мне... — Тасель пытался вмешаться, но не в поединок, а в разговор.

— Глупость, Тасель, должна быть наказуема, а твой сынок исчерпал мое терпение полностью.

В этот раз, передернув плечами, он щелкнул двумя пальцами, и Делиаль снова оказался распластанным на краю обрыва. Дышал тяжело, а голубой, вновь им созданный шарик походил скорее на искорку. Похоже, резерв у него ограниченный. Черные глаза блеснули злобой и бешенством. Дракон ближе подошел к эльфу уверенной грациозной походкой зверя на охоте, но в этот момент, отбросив белоснежную косу назад, Делиаль, чуть пригнувшись, рванул к Скаю и ударил его по лицу, заставив отступить на шаг назад. Все замерли, а в тишине раздался радостный, ухмыляющийся голос дракона.

— Благодарю тебя, Стретер, этого мне как раз и не хватало для полного счастья. Ты мне так удружил...

Через секунду началась потасовка, точнее, Делиаля использовали в качестве груши, а Скайшер отрабатывал на нем удары, хотя и ему иной раз знатно прилетало от эльфа.

Я замерла, бледная и напуганная. Правда, за кого больше переживала — непонятно, потому что стало очевидно — Скай сильнее во всех смыслах и даже сейчас просто выпускает пар, избивая соперника, но ведь всякое может быть. Но главное, что с самого начала поединка я начала испытывать боль. Она все накапливалась и накапливалась с каждым новым заклинанием, попавшим в эльфа, с каждым ударом, который ему доставался. Уже испытывая сильную боль, подняла взгляд на Таселя. Было заметно, что ему тоже больно, не знаю, от злых ли слов сына и его поведения или от того, что он боялся за его жизнь. Скорее всего и то, и другое. Повелитель посмотрел на меня и рванулся, но остановился, заметив выставленное оружие марханов и клубящиеся вокруг нас защитные заклинания. Потом печально, с сожалением усмехнулся и сказал:

— Вот цена за право носить эту корону, так что хорошенько подумай, девочка, прежде чем окончательно принимать какое-либо решение по ней.

Отпустив мой страдающий взгляд, повернулся к продолжающим драться светлому и дракону. Я тоже, по-прежнему наблюдая только спину дракона. Прижала руки к животу, так там все разрывалось от боли. Делиаль лежал навзничь, его голова висела над стремительным потоком реки. Дракон прижимал его к земле, сапогом упираясь в грудь, и наматывал белоснежную косу на кулак с явным намерением ее отрезать. Как пояснил Камос, для многих магов волосы священны, потому что аккумулируют силу. Именно по этой причине представители многих рас, обладающие магией, предпочитают носить длинные волосы и лишаются их в крайнем случае.

Вся эта ситуация вызывала страх, даже ужас и ощущение полной и неотвратимой беды, а еще вины за содеянное. Виновата! Во всем виновата! И хоть светлые виноваты не меньше, но я задирала их специально, в угоду своему уязвленному самолюбию, лелея свою гордыню, а сейчас мой любимый убивает разумное существо. И хоть этот разумный сам напал и хотел убить, вон даже свои не вмешиваются, признавая честным поединок, но все равно, все это не правильно. Так не должно быть, и я виновата...

— Скайшер, остановись!

Жесткий голос Таселя заставил в три четверти повернуться к нам дракона и ответить с сарказмом:

— Я соперников в живых не оставляю, сам знаешь, а уж напавшим на меня первыми вообще милосердия ждать не следует, и ты об этом тоже хорошо знаешь, Тасель!

— Послушай, Скайшер, твоя избранная страдает из-за тебя!

Вот после этих слов я и смогла, увидеть своего дракона как есть. Я уже сидела, сжавшись в комочек от боли и едва сдерживалась, чтобы не застонать в голос. Но не могла

отвести взгляд от Скайшера, который замер на мгновение, повернувшись ко мне, но еще удерживая ногой Делиаля и натягивая его косу. Все те же утонченные черты лица, но кожа из-за напряжения золотится, брови и ресницы сверкают чистейшим золотом как и волосы, обрамляющие породистое лицо, на котором сейчас ярко отражается его звериная сущность. Глаза, полыхающие гневом, расчерчивает тонкий серп зрачка, но стоило ему увидеть меня и прочитать в моих глазах отголоски испытываемой боли, как тут же гнев сменяет ни чем не прикрытый страх. Странно видеть столь сильный страх в глазах этого мужчины, которого откровенно боится сам Светлый Повелитель и даже мой дедушка опасается. Рывок, и он медленно опускается передо мной на колени, и хриплый голос дрожит от с трудом сдерживаемых эмоций:

— Что случилось, малышка? Ты так испугалась?

Мотнула головой, а потом, всхлипнув и с трудом распрямившись, приникла к нему, вжимаясь в его тело и повиснув на мощной надежной шее.

— Мне больно...

Тасель чуть приблизился, а я краем глаза заметила, как Мансель кинулся на помощь брату, который хрипел и отплевывался от крови, пытаюсь встать. Повелитель весомо заметил:

— Носитель короны в ответе за всех своих подданных, золотой! Она слишком молода и неопытна, и приняла на себя весь откат испытанных Делиалем ощущений. Ведь он так близко к ней сейчас. Все что ты, хм-м-м, подарил моему сыну, досталось и твоей избранной! Подумай, нужна ли ей такая игрушка...

Мой всхлип, прервавший Таселя, вызвал яростный вопль Скайшера. Он бережно прижал мое тело к себе, поднимая на руки и, словно пряча от всех, отошел в сторону реки и шепотом произнес странные слова на незнакомом мне языке. Пространство прорезала тонкая щель, которая начала расширяться. Скай направился к ней, но нас нагнал встревоженный голос Дезея:

— Дракон, ты не можешь забрать ее сейчас...

Мне уже полегчало, и я с тревогой заглянула Скаю в глаза, без слов умоляя. Крылья носа затрепетали от ярости, но он, не оглядываясь, громко произнес:

— Мне нужны сутки, так что ждите на рассвете. А вас, светлые, здесь завтра быть не должно. Если застану тут, поверьте, я найду способ избавиться от вас безболезненно для своей женщины!

Сразу после этого со мной на руках шагнул в голубое марево портала.

— Почему драконы постоянно не передвигаются порталами? — поинтересовалась я, еще не видя окружающего пространства, потому что, все еще уткнувшись в шею Ская, приходила в себя. Боль резко отступила, и мне стало легче дышать, собственно, остался лишь страх почувствовать новый приступ боли. Дракона все еще трясло от случившегося, и голос, раздавшийся над моим ухом, был слишком хриплым и взволнованным:

— Портал — это разрыв временной и пространственной материи. Чем больше разрывов, тем больше нестабильность и магнитное возмущение. Могут начаться землетрясения, оползни, цунами...

— Все-все, я поняла общую мысль. Теперь, открывая портал, буду в ужасе думать, а не разбужу ли я какой-нибудь вулкан или еще что-нибудь в этом ключе.

— Не бойся, любимая, твои порталы слабенькие, их на вулкан не хватит, а вот на малюсенький гейзер — может быть...

— Я смотрю, ты пришел в себя, раз опять надо мной насмеяться начал...

— Нет, любимая, это все еще нервное.

Наклонив голову, потерся щекой о мою макушку, глубоко вдохнул и еще крепче прижал к себе, постепенно успокаиваясь.

— Ты сильно за меня испугался, да?

Скайшер быстро шагал куда-то, но я так и не отняла лица от вкусно пахнущего моим мужчиной местечка между шеей и плечом. Гулкий свод, похоже, пещера, а потом вновь мягкие приглушенные шаги. Запах горящего костра в камине и восковых свечей заставили отстраниться от него и оглянуться.

Пещера гораздо больше, чем у моего дедушки, но так же поделенная на две части для первой и второй ипостаси. Во второй все выдержано в красно-коричневых тонах и, в принципе, мне очень понравилось. Толстые ковры, разбросанные всюду подушки, сундуки, чуть ли не сваленные как попало в углу, из которых высыпаются несметные богатства. Моему удивлению не было предела, даже дыхание перехватывало. Огромный камин, в котором пылал огонь, судя по отголоскам, магического происхождения, как и пламя свечей. Скайшер прошел к красивой, играющей яркими бликами света на золотой вышивке портъере, и зашел за нее.

Шелест тяжелой ткани, и мои щеки затопило смущение, потому что это спальня. С огромной кроватью на едва заметных, коротких ножках-лапах. Толстый матрас и черное атласное покрывало со множеством красных подушек заставили недоуменно приподнять брови и спросить, тщательно скрывая ревность за ехидством:

— Надо же, а ты любитель... яркого и комфортного? И много здесь, хм-м-м, самок или женщин побывало?

— Нет, Алев. Здесь не было ни одной женщины. Иногда заглядывают мои друзья, но не более того. Все только для тебя, избранная! Но я рад, что ты ревнуешь, значит любишь?!

Напряженный взгляд золотых глаз упирается в мой янтарный, и вопрос, кажется, висит между нами. А я скрывать не стала. Кивнула удрученно и добавила:

— Люблю! И ревнивая! Поэтому заранее предупреждаю, если увижу...

— Не увидишь! Никогда! Избранная может быть только одна, ни какая другая не сможет сравниться или занять ее место даже на время.

Задрала подбородок, с любопытством вглядываясь в его глаза и, тихо спросила:

— Зачем мы здесь? Сейчас!

Дракон осторожно положил меня на кровать, снял свою куртку, отбросив подальше, потом сапоги, уже под моим настороженным взглядом, рубашку просто сорвал одним движением, заставив задохнуться от великолепия его тела. Рельефное, твердое, мощное... Брюки полетели вслед куртке, и я чуть не поперхнулась, испугавшись увиденного.

— Нет, ну нельзя же так сразу пугать, я же все-таки девственница...

Медленно, не отрывая горящего взгляда, скользнул по атласной поверхности покрывала ко мне, с неожиданно мурлыкающими нотками в голосе выдохнув:

— А что, я такой страшный?

Я дернулась, смутилась и начала отодвигаться от него в другую сторону. Все же он дракон, который постоянно теряет контроль со мной рядом, а я боялась первой боли. И вообще, а может все время больно будет, вон он какой большой. Везде! Наверное, все страхи у меня на лице отразились, потому что Скайшер вкрадчиво успокоил:

— Не бойся, Алев! Я буду очень нежен в первый раз.

В панике выкрикнула первое, что пришло в голову:

— Так ты меня только за этим сюда притащил... Там может землетрясение где-нибудь, а ты только потрах...

Стремительный рывок, и я лежу под ним. Большие ладони аккуратно, но очень быстро освободили меня от рубашек и верхней, и нижней, а потом под мой визг и брыкание стащили леггинсы. А ведь еще утром думала, что их надеть или снять только с мылом можно. Оказывается, просто опыт требуется... Дракониий!

На моих трусах его взгляд задержался, но лишь на мгновение, и они тоже полетели в компанию к штанам.

— Ты... ты... Да ты...

— Да-да, знаю, я твой любимый и самый желанный, и сейчас тебе это докажу...

Вытянулся вдоль меня всем крупным телом, которое в мерцающем свете огня в камине слегка золотилось и бугрилось литыми мускулами, словно бронзовая отполированная статуя Геракла. Потянулся ко мне, скользя по телу широкой, немного шершавой ладонью и с томным видом кота наблюдал, как под его рукой трепещет мое тело. А я наблюдала за его лицом, на котором отражалась непередаваемая гамма чувств — от дикого неконтролируемого желания и восторга, до невыразимой словами нежности и трепета.

Он прикасался ко мне, как будто сейчас открывал для себя новую необозримую вселенную: каждый кусочек моего тела, даже самая маленькая клеточка — все приводило его в восторг, вызывая жажду обладания. Он выглядел первооткрывателем земли обетованной! Накрыв мои немного пересохшие от волнения губы своими и быстро пробежался по ним языком. Скользнул внутрь и сплелся с моим языком в игре 'кто здесь главный', победил и снова обласкал губы. Его губы вновь завладели моими в нескончаемых поцелуях, и так продолжалось, пока я в восторге не застонала.

Потом язык и губы отправился изучать мое лицо, не пропуская ни чего, а ладонь добралась до упругих холмиков и принялась выписывать круги и тискать. В его здоровую лапу грудь помещалась полностью, поэтому он приподнялся и положил ладони на обе, а когда его губы сомкнулись на розовой вершинке, и она оказалась во влажных и горячих недрах его рта, я выгнулась от удовольствия.

— Алев... любимая... такая красивая... — срывающимся голосом бормотал Скайшер, и

я чувствовала его слова на своей шее, на своей груди. Он говорил, как я желанна, как я его возбуждаю, как приятно на вкус моя кожа...

Я уже не испытывала стыда или смущения, огонь бежал по моей крови и гудел от накала. Мои руки скользнули по сильно развитым мышцам плеч, пробежались по рельефной спине, напрягшейся от его попытки сдерживаться со мной торсу, более мощному, чем я себе представляла, с резко очерченными стальными мускулами, с редкой порослью светлых волос на груди. Мне тут же захотелось прикоснуться к этой груди своей обнаженной грудью, захотелось осыпать поцелуями его всего — и не для того, чтобы доставить удовольствие ему, а для своего собственного удовольствия, — так чертовски он возбуждал меня, такая невероятная мужественность чувствовалась в нем.

Снова наши губы сливаются, а его тело накрывает мое и усиленно трется. Я чувствую бедрами силу его желания и величину тоже, но страх уже прошел, уступив место желанию и напряжению внизу живота, от которого уже больно. В немой мольбе я приподнимаю бедра кверху. Я хочу... я хочу... я хочу... Обхватываю его талию, придвигаясь ближе и теснее. Его руки пощипывают, мнут и ласкают грудь, спускаются к ягодицам и поднимают выше к нему. Держат так крепко, а рот без устали ласкает так, что у меня невольно вырывается стон, а бедра инстинктивно дергаются к нему навстречу. Скайшер одобрительно рычит и скользит внутрь меня. Ощувив давление его твердой сильно напряженной плоти, прерывисто выдохнула. На мгновение замираю в ожидании боли, ведь это мой первый раз, а он слишком крупный... большой и медленно раздвигая проникает внутрь. Но боли нет, и я на мгновение замираю под Скайшером и хрипло удивленно спрашиваю:

— Скай, а почему мне не больно?

Он с трудом сдерживает свой напор и движение, задумываясь над моим вопросом, потом короткий смешок и резкий толчок внутри меня как в ответ. Но я кричу от наслаждения, а он довольно бормочет:

— Ты не человек, любимая! У драконов, да и эльфиек тоже, таких глупостей не бывает как у людей. Наша кровь слишком ценна, чтобы ее проливать еще и таким способом... Но мы слишком много болтаем, значит, я плохо тобой занимаюсь.

После этого мною занялись основательно. Меня буквально довели до изнеможения, раз за разом, вновь и вновь. Наслаждение накрывало цунами, и голос сорвался еще на втором оргазме. Меня всю вылизали где можно и где нельзя, поворачивая из стороны в сторону словно любимую игрушку. За эту ночь Скайшер узнал мое тело лучше меня самой. Он пробовал его на вкус как сладкое мороженое или лучший и редкий деликатес, смаковал, вылизывал полюбившиеся места и при этом выглядел до безумия (моего) счастливым и довольным.

В третий раз он, наконец, смог перейти к более медленному, мучительному наслаждению, чутко реагировал на каждое мое, даже незначительное, движение и каждый звук, вбирая своими губами мои всхлипывания, не переставая что-то шептать. С каждым толчком его плоть все ближе и ближе подталкивала меня к развязке. Я хотела быстрее добраться до конца, но неумолимый Скайшер продолжал двигаться в том же ритме и с той же ужасающей неторопливостью. Уткнувшись лицом в изгиб моей шеи, слегка царапал ее зубами, и это так возбуждало, что с моих губ сорвался стон. А он лишь ухмылялся своей драконьей ухмылочкой и начинал все заново. Зато облегчение, полученное мной, не передать словами. Я не верила, что можно хотеть непрерывно и с такой силой, а его глаза все время смотрели на меня жадно и ненасытно. Зверь! Он мой голодный зверь, и к утру я в

этом уверилась. Пару раз, восстановив свои силы, убирала ссадины и синяки, появившиеся с непривычки, и гудящим мышцам ног помогла с помощью своей целительной магии, но так же не может продолжаться вечно.

Задремала, изнеможенная драконьей любовью, но меня снова разбудили, проводя языком вдоль позвоночника и скользя мощным горячим телом по моему. Свой немалый вес он удерживал на локтях и словно мартовский кот терся об меня всем телом. Заскулила и рванула к выходу с воплем.

— Да ты очумел что ли? Ты меня уже замучил!

Меня поймали за ступню, и я свалилась на кровать, так и не добравшись до ее края, а потом этот озабоченный дракон с соблазнительной улыбкой начал подтягивать меня к себе. А я непонятно зачем завопила:

— Спасите! Помогите! Пожар!

Мгновение ступора, а потом мой золотой дракон захохотал. Да и я вместе с ним. Он стремительно поднялся и, подхватив меня, обнаженным пошел на выход. Я вся сжалась в недоумении и даже легком страхе, что он там еще выкинет. А то вдруг меня... Мы пересекли драконью часть пещеры и вышли навстречу ветру.

У входа в пещеру располагалась небольшая зеленая площадка, а затем сразу обрыв. Он ступил на нее, и я, изображая ящерицу, мгновенно вцепилась в дракона всеми конечностями, обвивая талию ногами, а шею — руками. Он хриловато хохотнул, перемещая свои ладони на мои ягодицы, удобно подхватывая и тиская. От его рук на моих ягодицах стало жарко. Я бросила любопытный взгляд вниз и замерла от удивления и восторга.

Голая стена скальной породы, увенчанная этой зеленой площадкой и нашим гнездом упиралась в большую, ограниченную со всех сторон скалами долину. Она располагалась под таким углом к небу, что казалась кривой плоскостью и хотелось сильно наклонить голову вбок, чтобы выпрямить эту пасторальную картину покоя и безмятежности. На некоторых, похожих на нашу, скалах имелись похожие площадки с пещерами, но что-то мне подсказало, что они нежилые или здесь крайне редко кто-то бывает. И вот сейчас над долиной занимался розовый рассвет. Дрив тяжело и медленно приподнимался над нами, озаряя все вокруг красноватым светом, а Суар серебристо-голубым подсвечивал до блеска отполированные стихиями скалы и, отражаясь в них, рассыпал множество лучей, пересекающих пространство долины. Я как будто на феерическое шоу попала, а не в долину золотых драконов...

Поддерживая меня одной рукой, другой Скайшер вытащил столь любопытное для меня кольцо из мочки уха и хриловато произнес, протягивая его мне:

— Надень его! Это символ моей любви к тебе! Мой родовой перстень любому скажет, кому ты принадлежишь!

Я неуверенно взяла массивное кольцо с крупным золотисто-желтым камнем внутри и надела на свободный от других украшений палец. Мгновенная вспышка, и мой палец буквально облепил перстень Ская, словно на меня печать поставили: собственность Скайшера Золотого! Но самое удивительное, камень засиял, заискрился, а у меня в груди разлилось новое теплое чувство. Странное ощущение принадлежности... что не одна и неважно, где находиться буду, теперь не одинока и никогда не буду...

Руки Скайшера проšliсь по моей, хм-м-м, ягодицам и, очень умело приподняв за бедра, помогли встретить его твердую уверенность в себе. Я задохнулась от вновь рожденного удовольствия, когда он наполнил меня собой до конца.

Я просто повисла на нем, не отрываясь от разливающегося по долине рассвета, положив подбородок ему на плечо. Скайшер же начал танец страсти, то приподнимая меня, то резко опуская на себя, входя еще глубже, сильнее, резче, заставляя вбирать его в себя до отказа и стонать в голос. Зубами вцепилась в его плечо, но по-прежнему не отрывала взгляда от рассвета, а мужчина, почувствовав мои зубы, удовлетворенно зарычал, усиливая напор.

Уже с трудом сдерживая огонь внутри себя, поняла, что такого как сейчас между нами еще не было. Бешеный стук моего сердца сливается с мощным и ритмичным гулом моего дракона. Во мне рождалось что-то новое, бескрайнее и настолько глубоко заложенное, что оно вырывалось наружу, причиняя легкую, но приятную боль.

— Посмотри мне в глаза, избранная!

Уже полуприкрытыми веками, затуманенными страстью и наслаждением глазами смогла оторваться от рассвета и взглянуть прямо в золотое пламя души Скайшера. Он совсем недавно пояснил, почему даже когда он где-либо появляется под иллюзией, его глаза всегда остаются золотыми. Потому что душу спрятать невозможно!

Вот и сейчас наши души, глядящие друг на друга нашими глазами, неожиданно слились. Я утонула в своих чувственных ощущениях и в его глазах как в омутах. Выплыть одной невозможно, поэтому я не отрываясь смотрела в его глаза, чувствуя как нарастает наш обоюдный взрыв. Мы выпивали друг друга до дна, одновременно с этим заполняя собой. Это невозможно объяснить, но я поняла, что в этот момент мы действительно становимся едиными. Накал достиг такого уровня, когда сметая все барьеры и разум, наш общий огонь вырвался из-под контроля, тут же вступая в схватку друг с другом, но уже через мгновение пламя невероятной мощи, которым владел Скайшер, отступило, а потом вновь набросилось на мой огонь, но только обволакивая, заигрывая и сливаясь в единое пламя, при этом разбавляя друг друга. Теперь я бы не смогла определить, где моя стихия, а где его. Мы оба закричали, взмывая на вершину наслаждения, при этом хватаясь друг за друга и сплетаясь еще теснее, становясь одним целым.

Огонь Скайшера, казалось, приласкав мой, медленно, неохотно вернулся к хозяину, а мой снова наполнил меня. Чувственный торнадо понемногу успокаивался, и Скай упал на колени, продолжая прижимать меня к себе, потом медленно улегся в траву на спину, а я, окруженная его руками, распласталась на нем сверху, так и не разъединив наши тела.

Довольный, искрящийся счастьем Скайшер хриплым голосом прошептал, похоже не в силах говорить громче:

— С добрым утром, любимая! Теперь ты моя жена и половинка перед богами и всем миром.

— Слава богу, здесь никого нет...

— Ну не знаю, я не следил...

— Ты что, хочешь сказать, пока мы тут занимались любовью, нас кто-нибудь мог видеть?

— Ну, умный дракон быстро убрался бы отсюда, а глупый — вряд ли бы успел кому-нибудь об этом рассказать...

Успокоенная, потерлась о его плечо, жадно вдыхая волнуемый запах разгоряченного МОЕГО дракона! А ведь теперь уже навсегда.

— А что это значило... Ну то, что сейчас между нами произошло?

Прижал еще сильнее к себе, уткнувшись носом мне в макушку, чуть ближе пододвинув к себе, и уже оттуда проговорил:

— Это было единение, любимая! Мы соединили свои линии жизни и судьбы. А еще упрочили нашу связь, и в следующей жизни мне будет легче найти тебя, а ты быстрее примешь меня и признаешь... Но очень рассчитываю на то, что в этой мы еще долго проживем вместе!

Погладила его лицо, приподнимаясь над ним, а он резко перевернул меня, осторожно укладывая на траву и нависая сверху, вглядываясь в мои черты. И светилось его лицо тем самым чувством, что я видела на лице своего отца. Невероятную, непоколебимую, безграничную любовь, а еще что я именно то, что ему нужно от жизни. То единственное, что делает его жизнь полноценной, а если утратит — станет бессмысленной и пустой.

Мне не нужны были слова, когда я все это прочитала на его лице в золотых глазах — душе, но он произнес, и впервые в его голосе были трепет и незащищенность:

— Я люблю тебя, Алев! Больше всего на свете люблю только тебя! Моя Алев! Все в тебе! Твою кожу словно из лепестков цветов, запах, ласкающий мой слух голос... Все в тебе!

Приподняла руки и взяла в ладони его лицо, слегка раздвинув выбившиеся из длинной косы золотые пряди, которые в лучах Дрива все ярче сверкали, и так же тихо ответила:

— Я люблю тебя, Скайшер, ты все, что мне надо от жизни... хотя детей от тебя тоже надо! — счастливая ухмылка победителя и собственника, а я продолжила, поглаживая его скулы, глаза, губы: — Так сильно люблю, что сама умру, если тебя потеряю, и очень надеюсь — мы проживем долго и счастливо.

На последнем слове ехидство все же прорвалось в голос, а мой любимый дракон, похоже, уже вновь возбуждился и вновь принялся за это, как оказалось, тяжелое дело... А на мою попытку высказать вежливые претензии:

— Да ты, маньячина сексуальная, меня до смерти затрах... — с удовольствием закрыл мой рот своим, захватывая над ним власть.

Снова разрыв в пространстве, и мы выходим к нашим заждавшимся взволнованным спутникам. Скайшер с самодовольной уверенной наглой мордой дракона, иначе на назовешь, быстро и внимательно осматривает окружающее пространство, не пропуская ни одной мелочи, которая может угрожать его женщине, а следом — я. Причем тяжело вздыхая и устало передвигая ноги, независимо от того, что за последние сутки уже два раза воспользовалась собственной магией лечения, чтобы убрать с тела следы страсти чересчур любвеобильного дракона. Ощущение, что я не любовью сутки занималась, а пахала на колхозном поле, окучивая или выкапывая пару га картошки. Да я даже ела урывками, можно сказать не отрываясь от процесса, хм-м-м, единения, как его этот ненасытный крылатый назвал.

В результате, стоило нам выбраться к марханам, и мой нос учуял запах свежей горячей похлебки, как желудок яростно, с дикими жалобами и оскорблениями в сторону своей тяжелой доли завопил на всю поляну, перекрывая шум воды в реке. Все десять жрецов марханов и Ксион, застывшие и осматривающие нас, услышав голодный рев моего желудка, сначала недоуменно подняли кустистые брови, а потом дружно расплылись в таких насмешливых понимающих ухмылках, что я покраснела и решила... короче, потом решу, сейчас есть больно хочется.

Скайшер взял меня за локоть и, виновато заглядывая в мои глаза, пробормотал:

— Прости любимая, ты бы сказала, что голодна и тогда я...

— Я теперь понимаю почему у вас самок так мало... — сглотнула и насмешливо, с притворно обреченными нотками в голосе выдала, — они либо от голодудохнут, либо их зат... Залюбят до смерти.

Он побледнел, нахмурился и тихо извинился:

— Прости, что плохо справился со своими обязанностями. Это была моя первая и последняя ошибка по уходу за тобой.

— По какому уходу? — опешила я, недоуменно уставилась на него и возмутилась: — Я тебе что, дитя неразумное? Или вещь или...

— Ты самое ценное, что у меня есть, а я допустил халатность, просчет, упивался своими желаниями и чувствами, не подумав прежде о тебе и твоих потребностях. Ты великодушна и необидчива, но я сам себя виню. Больше таких ошибок не повторится, обещаю, любимая!

Его извинения прервал гневный обиженный рык мархуза, который, припав к земле, крался к дракону с явным намерением попробовать того на вкус. Я испугалась, одновременно с этим испытывая стыд, ведь я забыла о Филе на целые сутки, бросив его здесь, пусть и не одного. Тут же забыла про еду и, присев на корточки, протянула руки к Фильке и попросила:

— Филь, а Филь, прости меня, пожалуйста. Мы не специально, так получилось, больше такого не случится. Чесслово!

Филя замер, вслушиваясь в мои слова, но все равно злобно зыркал на Скайшера, пока тот, бросив на меня короткий взгляд, махнул рукой и выдал, обращаясь к мархузу:

— Хорошо, обещаю! Ты с нами всегда и всюду! Прости! — Мархуз оттаял и, согласно фыркнув дракону, рванул ко мне обниматься, разом прощая все прегрешения. И тут же последовало предупреждение Ская: — Но мне никто не мешает найти ему подружку,

чтобы он не болтался все время у меня под ногами.

Его слова вызвали у мархуза заинтересованный взгляд и хитрое выражение на плоской клыкастой морде, а у меня — невольную теплую улыбку. Потрепав мархуза за ушами и чмокнув его в нос, приподнялась на цыпочки и шепнула в ухо своему любимому дракону:

— Я люблю тебя... Не смотря на то, что голодная как стая зеленых дракониц.

Меня сгребли в охапку и понесли к общему костру с вожделенным котлом с едой. Ксион предложил тарелку и мне, и теперь уже моему мужу, и пока я усердно работала ложкой под насмешливыми взглядами, марханы рассказали, как уходили недовольные нашим исчезновением светлые.

Наш завтрак закончился в тот момент, когда я, наконец, определила, что в меня больше не влезет ни грамма. С таким удовлетворением выдохнула, отставляя тарелку с ложкой от себя, что марханы не выдержали и рассмеявшись, начали подтрунивать над драконом, который все это время с умилением и любовью смотрел на меня, лишь ковыряясь в своей тарелке.

— Да! Бурная свадьба, наверное, была...

— А уж первая брачная ночь побила все рекорды, небось...

— Вон как уработал бедняжку...

— Слышал я, что драконы чересчур темпераментные, но не знал что настолько...

— Вон что любовь с женщиной делает...

И так еще раз десять различных высказываний, от которых я краснела, а Скайшер, как ни странно, лишь расплывался в самодовольной ухмылке и, по-собственнически накрывая мою талию ладонью. А я не жаловалась и не вырывалась, я признала для себя тот факт, что теперь без этого дракона и ни туды и ни сюды! Я просто не смогу жить без него, так что буду принимать таким как есть. Да и на сытый желудок, что ни говори, все их, в сущности незлые поддразнивая, воспринимались благодушно.

— Утро наступило и причин откладывать наш путь, больше нет, — категорично прервал Дезей наш балаган.

Все посмурнели, но быстро затушили костер, споро собрали лагерь и уже через несколько минут были готовы к походу, как и мы. Дезей скользнул к Скаю и сказал:

— Идти следом за нами, с тропы не сходите, если что-то надо, сначала скажите любому из жрецов. Даже если это ближайшие кустики, все равно, только с разрешения любого из нас. — Повернулся к Ксиону и тоже твердо предупредил. — И тебя, шаман, это тоже касается. Наша магия за гранью не действует, более того, стоит активировать свои силы или приоткрыть резервы, Тьма высосет все до капельки, она очень голодная...

Потом, не решившись посмотреть нам в глаза, добавил:

— Вы должны четко соблюдать мои инструкции, потому что любой, кто сойдет с тропы или заблудится во тьме... Они сходят с ума, теряют разумность и сливаются с Тьмой. Метаморфозы происходят внутри живых... и мертвых тоже. Они перерождаются в само зло и хотят только одного — убить.

— Похоже ты испробовал это на себе, жрец?! — Скай пристально посмотрел в глаза Дезея.

— Еще хвост не отрастил... — Дезей передернул плечами и неохотно продолжил, — после первого похода сюда со старшим братом, его так и не нашли, а меня... слава Стретеру, отыскали вовремя, я не больше пары часов там пробыл, но впечатления остались на всю жизнь.

Таким образом, дальнейший путь начался с грустных мыслей, но шли мы весьма бодро... или ползти, короче, у кого как выходило.

До обеда двигались по обычному лесу, но вскоре добрались до грани Тьмы. В непосредственной близости искореженные деревья с мертвой коричневой листвой, пожухлая чахлая трава и нереальная пугающая тишина производили еще более зловещее впечатление. Меж деревьев клубится серая, едва прозрачная муть, а в ней чудятся жуткие тени. Я не трус, но я боюсь и стыдиться мне нечего. Перед тем как Тихоня ступила за черту, я резко повернулась назад и без смущения попросила:

— Скай, я хочу с тобой... на Сером! — он без разговоров и насмешек подъехал и, молча подхватив меня на руки, пересадил к себе на колени, прижимая к своему телу. Он даже расслабился сразу, да и мрачное каменное выражение ушло с его лица.

— Я рад, что ты ищешь защиты в моих руках! Алев, мечта моя легкокрылая, я никому тебя в обиду не дам, успокойся и не бойся.

Обвила его шею руками, прижалась всем телом и, вдохнув такой волнующий аромат своего мужчины, тихо, провокационно ответила:

— А может это лишь повод, чтобы оказаться к тебе поближе?!

Он склонил голову, от чего не забранные в косу золотые пряди, пологом свесились перед моим лицом, отрезая тоскливую серость этого проклятого места.

— Любимая, тебе не нужен повод, чтобы прижаться ко мне лишний раз. Я полностью к твоим услугам, круглые сутки, только пожелай или мигни...

— Я думаю, скоро ты решишь, что у меня нервный тик, если все время буду тебе подмигивать, что мне необходимы твоё тепло и руки...

Скай замер на мгновение, а потом буквально обтек меня со всех сторон, прижимаясь, потерся о мою макушку лицом, накрыл мои ладони, лежащие на луке седла, своими большими, благодарно слегка сжимая. И едва слышно урчал как большой кот. Так мы и ехали дальше вместе, ластясь друг к дружке, смешивая свой запах. Ночь прошла в напряжении, Скай запретил Фильке убегать, причем наверняка сделал и магическое внушение-запрет, в ответ на мой тревожный вопросительный взгляд коротко ответил:

— Для надежности, не хочу, чтобы его внезапная потеря принесла тебе боль и страдания... И не переживай для него, это безопасно.

А я с умилением и дополнительным восторгом посмотрела в любимые золотые глаза, хозяин которых с таким тщанием заботится обо мне и моем побратиме. В итоге мы спали втроем и оба моих мужчины оберегали меня с двух сторон.

В относительной безопасности мы пребывали три дня, хоть и довольно часто слышали в зловещей серой мути жуткие крики, странные стоны и тяжелые вздохи, от которых лично у меня вставали дыбом волосы. Но пока ни один из источников этих звуков не вышел за границы марева и не показался нам. Дрив и Суар не были видны, и лишь серая мгла сменявшаяся непроглядной теменью подсказывали, какое время суток сейчас, давая возможность считать дни в дороге. Четвертый день серебристая в магическом зрении тропа, петляющая между деревьев, заставляла притуплять внимание и расслабиться.

— Дезей, а как долго нам еще добираться до города?

В этот момент тропа завернула за очередной пригорок с искривленными деревьями и я, к своему удивлению заметила, что это не пригорок, а руины большого дома, вросшего в землю, заполненного бурьяном и уже глубоко пустившими корни деревьями. Мало того, то тут, то там я замечала другие дома-пригорки, яснее ясного — мы идем по некогда большому

городу. Грустное зрелище запустения. Вновь захотелось на колени к дракону, но сдержалась — и так слишком большую зависимость от его коленей приобрела...

— Если все пройдет нормально, то к вечеру седьмого дня будем возле купола...

Я поняла, отчего внезапное молчание, жрец еще не знал, смогу ли я и Скайшер пройти сквозь защитный купол марханов, оберегающий таинственный проклятый город, соответственно, пронести в него артефакт, которого этот город так долго ждет.

— Это бывший город, я правильно понимаю, Дезей?

— Да! Это Эйрсварк, еще двести лет назад, как пишут хроники, он вполне реально существовал, но Тьма поглотила и его. Для Тьмы и река не будет преградой... — он замолчал, тяжело вздохнув и так ясно, что за рекой на пути Тьмы стоит Эйнере — последний город марханов.

Новый виток тропы, и из-за большого здания мы вышли, скорее всего, на некогда городскую площадь. Тропа делит ее ровно пополам, и мы продолжали идти, пока Филька не замер и не зарычал — глухо, остервенело, с нотками отчаяния. Он испугался, соответственно, и я тоже. Весь отряд насторожился и только дракон направил Серого ко мне поближе.

В этот момент из-за угла здания выступило нечто трудно описуемое. Странный огромный ком из крупных и мелких камней от разрушенных зданий, кое-где торчали ветки или целые мшистые кочки, которые перемежались инвентарем для земледелия. Сначала это нечто вызвало у меня лишь недоумение. Но стоило ему подобраться ближе, я судорожно сглотнула и в ужасе уставилась на шкуру мертвого животного и остальные элементы этой мерзкой махины, весьма похожие на человеческие кости, торчавшие из нее между ветками и комьями земли. Рядом со мной потрясенно выдохнул Дезей, сразу высвобождая оба меча из-за ремня и принимая боевую стойку, темнея лицом.

— Земляные големы! Тьма все сильнее, раз способна создавать такое...

Его слова прервались, потому что неподалеку от нас прямо из земли выросла вторая голем, подгребая под себя лапами-выростами землю, камни и все остальное. Первый также начал меняться, становясь похожим на огромный колобок с руками и ногами. Бр-р-р, я уже ныла от потрясения, когда из дома, который мы недавно обошли, образовался еще один голем. Он вырвался из плена старого здания, от чего позади него все еще рушились остатки остова, летели комья земли и чахлого кустарника.

Скайшер вытянул руку вперед и уже знакомо резко распрямил пальцы в попытке послать в этих чудищ заклинание, но послал лишь пшик с маленькой искоркой. Это его весьма озадачило, он даже с недоумением посмотрел на свою руку, а потом, стряхнув оцепенение, так же как и Дезей вытащил пару клинков из ножен на поясе. При этом мрачно повернулся ко мне и строго приказал:

— Из-за моей спины не высовываться, куда я, туда и ты, Алев!

Я только кивнула, испуганно сглотнув, а Дезей предупредил:

— С тропы не сходить ни в коем случае, чтобы не происходило! Надо попытаться прорваться вперед...

Ксион, тяжело вздохнув, распрямил плечи и так же приготовил свои мечи к бою. Но как оказалось, големы коварны, потому как один из них подобрался вплотную к тропе впереди и, вытянув вперед выросты-лапы, пошел навстречу. Резкий хруст веток и шум с другой стороны тропы заставил обернуться и замереть, прикусывая кулак и не давая себе закричать — на нас шел четвертый голем. И размеров его конечностей хватит, чтобы дотянуться до нас на этой

тропе. Он будто услышал мои мысли, буквально через мгновение подцепил одного из жрецов и выкинул своим собратьям.

Марханы распределились по тропе для контроля всех четырех големов, и я второй раз в жизни увидела, как они сражаются. Действительно великие воины, без сожаления и страха начавшие танец со смертью. Змеиная пластичность, броски, быстрый уход из захвата, скольжение помогали им уходить от загребущих лап големов. Они старались отвлечь монстров, давая возможность Скаю увести меня вперед, но их попытки оказывались бесплодными. Твари, одержимые жадной убийства, перли напролом, и только границы тропы их сдерживали, пока. Уже трое марханов дрались за пределами тропы, и по их искаженным лицам было заметно, что они сдерживают натиск не только с големов, но и голосов внутри себя, которые отравляют сознание, меняют сущность, забирают жизнь...

Скайшер пошел в атаку, стоило одному из големов протянуть ко мне лапы, а мне — завизжать от страха. Я от его стремительности и мощи даже замерла на мгновение, задохнувшись от восхищения. Он просто бесподобен и похож в этот момент с развивающимися золотыми волосами и крутящимися клинками на бога войны. Самое страшное, что все усилия моих защитников были напрасными, потому что стоило отсеченным частям големов упасть на землю, как поврежденная конечность восстанавливалась, а отрубленный фрагмент вливался в общую массу снизу.

Все наши действия носили временный характер — как только наши силы истощатся, нам наступит конец. Либо раздавят или разорвут на сотню маленьких кусочков, либо серая мгла за тропой поглотит и запутает сознание, превратив в еще более кошмарное существо, чем эти големы. Вон, первый мархан, оказавшийся за гранью тропы еще дерется, но уже весь голубой от двойных усилий, видимо, голоса внутри все сильнее. Двое других пока держатся, и по ним не скажешь, что у них какие-либо проблемы с сознанием.

Я пострадала за невнимание, меня подцепили за волосы на затылке корявой веткой и под мои жуткие вопли от страха и дикой боли выволокли за тропу. От силы удара, с которым меня приложили об землю, вышибло воздух из легких, и я даже замолчала, но тут же ощутила, как серая мгла буквально забирается мне в голову, мешая мысли и чувства. Но это не мешало мне слышать дикий рев Скайшера, самку которого так не прилично и без спросу бросили на землю, оттаскав за косы. Мой золотой смерч сам выскочил за границу тропы и, вертясь волчком, встал между мною и големами. Куски чудовищ полетели в разные стороны, а клинки в его руках можно было различить лишь по бликам на лезвиях, но все бессмысленно. Эти уроды слишком быстро восстанавливались, а нам на это времени не давали. Марханы и мархуз тоже сошли с тропы, окружая меня. 'Все это лишь временно!' — билась в голове паническая мысль. Первый мархан уже раздавлен каменной стопой голема, и на наших глазах его тело поглощается массой самого голема, страшным кровавым пятном выделяясь на его поверхности. Двое других ранены, но бьются наравне со всеми. Филя заведенной игрушкой молча кидается на каменные исполинские ноги.

Скайшер, проводив взглядом в очередной раз отсеченный им кусок голема, даже успел прищуриться от похоже пришедшей ему мысли, потому что отскочил в сторону от нас и уже через мгновение обернулся золотым драконом. Ветер его крыльев разогнал серую мглу, когда он невысоко взлетел, потом спикировал, подхватил одно из чудовищ и, подняв его вверх, окатил своим пламенем такой силы, что на землю серым дождем осыпались труха, зола и опаленные до черноты камни. Мгновение ожидания, но голем не восстанавливается, и Скайшер словно коршун бросается к другому, подхватывая на лету, расправляется с ним, как

и с первым. И так с остальными двумя, пока едва дышащие от усталости марханы тащат меня под защиту тропы. А следом бредет мархуз с вываленным языком. Хотела было тоже обернуться в драконицу и помочь Скайшеру, но Ксион лишь гневно шикнул, чтобы не мешала. И я покорно пошла за ними. Запахло паленым мясом — последний голем, убивший одного из жрецов и вобравший его в себя, ссыпался золой на землю. От погибшего мархана не осталось ничего, кроме золы. Рядом пробормотал Дезей:

— Хвала Стретеру, даже после смерти Жеар послужит на благо своей земле... даже таким способом.

Во мне все застыло от пережитого и этой жуткой смерти. Филя привалился к моей ноге, его бока ходуном ходили, работали как кузнечные меха. Не отрываясь, смотрела на золотого дракона, который приподнялся ввысь и, оглядевшись по сторонам, снова спустился на тропу. Через мгновение его сильные руки вновь обвивались вокруг меня, а я впервые почувствовала себя совсем жалкой, слабой и никчемной. Ведь помочь я не смогла никому, даже себе, и защитить не смогла ни себя, ни других. Стояла тут тупым изваянием и вопила как резаная...

— Не думай о плохом, любимая! Все обошлось...

— Я не смогла помочь, стояла и тряслась от ужаса, а сколько гонору в начале было... Думала могу сама со всем справиться... — в отчаянии всхлипнула я.

— Девочка, я готовился к этому всю жизнь, тренировался, изучал и уже два раза шел этой тропой, но каждый раз все по-новому, а в этот раз... Тьма крепчает. Чем больше она высасывает сил из моего народа, тем сильнее становится. Хвала Высшим, что она послала нам тебя и твоего избранного... — вмешался Дезей, успокаивая и предупреждая мои самокопания.

Опять всхлипнула, а когда оглянулась кругом и поняла, что Тихони и Серого на тропе тоже нет и рядом не видно, совсем расклеилась. И впервые за все это время, уткнувшись в куртку Ская, заплакала у него на груди, причем не тихо, а навзрыд. Мне не жаль своих вещей, я болела сердцем за полюбившихся лошадей. И за того мархана, горсткой пепла оставшегося здесь навсегда.

— Там сверху что-нибудь примечательное было? — тихо обратился к Скаю Дезей.

— Нет, только серая муть среди деревьев!

Все еще пытаясь, успокоится под заботливыми ладонями Ская, нежно ласкающими мои плечи и спину, услышала тихий шорох мархановских хвостов, недалеко отползающих, оставляя нас наедине. Правда, на пару минут — на большее не решились.

Дальнейший путь до вечера прошел в молчании и тревожных мыслях. Я старалась шагать бодро, но держала за руку мужа (теперь уже могу его и так называть, ведь единение мы прошли, а по законам драконов это брачный обряд) и жалась к его телу. Или скорее он вцепился в мою руку мертвой хваткой. Хотел нести на руках, но я отказалась, должна же быть у меня хоть капелька гордости... Но мой дракон, получив категоричный отказ, нахмурился и, как мне показалось, расстроился. Ночью дежурили по трое, и мархуз был полноценным сторожевиком, причем как я заметила, его чутью теперь доверяли больше, чем своему, и еще больше гордилась своим побратимом.

Спала, крепко прижавшись к груди мужа, а еще немного устало и отстранено порадовалась, что часть моих вещей были закреплены и на мархузе в виде небольшого рюкзака. Просто он его сорвал с себя припадении, ремни оторвались, но нести его можно было без труда, ведь основной груз везла Тихоня... Но хоть небольшая смена белья и различные безделушки сохранились.

Каждый раз засыпая, слышала на грани яви и сна тихий шепот, говоривший о любви, обещавший, что все будет хорошо. Верила безоговорочно и стоило проснуться, как я первым делом тянулась к его губам и шептала о своей любви к нему. Настроение Ская весьма повышалось благодаря этому. Его желание, кстати, тоже, но он терпел, хоть и напряжение все больше накапливалось и ощущалось уже всеми, заставляя нервничать и отступать от меня чуть дальше. Но эта тропа не место для подобных игр. Хотя я уже была непротив и сама, так велик был соблазн прикоснуться к его гладкой золотистой коже, вновь почувствовать себя наполненной им и ощутить, как гудит огонь в моей крови, пока мы слиты воедино. Он — моя зависимость, и с каждым днем это все острее ощущается.

Последние три дня пути прошли в напряжении и мелких стычках со всякими тварями, но чаще всего они проходили, как говорят на Земле, в штатном режиме и много времени на ликвидацию не требовалось. А утром восьмого дня, если можно так назвать осточертевшее серое марево, мы подошли к куполу. И он выглядел именно так. Купол!

Мне кажется, окружающая нас серая мгла, которая змеится между деревьями и заставляет все живое сходить с ума и пожирать все вокруг, рождается этим куполом. По крайней мере, такая мысль пришла, когда я увидела куполообразное клубящееся серое нечто с размытыми контурами, которое живым непостижимым организмом выгнулось вверх и передвигалось, переливалось, будто дышало. А может так и есть? Я не выдержала и, встав перед этим... прокомментировала:

— Жуткая жуть! И как вы дальше проходите?

Один из жрецов, стоящий ближе всех к куполу просто скользнул чуть ближе и протянув руку, окунул ее в эту все время движущуюся серость.

— Так может и остальных без проблем пропускает?!

Марханы помрачнели, Скайшер встал за моей спиной, уже привычно обхватывая за плечи и кладя подбородок на макушку.

— Многие чужаки пытались пройти, купол впитывал их без остатка...

— А я? Как я пройду? — мой испуганный писк даже саму себя заставил поморщиться, а марханы насторожились.

— Если артефакт на тебе, ты свободно пройдешь! — ответил Дезей.

Я успокоилась, но следующая мысль вновь повергла в панику:

— А мои... А Скайшер и Филя как же?

Марханы потемнели то ли от нервов, то ли от смущения, но Дезей продолжил:

— Мархуз сможет пройти, если на нем поедет кто-нибудь из нас... а твой дракон... вы едины, и я думаю, ты признаешь это?

Я кивнула головой, почувствовав как после моего кивка стальное тело за спиной расслабилось и уже знакомо обтекло мое, впитывая его и словно вращая в мою спину. А Дезей между тем продолжил, чуть приподняв в добродушной ухмылке уголки губ.

— Значит если артефакт на тебе истинный, твоему мужу тоже ничего не угрожает. Он понесет тебя так же, как я поеду на мархузе, согласна? Идем дальше?

Они все пристально, но уже в тревожном ожидании уставились на меня. Еще бы, столько потрачено сил, времени, погиб их друг, а они сейчас стоят и ожидают моего решения. А главное, моих действий, ведь если я пройду, значит это правда и их жизнь изменится навсегда и долголетие вернется, а если не пройду или не пойду значит все очередной обман и все напрасно....

Смотрела на переливающуюся серую голодную махину, высившуюся передо мной и до

дрожь в коленках боялась, решаясь на последний шаг. Осталось совсем чуть-чуть, но вдруг учитель Камос ошибся и дал мне не тот артефакт... А вдруг этот купол тоже с ума сошел, и таких 'а вдруг' еще слишком много. По застывшему позади меня телу дракона, поняла, что он прочувствовал мои страхи и сомнения и уже практически готов наплевать на марханов и забрать меня отсюда. Чего уж проще — расправил крылья и вперед к свободе, уютной, уже такой родной пещере в Золотой долине... Но остается огромное 'НО' и его невозможно отринуть. Долги надо платить всегда, с какими бы опасностями и невзгодами не пришлось столкнуться. Во всяком случае для себя я так полагала.

Присела на корточки перед Филей и, посмотрев ему в глаза, пояснила, что он должен сделать. Получив эмоциональную волну согласия, встала и, приподнявшись на цыпочки, впиалась поцелуем в губы своего дракона... вдруг, в последний раз. Выразила этим поцелуем всю нежность и любовь, которую испытываю к нему, но почувствовав, как моему мужу начало сносить крышу от желания, оторвалась от этих любимых губ.

— Люблю тебя больше всего на свете, Скай! — Золото полыхнуло пламенем в его глазах, а руки сильнее обвили меня, а я тихо прошептала, заглядывая ему в глаза: — Ты мне веришь?

Он мрачно усмехнулся и поднял меня на руки, прижимая к себе как ребенка, и, снова не удержавшись, лизнул вдоль щеки и виска.

— Всегда и во всем, любимая!

— Тогда пошли, закончим, наконец, это дело!

Я вцепилась в воротник его куртки, удобнее устраиваясь в его руках и укладывая свою буйну головушку, которая всегда найдет себе приключения, на его мощное надежное плечо. Сжала заветный артефакт в попытке успокоиться и тут моего уха коснулись губы склонившегося надо мной Ская, который прошептал:

— Не бойся, он настоящий! Да и преграду эту я вполне сам пройду. Нашу шкуру ни одна зараза не берет, не то что это жалкое заклятье.

И каков хитрец! У меня чуть истерика не началась, можно сказать на казнь собиралась, а этот пройдоха... и уже перед тем как мы шагнули в марево, я прошипела:

— А ты откуда знаешь, что он настоящий?

Мой дракон закатил в притворном раздражении глаза и уже весело ответил:

— Да я когда молодой был, сокровищами увлекался... Ну вот и услышал про этот артефакт, пробрался в пещеру к этому самому ложу, ну и... — я даже задохнулась от его слов, провел, опять провел. А он, заметив мое шокированное лицо, поспешил успокоить: — Ну, я не решил обречь целый народ на вымирание и в последний момент передумал его брать...

— Воровать, ты хотел сказать...

— Одолжить на время...

Вот так, под милые драконьи откровения мы прошли сквозь барьер. Я не ощутила ничего, так потрясла эта история, но стоило мне очутиться по другую сторону, как вся история вылетела у меня из головы.

Серый купол накрывал древний город, погруженный в окружающий сумрак и тишину. Темные, покрытые многовековой пылью стены уже знакомых домов-грибов с круглыми оконцами, в которые уже слишком давно не заглядывали лучи светила Лайваноса. Мостовая из булыжников не блестит, натертая тысячами синих толстых хвостов, наверное, позабыв уже, как чешуя скользит по ней. Город упирается в одинокую гору, рядом с которой словно грибы росли многочисленные холмы. Как рассказывал Камос, Город Предков расположен у подножья гор, в которых издревле жили черные драконы, и местные жители часто их отгоняли камнями из пращи от домашней скотины или посевов.

Рядом с нами проявились остальные марханы, но теперь их облик и лица поменялись. Ушли тревога, страх и неуверенная надежда, которую так легко сменить на отчаянье и смиренную злость на судьбу-обманщицу. Нет, теперь со мной стояли счастливые марханы, лица которых светились безумным восторгом и благоговением. Смотрели-то они на меня, но благоговели явно не от меня и не передо мной, они словно прощупывали мое тело на руках дракона. Поедали сантиметр за сантиметром ища, неистово ища их уверенность в своем новом будущем. Один из них не выдержал и выдохнул:

— Значит это все-таки правда? Драконица и Повелительница Светлых несет наше Сердце на себе... Вернула его домой!

А мой дракон тем временем хмурился все сильнее, оглядывая ополоумевших от счастья марханов, а меня уже даже Ксион, не отстающий от своих товарищей, пугал, а тут еще мы заметили в начале медленно, а потом все быстрее ползущих к нам других марханов. Предыдущая смена, завидев нас, собралась довольно быстро, и тоже уставилась на нас со Скаем. Как только новенькие впечатлились сообщением и устремились ко мне с явным намерением хотя бы коснуться носительницы реликвии, дракон не выдержал и гневно, предупреждающе рыкнул:

— Моя! Кто тронет — съем!

Угрозой прониклись, правда, я не выдержала и недоверчиво посмотрела на муженька. Он резко повернулся и пошел в сторону горы, наш мархуз засеменил рядом. Потом Скайшеру, видимо, вспомнилось о его якобы незнании места дислокации ложа для артефакта, он остановился, в пол оборота повернувшись к скользящим за нами марханам.

— Ну, показывайте куда идти, чем быстрее положим на место, тем меньше у меня будет желаний...

— Любимый... — мой предупреждающий взволнованный возглас был попыткой остановить дальнейшие высказывания дракона. А то вдруг сейчас скажет, что хочет, хм-м-м, одолжить этот синий камешек на время...

Скай хохотнул, прочитав предположения на моем лице, перехватил поудобнее и снова повернулся к подозрительно взирающим на него марханам. Похоже, хвостатые что-то неладное заподозрили, но молчком выстроились в цепочку с нами по середине и попылили к горе.

К моему сожалению, ничего торжественного, удивительного или чересчур загадочного (ну это если сравнивать с уже пережитым мною за последние месяцы) не было. Мы долго поднимались в гору, потом прошли по тоннелю в ее каменное нутро и оказались в святилище. Прямо в центре стоял каменный постамент высотой мне по грудь с ямкой

наверху.

Артефакт нагревался по мере приближения к горе, а стоило мне приблизиться к ложу, как он словно ожил и едва ощутимо запульсировал. Все остановились позади меня, а я сняла цепочку и отстегнула камень от общего кольца, потом, как сказал учитель, положила его в лунку. Мгновение ничего не происходило, а потом 'Сердце Марханов' приподнялось и зависло в воздухе, синий камень запульсировал уже видимо для глаза, а не только моим сердцем. Он испускал мягкий свет, который расползался вокруг, даря тепло и умиротворение. Серебристые полосы зазмеились по нему, и если в самом начале мне казалось, что их всего несколько штук, то теперь я не видела им конца и края, с такой скоростью они перемещались, словно множество змеиных тел... тысячи змеиных тел. Изредка эти пульсирующие полосы устремлялись к металлическому кругу, в который был заключен камень. Вот оно — непостижимое и загадочное... И такое прекрасное!

Я чувствовала, что меня переполняют светлые и радостные чувства тепла и любви, еще трепет перед невероятным чудом. Повернулась к остальным и замерла, наслаждаясь их лицами, отражавшими те же чувства, что и мое. Ксион поразил разгладившимся, враз помолодевшим лицом и слезами в умных черных глазах. Я же громко произнесла.

— Твоя миссия закончена, Великий Камос Который Всегда Идет до Конца! Твоя воля исполнена, а мой долг выполнен, учитель!

Все марханы под моим ошарашенным взглядом и слегка недоуменным Ская свернулись на полу клубками и, накрыв свои черные головы ладонями, произнесли.

— Народ марханов никогда не забудет твое великое деяние, Алев Красная! Народ марханов никогда не забудет твое великое деяние, Скайшер Золотой! Народ марханов будет вечно чтить память Великого Камоса Который Всегда Идет до Конца!

Мы оба впечатлились необычайно, так и пошли вниз в город под впечатлением, особенно когда увидели, что купол исчез, Дрив в зените, а Суар скользит своими лучами по древним стенам, напоминая о себе. И вообще, на радостях предполагалась попойка, похоже. Впрочем, мы со Скаем были только 'за', особенно за койка-место, судя по горящим словно масляная лампа глазам моего любвеобильного дракона.

Скайшер выдержал ровно час праздничного, но довольно скудного обеда, с ехидным выражением лица наблюдая, как наклюкиваются охмелевшие от пока еще недоверчивого счастья марханы. Затем проверил, съела ли я все, что мне навалили в тарелку, и неважно — поместилось или нет, если что, помог бы утрамбовать. Он действительно ошибок в отношении своей женщины дважды не совершает... После, меня бесцеремонно вытащили из-за стола и отнесли в выделенные нашей семье комнаты. Две, потому что Филю Скай выдворил в соседнюю, чтобы не мешал соблазнению. Чуть ли не бегом рванул к постели и лихорадочно начал избавлять меня от одежды. Я же, все еще помня, что другой у меня нет, предложила:

— А давай я сама, а ты пока свою снимешь, — его недоверчивый взгляд, но моя хитрость в купе с проникновенным взглядом, — так быстрее будет... — подействовали.

Свою одежду он буквально содрал, а стоило мне обнажиться полностью, как он дрожа накрыл мое тело, сминая грудь, стараясь коснуться буквально каждой частички. Поедая меня глазами и, куда ж без этого, вылизывая тоже. Прелюдия долго не продлилась, терпение у моего дракона оказалось на самом краешке, и стоило мне в голос застонать, когда его губы обхватили вершинку груди, как оно сорвалось вниз, утащив за собой и его выдержку, и благоразумие. Он одним махом ворвался в меня, с таким сладострастным воем,

перемежающимся с рыком, что я невольно восхитилась... собой. Неужели я могу довести его до такого за минуту... Потом хвалебная мысль утонула уже в моем вопле, когда мой драконище усилил натиск, сжимая мои ягодицы и буквально впиваясь в губы. Укусил до крови, тут же зализал и вздрогнул от явного взрыва наслаждения, когда я в ответ тоже укусила его до крови, смешивая ее с моей. Это была дикая звериная безудержная страсть в чистом виде.

К утру мы со Скаем прошли, наверное, всю азбуку распутства. И ни один мархан не осмелился помешать нам, ведь мы абсолютно не сдерживали крики счастья. Меня научили стольким способам любви, что до встречи с моим драконом я бы сочла ненормальным того, кто бы мне рассказал хотя бы о части из них. Но стыда я больше не испытывала как и стеснения. Казалось, не существовало ничего такого, что не нравилось Скаю, или что он не желал бы делать. Он был на редкость терпелив и ко всему подходил с такой основательностью, что я в конце почувствовала себя так, будто меня разобрали на части и собрали заново.

Я любила и отдавалась своей любви полностью и без остатка, и так же как Скайшер поняла, почему ему так нравится вкус моей кожи. Я сама полночи пробовала на вкус своего мужчину, долго и обстоятельно. Причем он иногда даже терпеливо лежал, закатывая от удовольствия глаза. Такой забавный... ну кто бы мог подумать...

Усталая и удовлетворенная, я уснула, свернувшись калачиком у мужа под боком, и открыла глаза, когда в окно пробивался уже далеко не утренний свет. Я почувствовала, как Скай рядом зевает, ежась и потягиваясь, ну что большой кот. Все казалось слишком чудесным, чтобы быть правдой, — и тяжелое тело моего личного дракона рядом, и легкая саднящая боль, и приятная ломота во всем теле — напоминание о ночи любви. И рука, покоившаяся на моем голом бедре. И моя миссия, наконец, завершена, ведь что ни говори, а жить с чувством невыполненного долга... короче, облегчение огромное испытала.

Только на следующий день мы вновь выползли поесть и пообщаться с нашими хозяевами по весьма важному поводу. Как только наш, скорее, обед подошел к концу, рассказала жрецам и шаману, что Камос просил и все награбленное богатство вернуть в город предков, и дракон предложил воспользоваться его услугами и пройти порталом.

В альтруизме Скайшера обвинять никто не стал, все тут же бросили благодарный взгляд на меня, поняв, что золотому беззастенчиво хочется, наконец, полностью избавиться от обязательств своей избранной перед кем бы то ни было, поэтому и помогает. Запрягли пару подвод и приготовились к столь значимой для меня и марханов встрече с теперь уже легендарным магом.

Когда мы вышли на знакомой, будто родной поляне перед схроном, в груди защемило от печали и ощущения, словно я домой вернулась. Мы с Филей рванули в сторону спрятанного от постороннего взгляда входа в пещеру и даже не обратили внимания на гневный рык дракона, который поспешил за нами. Скатились по ступеням, и Филип побежал дальше — вновь как в недавние времена развеивать призрачную фигуру Камоса, а я замерла на пороге, с облегчением и счастьем смотря на учителя. Он мягко улыбался мне в приглушенном свете магических светильников, а я чувствовала, как довольная улыбка расплывается и по моему лицу, а сердце бухает от радости.

— Привет! Я счастлива, что ты еще здесь, учитель. Я переживала, что ты...

— Не думай о плохом, девочка моя. Душа бессмертна!

Почувствовала за спиной Скайшера, привычно обхватившего меня руками. Мархуз

вильнул хвостом и, вывалив язык, улегся рядом с призраком, который с удивлением и уважением рассматривал моего дракона.

— Поздравляю, Алев, ты встретила золотого, и благодарю за то что подарила встречу, как мне казалось, с исчезнувшей с лица Лайваноса легендой.

Камос подплыл ближе и, протянув призрачную руку, как будто дотронулся до золотой пряди Скайшера, который даже не дрогнул при этом, но его волосы покрылись инеем. Мне показалось, Камос даже стал менее прозрачным, все же то что ему пришлось сделать несколько месяцев назад, чтобы я могла узнать правду о родителях, похоже, сильно подточило его силы. Ведь раньше, он был практически не отличим от живого, а сейчас — настоящий призрак. Печаль наполнила сердце, и мой муж это понял, потому что неожиданно глубоко вздохнул и дунул горячим огненным драконьим дыханием в сторону призрака. Я испугалась за него, но вздрогнувший в первый момент вместе со мной учитель неожиданно вновь стал прежним, казалось, обрел плоть. Он поднял благодарный взгляд на Скайшера, который вновь прижал меня.

— Благодарю за живое тепло, которым ты наполнил меня хотя бы на время, но я так давно не чувствовал его, что забыл как это — быть живым.

Скай чуть приподнял бровь, еще теснее прижал меня к себе и выдал:

— Это благодарность за помощь моей любимой, когда она в этом больше всего нуждалась.

Камос печально хмыкнул и пояснил:

— Моя душа свободна, золотой, это значит, свои обязательства она выполнила передо мной и полностью расплатилась за все, что я для нее сделал. Я лишь надеялся, что она заглянет ко мне перед уходом...

— Я счастлива, учитель, что успела повидать вас перед расставанием.

Скай наклонился, потерся носом о мою макушку, с удовольствием глубоко вздохнул мой запах, а потом успокаивающе произнес своим хриплым, словно далекий раскат грома голосом, который скорее возбудил меня, чем успокоил:

— Не переживай, ты скоро встретишься с ним, я уверен, что мы дождемся его перерождения и навестим.

— Но как... как мы узнаем друг друга? — синхронно выдохнули мы с учителем, удивившись.

Дракон хохотнул и с доводящей меня до умопомрачения дьявольско- сексуальной улыбкой ответил:

— Ну, любимая, в отличие от этих марханов, я не столь доверчив и стараюсь извлекать уроки из своих ошибок. Так вот, перед выходом из пещеры, где хранится этот прелюбопытнейший артефакт, я наложил... хм-м-м, защиту на нее, как только из нее вышел последний мархан, она сработала.

Мы с Камосом одновременно выкрикнули свои вопросы:

— Но зачем?

— И что она из себя представляет?

Скай довольно лизнул меня в щеку, затем в ухо и только потом ответил сначала мне, потом Камосу под нашими шокированными взглядами:

— Насчет 'зачем', Алев, просто я тебя изучил довольно неплохо и, как мне кажется, ты теперь этих марханов по жизни курировать будешь... А этот артефакт так ненадежно спрятан... Я позаботился, чтобы у тебя было меньше поводов волноваться за этих хвостатых

и отвлекаться от нашей семьи. — Камос ухмыльнулся, зато я скрипнула зубами от раздражения, но довольный дракон продолжил, уже глядя на Камоса: — Я заблокировал вход в пещеру, и теперь, туда может войти лишь один мархан, вновь рожденный Камос Который Всегда Идет до Конца. Моя сигналка сработает, и мы точно узнаем, что твой учитель, сладкая, вновь на Лайваносе.

Мое раздражение смело волной счастья, восторга и благодарности к мужу:

— Спасибо, любимый! За все спасибо!

Я обвила его талию руками и, уткнувшись в грудь, потерлась об обнаженный участок кожи в распахнутой рубашке моего дракона. Потом поцеловала, не смогла удержаться и лизнула, потом еще раз и чуть не забыла, где нахожусь, но покашливание Камоса словно ведром воды окатило, выдергивая из нахлынувшего чувственного дурмана. Стыд опалил щеки, и я, не оборачиваясь, лишь прохрипела:

— Простите... Забылась.

— Ты бы почаще так забывалась... А то все время решаем чужие проблемы, а о себе даже подумать некогда, — раздраженное ворчание мужа, помогло прийти в себя и быстро прогнать смущение и стыд.

— Уверен, что судя по тем двум дням, когда вы своими заботами друг о друге спать ни кому не давали, — за нашими спинами раздался ехидный голос Ксиона, — что о себе вы точно не забываете, только и думаете о... себе...

Скай ухмыльнулся и, пропуская шамана вперед, так же ехидно ответил:

— Шаман, ты мне просто завидуешь, потому что твое тело уже забыло, что такое любовная лихорадка единения, а после пробуждения артефакта снова вспомнило. — Ксион потемнел от смущения, а мы с Камосом с любопытством уставились на него. Шаман не знал куда глаза девать, а Скайшер добил его окончательно: — Да ты не переживай, Ксион, за следующие четыреста пятьдесят лет, я уверен, ты не раз еще вспомнишь что это такое. И вообще, пора бы тебе уже и свое гнездо вить и новых детенышей заводить. Глядишь, еще своего ученика с внучкой обскачешь в усердии...

Вновь смех за спиной, и Дезей тоже протискивается в пещеру. Он, как в той пещере в проклятом городе, сворачивается клубком на полу перед Камосом, и Ксион присоединяется к нему, как и еще парочка марханов.

— Приветствуем тебя, Великий Камос Который Всегда Идет до Конца, твоего деяния не забудет ни один мархан.

Потом вновь распрямился под нашими со Скайшером внимательными взглядами и смущенным — Камоса, который, однако, промолчал, признавая свои заслуги. И продолжил уже весело:

— К тому же, я полностью согласен с драконом, Ксион, пора нам подумать о потомстве и возрождении нашего народа и бывшего могущества марханов.

За разговорами марханы начали переносить сундуки с драгоценностями из пещеры на подводы. Кости Камоса завернули в богато украшенный плащ и тоже унесли, их предадут земле в Городе Предков. Камос если бы мог, наверное, прослезился бы от счастья. Я коротко ему рассказала, как все прошло, пока марханы таскали богатства. Уже почти все загрузили на подводы, остался лишь последний небольшой ларец, с выносом которого Камос больше не задержится среди живых и уйдет за грань, как он пристально посмотрел на меня и вкрадчиво спросил:

— Алев, ты ничего не забыла вернуть?

О, я конечно помнила о нашей договоренности, но жадность коварно засвербела, поэтому я, изобразив святую простоту, выпалила:

— Я же тебе рассказала, что книги потеряны в вашем проклятом лесу, пусть твои сородичи их там сами ищут...

— Алев, я не шучу и давал его тебе только на время...

— Ах, ну да, конечно же! — скрепя сердце, с тяжелым вздохом сняла с себя золотой наруч, который ускоряет обучение. Демонстративно сунула его в ларец и как, ни в чем не бывало, с видом примерной девочки, заявила: — Я забыла про него... Нечаянно...

Марханы насмешливо молчали, зато Скай, ехидно на меня взглянув, тягуче медленно прокомментировал:

— Да-да, мы все так и подумали! Но я счастлив, что ты истинная драконица, и ни что блестящее тебе не чуждо...

Вот тут я не выдержала и расхохоталась, с разбегу запрыгивая на руки к своему дракону, который прижал к себе и с невыразимой нежностью заглянул в мои глаза:

— За это я люблю тебя еще сильнее, моя сладкая!

— О небо, куда уж сильнее?

— Скоро я тебе это наедине покажу, и не переживай — моя сокровищница не чета этой... Я осыплю тебя ими, да хоть купайся в них и сверкай почище Дрива...

— Скай, а не пора ли нам в гнездо возвращаться... — услышав обещание, я загорелась желанием порыться в тех залежах, которые заметила при посещении пещеры Скайшера.

Мы простились с Камосом, причем наша обоюдная уверенность в скорой встрече странно росла, поэтому попрощались мы лишь с легкой светлой печалью. Стоило нам всем покинуть подземелье, вынеся оттуда последнюю хранившуюся там вещь, как его медленно поглотила земля. Мы постояли пару минут, а затем Скай активировал портал в проклятый город.

Задерживаться там надолго мы не стали. Плотно пообедали и попрощались с нашими спутниками, особенно с Ксионом. Мы пообещали их навещать почаще... Эх, это они еще не в курсе, что никто в пещеру зайти не сможет, полюбоваться на их главную реликвию... Чувствую, скоро у нас со Скаем долго уши и щеки гореть будут...

Запретила мужу новый активировать портал, боялась проснувшихся вулканов и землетрясений, поэтому домой мы собрались лететь, а мархуза Скай в лапах понесет, что мы и донесли до Фили. Он, конечно, энтузиазма не проявил, но поворчав, заглох, стоило дракону на него многозначительно посмотреть. После обещания найти ему подружку, Филя уважал моего дракона чуточку сильнее меня... Гад! Молоко на губах только обсохло, а все о том же думает...

Стремглав улепетывала от Ская под возмущенный испуганный рык Фили. Похоже, моя вторая ипостась вспомнила, что я еще слишком молодой и гормонально неустойчивый дракон, которому по возрасту положено чудить, играть и совершать различные глупости.

Наверное, поэтому в какой-то момент я решила поиграть в прятки среди розовых облаков, а потом так заигралась, что в очередной раз потерялась. Вынырнула из пушистого низкого облака и спустилась ближе к земле. Я сердцем чувствовала, что мой любимый где-то рядом. Осознавая вину за это, понимала, что меня ждет наказание, ведь золотой сейчас явно на взводе, потеряв меня из виду, а ведь ему приходится еще и Филлю тащить, соответственно, он не может с ним в лапах вытворять чудеса пилотажа. Мысленно чертыхнувшись и отвесив себе подзатыльник, спустилась еще ниже, зависнув над кронами деревьев, и в этот момент заметила внизу всадников. Оглянувшись, я поняла, что сейчас нахожусь на границе светлых и темноэльфийских территорий, а земли марханов уже покинула. Ну, пока вроде хоть летела в правильном направлении...

Рассмотрела машущих мне руками всадников и с удивлением узнала в них Мансея, и его знакомую по прежним встречам пятерку. Снова огляделась, но золотого пока не видно, хоть я и всеми фибрами ощущала его ярость и скорое появление. Хм, надо разобраться с этими мальчишками, пока мой благоверный не появился. Спустилась вниз и через минуту рядом со спешившимися эльфами оказалась уже без крыльев и чешуи.

Мансель широко улыбнулся, рассматривая меня, особенно корону. Остальные выглядели слегка напряженно и постоянно поглядывали в небо, видимо, задаваясь вопросом, а где же золотой?! Подходить близко не спешила:

— Привет, младшенький! Каким ветром вас сюда занесло?

— За тобой, Повелительница, и за нашей короной! — криво усмехнулся Мансель

В следующее мгновение порыв ветра ударил меня в грудь, заваливая наземь, а потом я почувствовала, что спеленута воздушными потоками и не могу двигаться. С ненавистью посмотрела на Мансея и его товарищей, которые медленно обступили меня со всех сторон. Он грациозно присел рядом и даже мягко убрал пламенные прядки с моего лица, упавшие на глаза.

— Не волнуйся, Алев, вреда тебе никто не причинит, но корона принадлежит моему отцу, а ты — собственность моего брата. Эс Севери от своего так легко никогда не отказываются, это я тебе докажу!

— Так это тебя, неудачник, брат подослал? Сам не смог, так на своего братишку понадеялся?

Мансель напрягся, и его ладонь на моей щеке дернулась и сжала волосы на затылке. Вроде не больно, но смотреть я могу только на него.

— Я сам решаю, куда мне идти и что делать... девочка! Открывай портал!

Я хмыкнула презрительно:

— А ты, мальчик, видимо забыл, что открыть портал можно лишь туда, где хоть однажды побывал?!

Мое презрение должного эффекта не оказало, потому что Мансель кивнул головой одному из своих товарищей. И тот нарисовал в воздухе очень четкую объемную проекцию, изображающую огромный зал.

— Теперь ты его видела! Открывай портал!

— Ну, для этого вам придется освободить мои руки!

Меня подняли за локти, потом Мансель зло предупредил 'не дурить!' и деактивировал пути. Вздохнула, поправила одежду, кожаные леггинсы и рубашка уже до нервного зуда достали, но другой пока нет. В груди разлилось тепло, почувствовав которое, я в радостном предвкушении улыбнулась и начала открывать портал. Но как и предполагала, образовался лишь короткий пшик, а я пояснила это явление окружающим меня удивленным эльфам:

— Абонент вне зоны действия сети или вообще не доступен... И вообще, кто меня отпустит с вами-то?

— О чем ты говоришь...

Гневный вопль Манселя прервался на полуслове испуганным вскриком одного из его компаньонов. Я обернулась и с любопытством пару мгновений понаблюдала, как мощные челюсти мархуза клацнули в сантиметре от задницы вскрикнувшего эльфа, но к его чести, он увернулся, тут же выстраивая между собой и Филей стену из растений. Мархуз упорно пробивался сквозь преграду, а перепуганному парню приходилось создавать все новые и новые, причем со всех сторон и все дальше удаляясь от меня.

Остальные эльфы, включая и самого Манселя, сейчас рассыпались по поляне. Золотой торнадо, не издавая ни звука, метелил их одного за другим с таким яростным выражением лица, что мне захотелось снова куда-нибудь спрятаться. Придется платить за свои ошибки, как это не печально. Ведь я могу только представить, что испытал дракон, потеряв меня из виду, учитывая гибель матери и потерю отца. В этот момент я бы сама себя прибила за безмозглость и легкомысленность, но случившегося не исправишь. Драка длилась всего пару минут и, вероятнее всего, имела бы летальный исход для этих светлейших дурней, но неожиданно я почувствовала знакомое тепло в груди, а в следующий момент и светлые, и мой дракон замерли как по команде.

Мой дракон тут же оказался рядом, а на поляну высыпали темные. Числом двадцать — не меньше, и во главе мой кровник. Мой кровный должник — дед Фаотей Черный Штерназия. Все темные рассредоточились по поляне, наставив на нас луки, а дед молча презрительно рассматривал нас со Скаем. Его глаза прищурились, вспыхнув ненавистью, как только он заметил, что нас окружили плотным кольцом шестеро светлых вместе с мархузом. Каждый из светлых — еще недавно врагов — сейчас превратился в защитника. Они пойдут до конца, хотя защищали прежде всего корону.

Фаотей медленно оглядел меня, уделив внимание короне на голове, а затем процедил:

— Такая же похотливая сучка как и твоя мать и моя жена! И снова ящерица опозорила нашу чистейшую кровь. Но корона смоем этот позор, внучка. Я прощу тебе чешуйчатого и не убью за этот позор. Я даже помыслить не мог о таком подарке богов... Отомстить всем светлым сразу за гибель моего сына, за гибель каждого темного, за потерянные территории, и вообще, мне будет очень приятно, внученька, смотреть на их долгую и мучительную смерть...

Я слушала этот красивый чарующий голос, сочившийся смертельным ядом, смотрела в невероятно красивые эльфийские глаза своего деда, которые выплескивали не вмещающуюся уже в них ненависть и безумие на всех и вся, и моя ненависть затухала. Я ненавидела безумца, а его можно лишь пожалеть и... пристрелить как бешеного зверя. Заметила, как окаменели спины светлых эльфов после слов Фаотея. Вот эти товарищи теперь точно задумаются над тем, что я могу сейчас сделать с ними, после их неудавшейся попытки

похищения. Пустым взглядом посмотрела на темного и спросила:

— И что же ты хочешь с ними сделать?

Блеснули белоснежные зубы на бледном благородном лице безумца. Он склонил голову, отчего каскад живой тьмы перелился на грудь, спускаясь до ступней, а потом так злобно каркнул, что у меня озноб прошел по спине:

— Я - ничего! А вот ты просто прикажешь им всем сдохнуть! Они сами за нас с тобой все сделают!

Медленно обвела взглядом каждого из двадцати темных эльфов — спутников моего деда. Как я поняла из слов Санренера, все они служат этому безумцу согласно клятве на крови и не могут ему отказать в чем-то. В глазах пустота, похоже, мой дед выпил всех их чувства за столько-то лет.

— А где твой сын Дэной?

— Он не сын мне больше и проклят мною навечно, и за это тоже поплатятся светлые! Изменник! Предатель! — Не ожидала столь бурной реакции на казалось такой простой вопрос. — Как только я займу трон светлых, раздавлю его как насекомое за предательство. Украл мою власть, мой клан, опозорил перед советом...

Почувствовала, как вздрогнуло тело моего мужа от молчаливой усмешки, и немного расслабилась. Хвала Стретеру, что хоть один из моих темных родственников разумен и нормален... Честно говоря, в этой ситуации я не знала, что предпринять и даже что говорить дальше, особенно с учетом накалявшейся обстановки. Светлые напряженно стояли, выставив ладони, готовые в любой момент активировать защиту. Темные, услышав своего старого главу, хмурились, но здесь и сейчас они явно по принуждению, рискуя не только своей жизнью, но и честью, и семьями, ведь мой безумец-дед пытается развязать новую войну, и это в такое время. И они наверняка все понимают, но пойти против клятвы на крови не в силах.

Посмотрела на Скайшера, который впервые не ответил на мой взгляд, а пристально прищурившись, следил за обстановкой.

— Скажи, что мне делать? — шепнула Скаю, опять глядя на темных.

— Ты готова полностью положиться на меня в решении этого вопроса? Каким бы оно ни было, — вкрадчиво поинтересовался дракон, словно ступал на очень зыбкую почву.

— Согласна, Скай! — устало оперлась на его грудь и, смиряясь с происходящим, прошептала: — Мне не справиться сейчас самой, сложная ситуация, и я с удовольствием приму твою помощь... в этот раз!

Дракон усмехнулся, услышав оговорку, затем молча, в прения не вступая, громкие речи не двигая и не демонстрируя свою крутизну, выставил вперед руку и, щелкнув пальцами, резко развел их в стороны. Снова как и в Эйнере все замерли, и время, кажется, остановилось, причем не только для темных, но и для светлых. Потом Скай повернулся ко мне и резко впился в губы поцелуем, немного жестким и слишком собственническим. Пил мое дыхание, ласкал губы и язычок, снова медленно прошелся по лицу, но стоило мне утратить связь с реальностью и, обхватив его лицо ладонями, потянуться к нему, как он отстранился с легкой дразнящей насмешкой на тонких губах.

— Любимая, вообще-то сейчас не время и не место...

— Ну ладно, драконище, — дышала урывками, все еще приходя в себя, но все же пригрозила, — я тебе отомщу за это, стоит до дома добратсья...

— Ой, боюсь-боюсь... - рассмеялся довольный дракон, но тут же посерьезнел. — Я

могу убить его сейчас, или у тебя на него другие планы?

Кто такой 'он' пояснять не надо, я вздохнула и, стараясь даже не смотреть в ту сторону, тихо ответила:

— Санренер мечтал его найти и лично заставить заплатить за смерть моего отца и матери... Можно ли его позвать?

Внимательный золотой взгляд на меня, потом мой ненаглядный активировал портал и, обернувшись, быстро произнес:

— Обратись к кольцу... Мысленно позови деда через родовое кольцо.

Я так и сделала, причем так усиленно звала, что буквально через минуту на поляну начали выскакивать красные драконы, тут же принимая боевую стойку и яростно зыря по сторонам. И впереди всех мой любимый дедушка Санренер, черт, а все же — какой он дедушка, если выглядит на тридцать пять максимум и похож на красноволосого бога. Он заметил нас с золотым, затем Фаотея и, оценив окружающую обстановку, в частности парализованные, застывшие фигуры эльфов, замер как и остальные драконы из нашего клана, коих я насчитала не меньше десяти. Скай недобро посмотрел на уже любопытно и с большим интересом посматривающих на меня драконов и пробурчал сначала мне:

— Я же сказал позвать лишь Санренера, а не эту... глазастую толпу... — Мой удовлетворенный хмык заставил его поджать губы и уже процедить деду: — Это мой подарочек для тебя, Санренер, на мою свадьбу...

Дед плотоядно окинул взглядом Фаотея... остальных, включая светлых, и ответил, растягивая слова:

— Вполне может быть, что ты не самый плохой родственник для меня и моей внучки... — внимательно посмотрел, вздохнул и сделал вывод, — обряд единения вы уже прошли, — Скай расплылся в довольной и не предвещающей ничего хорошего любому, кто оспорит этот факт, ухмылке и лишь кивнул, при этом притягивая меня к себе вплотную.

— Ну что ж, 'подарочек' принимаю и весьма благодарен... Очень благодарен и не забуду о нем... Ну и благословит ваш союз Великий Стретер... Скорыми наследниками!

— Практически уверен, что Стретер точно благословит!

Я недоуменно посмотрела на мужа, а он лизнул меня в губы.

— Так, а с этими что делать будем? — кивнул довольный Санренер на Мансея и его сподвижников по глупым выходкам.

Довольное лицо Скайшера тут же скривилось, словно он кислого попробовал, поэтому раздраженно ответил:

— Пока на Алев корона, я не могу их убить, хоть очень хочется, но она чувствует их боль. Забери их с собой на перевоспитание. Уверен, Тасель будет только благодарен, что мы не перегрызли глотку его щенку сразу, а оставили ему жизнь... пока.

Санренер подошел к нам и, не пытаясь даже забрать меня из рук мужа, просто погладил по щеке.

— Как закончите с делами, залетайте к нам, мы должны провести свадебный обряд и для клана тоже, но пока не торопитесь с этим...

Недоуменно посмотрела на мгновенно ставшее непроницаемым лицо деда, который многозначительно посмотрел на Ская, поэтому задиристо спросила:

— А почему это нам не торопиться?

Дед печально посмотрел на меня, потом бросил страшный мрачный взгляд на Фаотея и ответил, уже направляясь к безумному темному:

— У нас будут дни скорби по Суорену и Гленсии, их убийца ответит, наконец, за все. Я лично займусь этим...

Спрашивать как именно, расхотелось, стоило заметить жуткий, горящий смертельной ненавистью взгляд красного дракона. Да-а-а, при их любви к своему потомству смерть Фаотея легкой и быстрой не будет. А мне хочется спать по ночам спокойно и лучше не знать таких подробностей... никогда.

Муж почувствовал мою боль и напряжение, погрузив ладонь в волосы на затылке, привлек к себе, спрятав на груди, поэтому я не видела, как Скай снял заклинание с эльфов, после того как их разоружили, а потом всех увели в портал. Но я слышала проклинающие всех вопли Фаотея, умоляющие — Мансея и его друзей. Темные смиренно молчали. Я лишь глухо спросила у Ская, уткнувшись в рубашку:

— Что будет с остальными?

Недолгое молчание, а потом мой дракон равнодушно ответил:

— Светлые, если будут умными и научатся хорошо себя вести, возможно останутся живыми, остальные меня не волнуют. Причина, по которой они здесь оказались — только их вина. Клятва на крови дается в исключительных случаях и является добровольной, они знали на что шли, принося ее безумцу, и теперь пришла пора платить по счетам. Больше не думай об этом, Алев! Думай лучше обо мне...

Судьба остальных его не интересовала. Загребущие руки полезли в вырез моей рубахи, обхватывая грудь и лаская ее вершинку, от чего меня пронзила томительная боль внизу живота, и сильное желание согрело кровь, застывшую от случившегося. Но тут рядом раздался сиплый 'гав', мы оба недоуменно посмотрели вниз и натолкнулись на наглый насмешливый взгляд голубых глаз мархуза. Вывалив язык и подвывая, он смотрел на нас, развалившись и помахивая хвостом, сметая листья и мелкие веточки. Рука, дарующая столько удовольствия моему телу, нехотя покинула вырез туники, а вслед раздался раздраженный голос Ская:

— Сейчас с короной скоренько разберемся и еще быстрее найду этому злыдню подружку, чтобы он был занят не меньше меня и интересовался своей личной жизнью, а не нашей. И помоги мне Стретер найти ему самую вредную и недоступную самку...

Морда Фили сразу такая заинтересованная стала, а глаза — заискивающие и преданные, что теперь уже я не выдержала и ухмыльнулась. Впрочем, как и мой дракон, который погрозил Филе длинным пальцем и предупредил:

— Так-то... Не зарывайся!

Ветер ласкал крылья, Дрив уже стремился слиться с Лайваносом, а мы втроем подлетали к центральным землям светлых эльфов, их единственному городу, который является как административной единицей, так и средоточием власти и интриг. Город Рашпель. Родовые поселения располагались гораздо дальше от Рашпеля, а в самом городе находились представительства высокородных домов, святые места для поклонения Пресветлой Алоис, торговые дома и общие урии, которые представляли интересы сразу нескольких низших родов. В центре Рашпеля находился и дворец Повелителя, над которым сейчас трепетали на ветру два полотнища голубого и молочного цвета.

Мы довольно низко летели над городом и иногда делали круги над чем-нибудь интересным для меня, а снизу за нами зорко следили эльфы, но пока никто не стремился послать в нас чем-нибудь опасным или угостить стрелой в брюхо. Слухи распространяются быстро, и большинство светлых уже в курсе, кто их новая Повелительница. Заложив вираж, мы сели на приличных размеров площадке, выложенной мозаикой, перед основным зданием дворцового комплекса. Я магией привела в порядок одежду, а волосы распустила. Теперь они трепетали, словно языки пламени на спине, растекаясь по полотну синей туники. Скайшер неплохо ориентировался здесь, видимо бывал не раз, потому что стоило нам обернуться, подошел ко мне, приказав Филе следовать рядом, и начал рассказывать историю постройки дворца.

Мозаичные дорожки с изображениями военных сражений петляли по восхитительным садам, ветви деревьев сплетались над головой, образуя зеленые арки или целые тоннели, и мы, не торопясь, направились к основному зданию. Как выяснилось, в нем никто не проживал, и строение, напоминающее скорее величественную беседку с арочными проемами окон, использовалось лишь для приемов и заседаний различных советов или комиссий. А вот стоящие рядом здания имели другое предназначение: здесь была и своеобразная тюрьма, уходящая под землю, огромный храм Пресветлой Алоис, где проводились все обряды, казармы для воинов личной охраны Повелителя, бальные залы для проведения ежемесячных обязательных для посещения всей эльфийской знати сборов, ну и собственно жилые комплексы. Причем в них проживали не только семья Повелителя, но и представители высокородных домов первой десятки, а так же советники, жрецы культа Алоис и куча обслуживающего персонала...

Пока мы шли, возле высоких арочных распахнутых дверей собралась внушительная толпа эльфов, которые рассматривали меня пристально, с затаенной ненавистью и страхом. Их чувства я читала не только на лицах, но и ощущала с помощью короны. И это все сильнее тяготило меня и гораздо больше убеждало избавиться как можно быстрее от чужой реликвии, полагая что она принадлежит мне не по праву.

Скайшер, облаченный в привычный черный палантин, укрывающий его золотую красоту на голове, заметив мое растущее напряжение и злой шепот за нашими спинами, наклонился ко мне и ласково шепнул на ухо, не забыв еще и лизнуть:

— Потерпи, любимая, сама виновата... хочешь я их приструню немного?

— Нет, Скай, — я даже испугалась этого предложения, — сейчас быстро избавимся от нее и домой полетим.

Снова лизнул, но уже со вкусом по щеке, а потом быстро коротко поцеловал в щеку.

Шепот толпы сменил ропот, но тут же стих словно по мановению волшебной палочки, стоило Скайшеру резко сорвать со своей головы палантин. Водопад струящейся золотой массы скользнул по плечам, спине... вниз до лодыжек. Мой муж предстал во всей красе со сверкающим богатством волос, ресниц и бровей, с золотистой кожей и мощью стального тела, больше не скрывая силу ауры и магии, которые ударили по нервам окружающих нас высокородных эльфов и их телохранителей, до этого решавших что с нами делать.

Мы оба остановились на двух высоких ступенях перед главным входом, и Скай медленно, со значением обвел мрачным, не предвещающим ничего хорошего, золотым взглядом застывших перед нами мужчин и женщин. К неземной красоте эльфов я уже вполне привыкла, красоте эльфиек не завидовала — из женщин, мужа интересую только я, так что переживать об этом не стоит. Я уже познакомилась с силой, долговечностью и верностью драконьей любви. Потом раздался пару раз слышанный мною, мертвый ледяной голос Скайшера:

— Есть какие-то вопросы? Предложения? Претензии?

Всеобщее молчание, затем вперед выступил один из мужчин с темно-коричневым шаури в волосах:

— Приветствуем новую Повелительницу... Великую Алев Красную!

Скайшер хмыкнул, я приподняла брови, ожидая продолжения. И оно не замедлило себя ждать.

— Будет ли Повелительница менять членов Совета? Можно ли посоветовать, кого лучше назначить в помощники?

Краем глаза заметила, как лицо мужа расплылось в хищном насмешливом оскале. Эльфы дружно вздрогнули, а самый ретивый даже сделал шаг назад, но очень небольшой шагок, видимо жажда власти сильнее страха... Вновь чертик внутри меня решил поиграться не вовремя, поэтому я брякнула.

— Насчет Совета не знаю, а Повелителя...

О-о-о, у народа даже глаза алчно вспыхнули. Понятно, смена власти в государстве, где правители живут тысячелетиями проходит крайне редко и подняться по лестнице власти можно с большим трудом, используя связи и интриги... Все засуетились, ненависть растаяла как прошлогодний снег, зато пышным цветом расцвели липовые восхищение, благоговение и преданность. Причем настолько ярко демонстрируемые, что прекрасные глаза светлых скоро выпадут от усердия. Мой дракон напрягся, а затем и я, услышав шаги нескольких пар ног. По центру зала, появившись из другого входа, к нам шли несколько эльфов, включая экс-Повелителя, Делиаля и парочки их приближенных. Позади Таселя не шла, а словно парила очень красивая эльфийка, и я догадалась, что это, скорее всего, его супруга. Скайшеру надоело стоять в дверях и он, подхватив меня под локоть, направился этой хмурой делегации навстречу, а судя по шороху позади нас, в зал начали просачиваться и остальные властолюбцы. Хвала всем богам, не мне с ними жить, сейчас я даже посочувствовала и очень хорошо поняла проблемы Таселя.

Мой дракон шел по залу как хозяин: с прямой спиной, гордо поднятой головой и поддерживая меня под локоток. Из-за того что мы шли довольно тесно прижавшись друг к другу, шелк наших волос смешивался в красно-золотые тона. Черные облегающие штаны и рубашка Скайшера контрастировали с золотом и моим пламенем, и вообще, я бы с удовольствием понаблюдала, как мы смотримся вдвоем, уверена — зрелище впечатляющее... Стройная девушка с короной в красных волосах (экзотическая внешность

даже по меркам этого мира), а рядом крупный, золотоволосый, опасный мужчина, который чересчур трепетно держит ее за локоть и строго посматривает на окружающих. От пришедших мыслей и сравнений я сама хищно ухмыльнулась, при этом подняв лицо и уже ласковой любящей улыбкой одарив своего мужа, отчего его глаза вновь вспыхнули удовольствием и желанием.

Наконец, мы остановились посреди зала и уставились друг на друга: мрачные Эс Севери и вполне довольные жизнью драконы. Женщина, стоящая немного позади и сбоку от Таселя, быстро осмотрев толпу позади нас, вздрогнула, еще раз пробежалась ищущим взглядом по толпе, а потом неуверенно положила свою ладонь на руку мужа. Делиаль по другую сторону от отца проделал ту же самую процедуру, и по его яростно затрепетавшим крыльям носа стало понятно, что он не только в гневе, но и напуган здорово. Причем не толпой позади нас, желающей передела власти и даже не нашим присутствием здесь, а отсутствием кого-то рядом с нами или в толпе. И уже через мгновение я поняла, кого они искали — своего непутевого сына или брата Манселя.

Тасель тоже отметил этот факт, но с бесстрастной миной глянув нам под ноги и осмотрев Филю, развалившегося на мозаичном полу, безэмоционально спросил:

— Как все прошло?

Скай хмыкнул, выразительно посмотрел на Делиаля, который с неохотой отвел от меня свой взгляд, а потом ответил:

— Плодитесь и размножайтесь, подданные... Наши! Проклятье мы с вас сняли, можете нас за это не благодарить и ноги не целовать...

Тасель поморщился, Делиаль разозлился, а женщина заволновалась еще сильнее, искоса разглядывая меня.

— Скайшер, я надеялся, что хоть избранная сможет положительно повлиять на твой скверный характер, но как вижу, я ошибался...

Скай прищурился и с мрачной жесткой насмешкой ответил:

— Поверь, Тасель, в этом ты действительно не ошибся. Сам себя не узнаю... Вот кто бы мне еще пару месяцев назад сказал, что я могу пожалеть... и оставить в живых... ненадолго... своего соперника... даже гипотетического, но вот настолько неразумного, что продолжает пялиться на МОЕ, съел бы на месте! А уж когда другой, еще более тупой кто-то еще и похитить пытался МОЕ, да еще и мою избранную, ну тут я съел бы и рассказчика, и самого похитителя... веришь... Тасель?

Экс-Повелитель побледнел, впрочем как и Делиаль, но женщина пока только догадывается, о чем идет речь, вон как судорожно сжимаются кулаки.

— Где... мой младший сын? — выдохнул Тасель, сперва прочистив горло.

Скай продолжил испытывать эльфа на прочность, не меняя тона и наслаждаясь мучениями своих врагов, вкрадчиво спросил:

— Ты был в курсе, что он хотел предпринять?

Тасель отрицательно мотнул головой, потом замер и уже практически статуей замер, снова цедя вопрос:

— Где мой сын?

Скай обнял меня, наклонил голову, разглядывая троих Эс Севери, и ответил:

— Я его простил, Тасель, но Санренер забрал его с пятерыми помощниками с собой... на день скорби! Наглядно демонстрирует, что бывает с теми, кто покушается на его родных, близких и вообще на наше племя.

Женщина прикусила кулак, пытаясь не закричать и начала сползать по мужу на пол. Делиаль побледнел и это с его-то смуглой кожей, а Тасель покачнулся, удержался на ногах, но не спешил помогать своей жене встать. Странно! Он прохрипел, глядя то на меня, то на Ская:

— Я отдам все, что у меня есть, но прошу простить моего сына и вернуть его домой! Я дам клятву на крови... — а я задалась вопросом, что это за день скорби такой, если заставил их прийти в такой неопиcуемый ужас. Наверняка лучше не знать!

— Он пытался похитить меня, но помог, когда на нас напал мой дед безумный Фаотей! — не выдержала я. — И хоть они вшестером и защищали не меня, а корону, ведь мой темный дед решил с помощью нее заставить всех светлых покончить со своей брeнной жизнью, но все же они защищали нас. Ну, точнее, без колебаний приняли нашу сторону, и этот факт мой муж принял во внимание, когда назначил им наказание. Они какое-то время побудут воспитанниками моего деда и его драконов, для улучшения морального облика, так сказать. А день скорби пройдет с участием Фаотея — убийцы моих родителей, и Санренер приведет наказание в исполнение... Отдаст долги! А Манселя, сами понимаете, просто так отпускать было нельзя, на него слова не действуют, но мой дед умеет убеждать и обучать тоже. Но мучения и смерть ему точно не грозят...

— Ну вот, все удовольствие испортила... — раздраженно заявил Скай.

Я пихнула его локтем в бок и прошипела:

— Я в ваши мужские игры не играю, а здесь его мама, представь ее чувства.

Посмотрев в глаза своего дракона, еще раз убедилась, что его волнуют и интересуют только мои чувства, остальные — даже краем не задевают. Эс Севери немного успокоились, и даже эльфийка смогла встать статуей рядом с мужем, но теперь поедала взглядом меня.

К моему недоумению, ей понадобилось очень мало времени, чтобы прийти в себя и тут же думать о следующем шаге. Мою слабость они просчитали и будут давить на нее. Тасель облегченно вздохнул и отмер:

— Я благодарен, Алев Красная, что... Этот инцидент вы урегулировали бескровно...

Скай был бы не Скаем, если бы не вставил снисходительно:

— Пока!

Тасель передернул плечами, видимо былая уверенность уже набирала обороты и вновь возвращала гордость и желание, всегда и во всем быть первым.

— Ну что ж, перейдем к обсуждению...

— А что, даже присесть не предложите... — снова перебил Скай.

Я уже замучилась играть в этой песочнице и хотелось в конце концов подарить кому-нибудь эту опасную игрушку, которую на голове таскаю и на пальце, и с подобными родственниками как можно дольше не видеться. Но тут во мне тоже заговорил дракон, на чувствах которого только что сыграли, поэтому резко произнесла, прерывая мужа:

— Я решила сменить Повелителя!

Эс Севери вновь замолчали и выжидающе уставились на меня, зато народ позади забурлил, начали раздаваться громкие шепотки:

— Долой зажавшихся Эс Севери...

— ...кланы должны сами управлять...

— Все решения Совету...

Лицо Таселя все сильнее темнело, Делиаль скрипел зубами, а я отчетливо поняла, что мы попали в серпентарий на грани государственного переворота. Нет, я уже в таком

кошмаре участвовала!

— Корону я передам другому... если подскажут как?

Уже знакомый эльф из оппозиции быстренько выдвинулся вперед под многообещающим, правда, не счастья взглядом Таселя и вкрадчиво обратился ко мне:

— Повелительница, в этом ничего сложного нет, вы должны смешать на перстне свою кровь и нового претендента, а потом добровольно передать власть и полномочия, после снимите кольцо и передадите преемнику, затем корону... Я могу вам все наглядно показать...

Он так заискивающе и преданно заглянул мне в глаза, что я только с большим трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. Лишь хмыкнув, качнула головой и, слегка пожав плечами, поблагодарила:

— Ну что вы, спасибо за помощь, но мы уж как-нибудь по-родственному разберемся. Не зря же моя бабка была кузиной Эс Севери, так что лучше корону из семьи не выносить...

Скайшер громко загоготал, увидев, как вытягивается лицо добровольца на корону. Тасель едва заметно выдохнул, как и его жена, а Делиаль слегка расслабился.

— Видишь, Тасель, сколько мы тебе подарочков сегодня сделали... Корону подарили, сына вернули... практически, — продолжил Скайшер, хохотнув, добавил, — должок за тобой будет...

— Процедуру проведем сегодня же... наверное... — вмешалась я. Повелитель опять едва заметно поморщился, но с трудом изобразил улыбку на лице, которая тут же стерлась, стоило мне поставить условие: — Но сразу после того, как напишите отказ на все земли марханов, которые вам достались за последние пятьсот лет.

— Да ты.... - яростное шипение Таселя, наконец вышедшего из себя, прервалось, стоило мне покрутить на пальце перстень с белесым камешком.

В итоге, отказ мы подписали, заодно покопались в закромах эльфийской сокровищницы, потому что мне неожиданно стало жаль расстаться с короной, 'я к ней так привыкла', и ее заменили на другое украшение. Очень красивое и ОЧЕНЬ дорогое, и ОЧЕНЬ древнее. Как шепнул на ухо мой дракон, это тоже артефакт, просто эльфы об этом пока не знают... После мы все же провели обряд, причем всей толпой уговаривали меня проколоть палец, чтобы выдавить каплю крови, 'мне бо-о-ольно будет'... Потом я все же пожалела беднягу Таселя с его уже в истерике закатывающей глаза женошкой и позволила себя уколоть. Корона теперь на голове законного Повелителя, а нас ОЧЕНЬ вежливо попросили покинуть территории светлых. А так как ночь уже на дворе, мы вновь воспользовались порталом, но зато сразу смогли завалиться на родную удобную кровать.

Проснулась резко, будто кто-то толкнул. Открыла глаза и, затаив дыхание, глядела на расслабленное умиротворенное лицо Скай, который спал лицом ко мне, держа за руку. Усмехнулась, похоже он даже во сне бережет свое самое ценное сокровище, как он мне вчера вкрадчиво заявил, быстро вклиниваясь между ног и заполняя до отказа. Но оказавшись внутри меня, приподнял таким образом, чтобы я сидела на нем тесно прижавшись к его груди и обвивая его талию ногами. В тот момент, когда мы сплелись в единое целое, я почувствовала пульсацию внутри, и тогда он начал медленно долго целовать...

Воспоминание о нашем возвращении в уже родное гнездо (даже название дома гнездом во мне быстро укоренилось и не вызывало отторжения) снова разбудило желание, которое растекалось по моим венам, устремляясь к низу живота. Осторожно освободила руку, на мгновение замерев, потому что Скай, лишившись моей руки, тут же недовольно заворчал, передернув плечами, но затих. А я села, разглядывая спящего мужа. Лучи светила не проникали в пещеру так глубоко, но света магических свечей хватало, чтобы хорошенько полюбоваться великолепным обнаженным телом, которое навсегда принадлежит только мне. МОЕ!

И это 'МОЕ' согревало душу и грело сердце, заставляя быстро биться от счастья. Широкие плечи и спина бугрились стальными мышцами. Мощные, хорошо развитые руки и длинные сильные ноги. Золотистая кожа переливалась в таинственном свете, а на упругих ягодицах игриво заплясали блики... Действительно, как бронзовый бог Аполлон.

Протянула руку и, медленно лаская погладила его ноги, пробежалась по ягодицам, а потом не удержалась и склонилась над ним, лизнув золотистую поясницу. Чуть прикусила бок, снова зализала укус и так все выше, а грудью, уже не в силах терпеть, потерлась об него и так забиралась все выше. Уже вся лежу на нем и целую шею, зарываясь в водопад золотых, загадочным образом не спутанных волос, отодвигая их в сторону, потом лицо... А потом сама не поняла как очутилась сидящей сверху, глядя в расплавленное золото его глаз. Скай в предвкушении ухмыльнулся и, приподняв, рывком усадил на свою внушительную твердость и гордость. Прогнулась, со стоном выдыхая его имя, а его большие ладони скользнули по моему животу, лаская, затем накрыли жаждущую его внимания грудь. Сжал, и мы оба услышали наш общий стон наслаждения... Последней четкой мыслью было, что я, кажется, освоила прекрасное искусство верховой езды на драконе. Опустошенные, лежали, прижавшись друг к другу, немного отдышавшись в предвкушении возможного повторения этого в ближайшем будущем, легким игривым тоном спросила:

— Мне так понравилось, не боишься растерять свою брутальность и мужественность, если я часто сверху буду?

Скай слишком серьезно посмотрел на меня, а потом, прижав к себе сильнее, ответил, заставив меня задохнуться от любви к нему:

— Единственное, чего я боюсь — это потерять тебя, любимая!

Потом мы еще долго лежали и миловались в нашей большой кровати и даже обедом меня кормили в ней, и это тоже было любовной игрой. Глядя в его любимые и любящие глаза, я наслаждалась всем, что он давал и щедро делилась с ним.

В таких притирках прошел наш слегка запоздавший медовый месяц, и очередным утром меня разбудил голос мужа. Большая ладонь накрыла мой живот, слегка погладив, а потом

ласковый шепот известил:

— Я на охоту, любимая! Ты поспи подольше!

Я была согласна на все сто, потому что в последнее время не высыпалась, поэтому потянулась, потерлась лицом о мужнино предплечье и зарылась с головой в одеяло под ласковый смех Ская. И только спустя наверное еще пару часов соизволила встать. Сходила в соседнюю небольшую пещерку, где у нас располагался естественный водный источник, образующий великолепную ванную в экостиле. Мылась и пока водила намыленной рукой по животу, неожиданно почувствовала странный теплый отклик. В груди все затрепетало от предчувствия, поэтому я осторожно мысленно углубилась в себя, выпуская из рук часть своей целительской силы. Через несколько минут я с глупой счастливой улыбкой продолжала сидеть в этой естественной каменной ванне и плакала от счастья. Разве может быть сразу столько счастья? Столько счастья мне одной? Как его выдержать и не расплескать, не лишиться? А руками поглаживала пока еще плоский живот, в котором уже росло семя Скайшера, две золотые драконицы — наши дочери. Глубоко вздохнула, представляя как обрадуется муж... Потом еще раз, представив КАК обрадуется дед.

С ним мы смогли встретиться только три дня назад, а весь предыдущий месяц он занимался Фаотеем, которого к моему прилету в долине клана уже не было. На осторожный вопрос где он, не ответили, но по жуткой довольной гримасе Санренера я поняла, что живым он быть перестал, остальное меня больше не интересовало.

Зато Мансель с друзьями, завидев меня, кинулись ко мне с такой скоростью, что их с трудом успели поймать за шкурку, орали как резаные, умоляя простить и отпустить до дому, до хаты... Заверяли, что все осознали и поняли, и даже про родственные корни напомнили, заставив Санренера помрачнеть. Я же прониклась и упросила их отпустить восвояси. Мои любимые драконы так и поступили... Отпустили. Правда, теперь эльфам придется топтать через горы ну очень далеко, но мой дальний родственничек с товарищами претензий не высказывали, а даже очень сердечно благодарили, торопясь удрать побыстрее. На мое короткое 'пока, возможно увидимся!' передернулись и ускорились в плане прощаний...

После этого мы посетили Раневельса и его беременную подругу, которой до родов осталось всего пару месяцев, хорошо что хоть в этом вопросе моя помощь не нужна. Зато Санренер привычно пер к морковным свежатину как подношение зеленой самке, хотя скорее — своей будущей избранной. Потом под понимающим взглядом Ская суетился вокруг зеленой, все выпрашивая у меня как ее самочувствие и состояние обеих еще не рожденных девочек. Проверив, успокоила его, но он все равно постоянно следил за самкой, не меньше Раневельса карауля любой ее шаг. Зато теперь Раневельса обхаживает куча перспективных женихов, ведь у него будут две дочери, и лишь на одну претендует Повелитель... Мой Скайшер ходил с мрачной злобной миной, наблюдая за этими брачными плясками, и все время прижимал к себе, привычно обтекая со всех сторон.

С такими приятными мыслями я выбралась из ванной и оделась в легкое зеленое платье до пола и мягкие кожаные туфли. Осмотрев свою пещеру, решила приготовить праздничный ужин мужу сама. Хотя у нас работала та же система доставки пищи, что и у Санренера, но сейчас мое сердце требовало другого. Уже через пару минут я с расстройства пнула подушку, ведь готовить не на чем и по сути дела не из чего. Кухня здесь не предусмотрена... Так, надо исправить это упущение, своим детям я буду готовить сама!

Раздраженная неудавшейся попыткой стать заботливой женой, сначала услышала шум крыльев, правда, почему-то слишком громкий, а потом с недовольством заметила, как песок

и пыль с площадки перед гнездом зазмеились внутрь МОЕГО дома. У меня тут скоро дети будут ползать... почти скоро, а их папочка такой неаккуратный... Крыльями тут размахался у меня...

— Скай, может ты чуть по тише крыльями махать будешь, а то напылил тут мне, намусорил, а кухни у нас тоже нет, а я хотела ужин приготовить праз...

Я злобной фурией выскочила из пещеры, на ходу высказывая наболевшее и на полуслове замолчала, округляя глаза в блюдца... которых тоже у нас, кстати, нет...

Пятеро мужчин и один мой муж стояли в ряд на краю площадки, с искренним восхищением и чувственным голодом в глазах рассматривая меня. Все как на подбор мужественные и хоть сложены немного по-разному, но сильные, мускулистые, с широкими плечами, довольно высокого роста, что, как я отметила, характерно для всех драконов, аура каждого буквально давит на мои слегка расшалившиеся нервы. Схожий внешний вид и даже цветовая гамма волос и глаз, но трое мужчин с золотистыми волосами и шкуркой им под стать, а вот двое других покорили платиновым оттенком волос и более темной кожей, словно инеем присыпанной. И если к золоту я уже привыкла в лице собственного мужа, то вот серебристые меня впечатлили, заставив в восхищении приоткрыть рот.

И в этот момент произошло следующее: на мой взгляд самый красивый из золотых, прищутив свой так же золотой взгляд, мурлыкающим глубоким баритоном спросил, делая шаг в мою сторону:

— А она такая же сладкая на вкус, как и на вид?

Он еще не успел договорить, как в мою сторону метнулся Скайшер с таким злобным рычанием, что я чуть не присела со страху, но его руки вовремя обвилились вокруг меня.

— А ты попробуй, проверь, тогда я узнаю насколько вкусный ты сам...

Мужики рефлексировать не стали, а все так же с горячим любопытством рассматривали меня с ног до головы. А я их, причем с удивлением отметила, что искренне считаю своего дракона лучше всех, красивее всех, сексуальнее всех и нужнее всех, а главное — единственным, кого я люблю до безумия... или до беременности! Нагловатый красавчик подошел к нам и, не обращая внимания на чересчур насторожившегося Скайшера, представился:

— Хаянер Золотой! Мы друзья вашего избранного, красавица, — дальше он начал представлять остальных, указывая на них рукой: — Рор Золотой, Шаэран Золотой, Глисс Серебряный и Ифрок Серебряный к вашим услугам и к нашему удовольствию всегда и всюду.

— Алев Крас...

— Ты себе свою найди, а потом предлагать будешь везде и всюду...

Поперхнулась от ехидных слов Скайшера на двусмысленное приветствие Хаянера, а потом в голову пришел закономерный вопрос:

— Я так понимаю, вас Скайшер пригласил?

Они многозначительно ухмыльнулись, и этот наглоющий Хаянер ответил:

— Нас не зовут, мы сами прилетаем!

Почувствовала, как мой муж заерзал, и почему у меня такое стойкое ощущение, что он нервничает и смутился... Обернулась, подозрительно уставилась на мужа и задала очень важный вопрос:

— А откуда они узнали, что я тут появилась...

— А мы пролетали однажды... мимо... А вы тут... — поведал весьма приятный

бархатистый голос Ифрока Серебристого.

Я уже поняла, что он хочет сказать дальше, и почему так побронзовел мой муженек, который невинно заглянул мне в глаза, когда я спросила с явной угрозой для него:

— Это те самые умные... которые мимо пролетают, так что мне еще радоваться надо, что глупых не нашлось, которые поближе подлетели бы... пока мы тут... объединялись, да?

Скайшер прижал сильнее и с силой поцеловал, глубоко, по-собственнически, и мое раздражение тут же испарилось, а ноги стали ватными, и вообще, плевать на зрителей похоже...

— Кхе-кхе...

Поцелуй прекратился, а мне потребовалось еще некоторое время, чтобы прийти в себя, но мне помогли.

— Да-а-а, похоже она слаще, чем я предполагал... — снова промурлыкал Хаянер.

— МОЯ! — весомо и многозначительно ответил Скай, оглаживая меня всю. Мужчины уже весело улыбались, и странно — напряжение после этого спало.

— Твоя... Потому что связь слишком сильна между вами... тебя она не переживет! — согласился Хаянер.

После этих слов стало не по себе. Потому что я поняла — драконья дружба длится до первой встречи с избранной, если та встала между двумя драконами. И мне очень повезло, что наша любовь со Скайшером не стала предметом распрей между этими прекрасными и сильными мужчинами.

— В гости не зову... в ближайшие пару десятков лет, так что легкого вам ветра, друзья...

От наглой и ни чем не прикрытой издевки в голосе мужа, я вновь испытала стыд, однако, к моему недоумению, драконы своего друга поняли прекрасно, но все-таки решили испытать его нервы на прочность. Каждый протянул мне руку попрощаться...

— Ну что вы, зачем церемонии... — зло прошипел Скай.

Я высвободилась из его рук и шагнула к мужчинам с протянутой рукой. Надо хоть мне проявить вежливость... Первым ладонь пожал Хаянер, очень нежно и тщательно контролируя свою силу, при этом весело заглядывая в глаза. А я в момент соприкосновения наших рук ощутила невероятное родственное тепло, такое близкое и уже знакомое...

Медленно высвободила свою ладонь из его и, чуть повернувшись к вскипающему бешенством мужу, заметила:

— Да-а-а, не повезло ему с будущим тестем...

Скай на время прекратил закипать, напоминая при этом чайник, и недоуменно уставился на меня. А я тем временем попрощалась с другими мужчинами. Последним протянул руку загадочный, не столь крупный как остальные, но со слишком опасными серебристо-серыми глазами Глисс. Он учтиво перехватил мою ладонь, чуть погладив большим пальцем запястье, а я неожиданно для него хихикнула. Причем неожиданно, похоже для всех, в том числе и для Ская.

Отошла чуть в сторону и, еще раз оглядев будущих родственников, порадовалась за себя. Вон каких зятьев отхвачу... хм, дед, конечно, будет в бешенстве, что его клан опять в полете, но вряд ли у него будет время интриги плести в ближайшие лет эдак двадцать... Стоп! Именно в этот момент мои предположения переросли в твердую уверенность. Теперь я точно знаю, что скоро родится избранная для моего деда у зеленой самки Раневельса, а у меня появятся два зятя — золотой и серебряный.

— Любимая, ты хорошо себя чувствуешь?

Скай быстро рванул ко мне, взглядываясь в глаза, приобнял легко, а я рассмеялась совсем, отвечая:

— Лучше, никогда себя не чувствовала. Кстати, Хаянера и Глисса пригласи на обед, надо познакомиться поближе с нашими будущими няньками... да и вообще — убедиться, действительно ли нам повезло с зятями...

Скайшер с волнением всматривался в мое лицо, остальные незаметно окружили нас и тоже напряженно разглядывали меня. Точно решили, что помешанная... Я же приподнялась на цыпочки и, обхватив лицо Ская ладонями, нежно поцеловала, а потом выдохнула:

— Я утром выяснила, что мы беременны... И у нас будут две девочки...

Мой всегда ехидный, насмешливый и в то же время непоколебимый муж качнулся, но устоял. Потом прижал слишком сильно, но тут же словно опомнился и ослабил объятия, теперь держа словно фарфоровую статуэтку.

— Ты уверена? — его хриплый взволнованный голос поразил до глубины души.

— Я же целительница, ты что, забыл? Я теперь хранитель красных драконов, и их потомство контролирую, чтобы скорлупой не покрывалось. Да, я уже проверила своих малышей, они такие сильные... И обе в папочку... золотые. Представляешь?

— Ну ты, друг, везунчик... Истинная связь, истинная любовь и сразу потомство, и кто — девочки... Я бы умер за это! — теперь уже Шаэр хрипло, взволнованно пробасил.

Лоб мужа покрылся испариной, а голос стал совсем тихим:

— А эти тут причем? — он кивнул головой на бледных Глисса и Хаянера, неожиданно растерявшего всю свою хамовитость и апломб.

— У них аура родственная с нашими дочерьми... Так же как у Санренера с той девочкой — еще не рожденной дочерью Раневельса. Помнишь, я тебе говорила, что почувствовала эту связь. Они для меня чужаки, и кровь наша не связана, но я сейчас убедилась, что это действительно означает избранность. Глисс связан с одной из наших девочек, а Хаянер — с другой, и я это почувствовала... Надо деду рассказать и подтвердить, а то он все волнуется, но раз я знаю, что связь различна, то...

Хаянер присел на корточки рядом со мной и осторожно, с благоговением положил ладонь мне на живот. Глисс был готов подвинуть друга и сделать тоже самое, но им помешал мой муж. Снова рыкнул, подхватил меня на руки и прошипел мужчинам, в полном молчании и слегка ошарашено, глядящим на меня:

— МОЯ! Хмм... МОИ! — развернулся и быстро потащил свое в пещеру, а я смотрела какими тоскливыми взглядами провожали меня Глисс с Хаянером, продолжавшим сидеть на корточках. Трое других глядели еще худшими глазами — словно сейчас их безжалостно ограбили, но извините, меня на всех не хватит. А вообще, надо потренироваться, и вполне возможно я смогу развить этот дар, чтобы определять избранных не только своих родственников.

Шум огромных крыльев, и гости действительно нас покинули. А мы весь день провалялись в постели. Еще Скайшер меня, видимо, решил откормить так, что скоро я в собственное гнездо войти не смогу, но его повышенная заботливость мне понятна. Однако, уже к вечеру я рычала на него — отношение ко мне как к ребенку раздражало, дело закончилось в постели, где я опять сидела верхом на драконе. Хотя, нечаянно поймав его хитрющий довольный взгляд, поняла, что он в очередной раз провел меня и заставил сделать так, как ему хотелось. Р-р-р, гад!

А утром, как я и предполагала, на нашем 'крыльце' лежали две свеженькие тушки.

— Какая прелесть, смотри, Скай, тебе больше нет смысла летать на охоту...

Он внимательно посмотрел в небо, потом вернул взгляд к тушкам, и его лицо расплылось в такой широкой ухмылке, что я заинтересованно вопросительно уставилась на него. И он меня не разочаровал:

— Знаешь, мне повезло с женой, с потомством, с родственниками... Охотится не надо, охранять тоже не надо, и надо полагать, я в любой момент знаю, где достать самую лучшую няньку для своих дочерей и даже две сразу... Не жизнь, а сплошной праздник, и это все со мной случилось, стоило тебе войти в мою жизнь, любимая!

Я прилипла к нему, обвивая руками шею, и весело спросила:

— Я твое сокровище?

— Нет! Ты моя жизнь! Ты мое сердце! Ты — все, что мне надо в жизни! Я люблю тебя, Алев!

25 лет спустя

Еще с утра мы прилетели в гости к Санренеру, но его уже который час нет в гнезде. Правда, как мне по секрету сообщил Шаэр Золотой, дед сейчас охмуряет свою Раневею, пока ее отец Раневельс на охоте и не может проконтролировать этот процесс. Девушке двадцать пять исполнилось неделю назад, и свой первый вылет она совершила, так что теперь совершеннолетняя, но от тотального контроля и опеки своего клана не сможет освободиться еще лет семьдесят... Или пока не пройдет единение с избранным. А единение, судя по поведению и усилиям Санренера, уже не за горами, а может и прямо сейчас проходит. Он ее долго ждал, свою девочку.

Пятнадцать лет лишь издали следил, охотился для них и защищал, пока Раневельс занимался своей маленькой семьей, заменяя своим дочерям и маму, и папу. Зеленая самка скрылась из виду, едва успев родить, и все заботы ожидаемо легли на папу-дракона, но ему помогали все и мы со Скайшером в том числе. Кстати, это помогло и мне в будущем правильно и уже без страха заботиться о своей двойне, но помощь мужа была неоценимой.

А мудрый Санренер присутствовал незримо, опасался, что малышка полюбит его скорее как отца, чем как своего избранного мужчину. И только когда она созрела и обрела крылья, в первый раз появился перед сестрами. С того момента он превратился в галантного и весьма обольстительного кавалера, а пока Раневея не видела — в весьма коварного и жестокого соперника за ее сердце. К двадцати трем годам она призналась моему деду, что любит его и готова стать избранной, ну в смысле пройти то самое единение, но счастью не совсем юного жениха помешал коварный папаша девушки. Вырвав чуть ли не зубами из глотки друга обещание, что тот не тронет дочь, пока ей не исполнится двадцать пять... хотя бы.

Таким образом, жизнь меня радовала 'Санта-Барбарой', которую можно теперь смотреть целую вечность и наслаждаться ее перипетиями. В Драконьих горах жизнь неожиданно забила ключом, особенно после того, как я обрела статус хранителя драконов. Увеличилась численность красных драконов, причем и самки, и самцы начали рождаться в равном количестве. Просто раньше у девочек было меньше шансов нормально развиваться, потому что сил меньше. А с моей магической подпиткой дело пошло веселей, и теперь многие красные папаши выгуливали свое полноценное потомство от зеленых самок. Не то чтобы все одинокие красные драконы поголовно начали брать себе в пару зеленых самок для получения потомства, отнюдь. Далеко не для всех приемлема такая связь, но тем, кто решился, я помогала. А еще научилась чувствовать избранных и вне своих родственных связей, и теперь со мной все здоровались за руку, каждый таким образом оставлял мне часть своей ауры, чтобы я могла определить, когда появится их избранная. Хотя это до бешенства доводило моего мужа, но ему пришлось смириться с этими рукопожатиями.

Вот и Шаэр дождался своей красной девочки-избранной, я ему неделю назад сообщила, что одна из зеленых самок нашего клана носит его сокровище. И теперь он практически поселился в долине Красного клана, карауля это самое сокровище, и ждать ему так же как Санренеру — не меньше двадцати пяти лет. Драконы непреклонны.

Неторопливые мысли прервал ошутимый пинок внутри меня, заставив охнуть и положить обе руки на свой сильно выдающийся живот и погладить со словами:

— Тихо, сыночка, тихо, родной! Потерпи чуточку, еще неделька осталась...

На мои руки легли большие ладони мужа, он слегка пошевелился, не меняя положения, и немного подтянул меня выше, чтобы уткнуться носом мне в шею. Отклонила голову, чтобы обеспечить ему доступ получше и поерзала, удобнее устраиваясь на его коленях. Мы вытащили несколько подушек, плед и расположились на площадке перед пещерой деда в его ожидании. Тяга Ская ко мне растет с каждым прожитым днем, про года я вообще молчу, и теперь мы всегда и везде вместе. Когда мы вот так сидим вместе, кажется, что даже дышим синхронно, и сердца бьются в унисон.

Его ладони погладили мой живот, и сын, почувствовав ауру отца, присмирел, а я вновь расслабилась в объятиях мужа. Второй беременности мы ждали больше двадцати лет, впрочем как и многие драконы вместе с нами, которые не скрывали своих надежд на повторное чудо и рождение девочек, но мой муж в этот раз подкачал. Ну, это они заявили, когда мы, наконец, выяснили, что беременны вновь, но уже мальчиком. Обозвали Скайшера бракоделом и отстали, правда, я уверена, пройдет какое-то время после родов, и они вновь примутся ожидать нашего нового потомства с затаенной надеждой...

Зато Скай счастливо ждет рождения сына, он уже наметил программу его обучения. Как лучше вскрыть чужую сокровищницу, отомстить обидчикам, запугать или обмануть врагов... Я когда ознакомилась с его намерениями, полдня в себя прийти не могла, хорошо воспитанием наших дочерей все же большую часть времени занимаюсь я, впрочем, как и своей будущей бабушки. Над этим фактом я никак не могу думать без смеха, постоянно подтрунивая над Раневеей и Санренером.

Мое внимание привлек отблеск в небе. Присмотревшись, заметила четыре фигуры: три, отливающие золотом и одну — серебром. С облегчением вздохнула и тут же услышала раздраженный ворчливый голос Ская над ухом:

— Ну, наконец-то! Я Хаянеру и Глиссу все крылья пообрываю за такие длительные прогулки. Светлане и Айрес еще не исполнилось двадцати пяти, а эти тролли недоделанные уже их обхаживают и трутся об моих девочек, стоит тем только приземлиться...

— Скай, вспомни, что сам вытворял! Помнится, ты не спрашивал о возрасте, когда на той скале пытался меня обесчестить, ты тогда вообще ни о чем не спрашивал, а сейчас...

— А сейчас это мои дочери, и я не для того их на свет произвел, чтобы эти свои... своими лапами загребущими их трогали... везде! Да меня тошнит от одной мысли, что эти ящерицы будут делать с моими девочками когда...

— А меня тошнит уже который месяц, после того как ты своими загребущими лапами... а уж что при этом творил... м-м-м, прямо в жар до сих пор бросает и снова хочется, чтобы хоть что-нибудь сделал...

— Р-р-р, Алев, зачем дразнишься, знаешь же, что нам нельзя...

— Не переживай, — повернулась немного к нему и погладила по щеке с горячим обещанием в глазах, — я покажу тебе сегодня небо в звездах, а сама могу и потерпеть пару недель...

Мы целовались с ненасытностью молодоженов, пока не услышали шум крыльев рядом, и ехидный, но очень довольный и чересчур счастливый голос деда:

— Вам еще не надоело? Вон, Алев, как тебя из-за его поцелуев разнесло, а ты все продолжаешь...

Мы оба с веселым любопытством уставились на Санренера, который крепко прижимал к себе Раневею. Девушка словно светилась изнутри и быстро продемонстрировала пальчик с нашим родовым кольцом с большим красным камнем. Значит, обряд единения прошел, и

теперь они вместе. Осталось только Раневельса порадовать. Я расцвела от восторга за них, зато Скай в своей привычной ехидной манере ответил деду:

— Ну, я смотрю, скоро и твою избранную так же разнесет, видел бы ты свою довольную физиономию...

Сильный порыв ветра, и по площадке к нам стремительно идут две похожие девушки — Светлана и Айрес, а за ними, не отставая ни на шаг, — Хаянер и Глисс, дружно зыркающие по сторонам на окружающих мужчин, которые, стоило появиться над долиной Красных двум золотым драконцам, тут же суетливо поднялись на крыло и наяривали круги над нами... Демонстрируют свои стати... Девушки чмокнули свою подружку-прабабушку Раневею, затем — прадеда Санренера, от чего его и так слишком довольное лицо совсем расплылось от безграничного счастья, а потом девочки подбежали к нам, так же одарив коротким поцелуем.

— Мам, пап а можно завтра на охоту с Хаянером и Глиссом слетать?

— Вот что-то мне подсказывает, — заворчал Скай, с мрачным подозрением уставившись на своих друзей, а теперь еще и претендентов на руки и сердца его дочерей, — что они там охотится будут не на...

— Любимый, а помнишь, что я тебе на вечер обещала?

Нахмуренные брови мужа разъехались в стороны и приподнялись в недоуменном вопросе, а потом, вспомнив о чем речь, Скай скрипнул зубами и проворчал:

— Ладно! Можно! Но если их после этой охоты так же как тебя разнесет, я этим охотникам крылья пообрываю....

— Скайшер...

— Дружище, да как ты можешь такое подумать...

— Папа...

— Любимый...

— Гав-гав...

Услышав последний, насмешливо укоризненный возглас, мы с мужем посмотрели на уже стареющего Филю, развалившегося неподалеку и лениво теребящего хвост своей подружки, которую ему таки нашел Скайшер лет этак двадцать пять назад. Скай захохотал и ответил:

— Ну, если и ты с ними заодно, то мне, наверное, стоит задуматься о своем поведении...

Мужчины быстро накрыли стол, прямо на площадке, и мы всей веселой толпой расселись ужинать. Я по-прежнему на коленях Ская, Санренер так же не выпускал Раневею со своих, а мои девочки сидели каждая подле своего мужчины. Все наше семейство в сборе, все счастливы. Постоянно кто-нибудь подлетал из друзей-драконов. Дядя Заак пристроился рядом, высматривая вкусные куски еды на столе и хватая их наглой зеленой мордой. Шаэр присоединился чуть позже, потом снова отправился караулить свою ветреную тещу, чтобы она его избранную доносила в целости и сохранности...

Дрив уже поцеловал Лайванос, и Суар игриво расцвечивал плывущие облака, а я, сидя на коленях мужа в тепле его рук и в кругу всех своих родных и любимых, просто наслаждалась их видом. Родными лицами и голосами, и этой привычной суетой, которая так дорога и необходима моему сердцу. Я дома, и я среди тех, кого сильно люблю! Все мои мечты сбылись!

Конец!

Больше книг на сайте - Knigolub.net